

ISSN 2305-4328

**МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
КОСТРОМСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМ. Н.А. НЕКРАСОВА**

ЭНТЕЛЕХИЯ

НАУЧНО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Выходит с 2000 г.

ИЮЛЬ –
ДЕКАБРЬ

30

2014

КОСТРОМА

ЭНТЕЛЕХИЯ

Научно-публицистический журнал

Главный редактор И. А. ЕДОШИНА

Общественный совет журнала:

А.Р. Наумов (ректор Костромского государственного университета им.Н.А. Некрасова),
А.Н. Николюкин (доктор филологических наук, ИНИОН РАН), **В.А. Фатеев** (кандидат филологических наук, переводчик; Санкт-Петербург), **А.Л. Налепин** (доктор филологических наук, вице-президент Российского фонда культуры), **П.В. Палиевский** (доктор филологических наук, Институт мировой литературы им. А.М. Горького РАН), **игумен Андроник** (А.С. Трубачев, кандидат богословия, доцент Московской духовной академии), **С.М. Половинкин** (кандидат философских наук, доцент Российского государственного гуманитарного университета)

УЧРЕДИТЕЛЬ:

Костромской государственной университет им. Н.А. Некрасова

СОУЧРЕДИТЕЛИ:

Российский фонд культуры (Москва),
Редакция альманаха «Российский архив» (Москва),
Музей священника П.А. Флоренского (Москва)

СОДЕРЖАНИЕ

ИЗ ЖИЗНИ СВЯЩЕННИКА П.А. ФЛОРЕНСКОГО	5
<i>Игумен Андроник (А.С. Трубачев)</i>	
СЕРГИЕВО-ПОСАДСКОЕ ДЕЛО И ЕГО ПОСЛЕДСТВИЯ	5
РЕЛИГИОЗНАЯ ФИЛОСОФИЯ И ПРОБЛЕМЫ ИСКУССТВА	53
<i>Зенкин К.В.</i>	
ПОНЯТИЕ ПРООБРАЗА ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ФОРМЫ В ПРАВОСЛАВНОЙ ФИЛОСОФИИ XX ВЕКА И СПЕЦИФИКА МУЗЫКАЛЬНОГО ИСКУССТВА	53
<i>Крикунов А.Е.</i>	
ПРОБЛЕМА ИЕРАРХИИ В ФИЛОСОФИИ П.А. ФЛОРЕНСКОГО: «ИЕРАРХИЯ НЕБЕСНАЯ» И «ИЕРАРХИЯ ЗЕМНАЯ»	62
ИКОНА КАК ФЕНОМЕН ХРИСТИАНСКОЙ КУЛЬТУРЫ	67
<i>Едошина И.А.</i>	
ПОТЕНЦИАЛЬНОЕ В ИКОНЕ	67
<i>Громова А.Е.</i>	
ПРОБЛЕМА ОПРЕДЕЛЕНИЯ РЕАЛИЗМА И НАТУРАЛИЗМА В ПРОСТРАНСТВЕ ИКОНЫ (П.А. ФЛОРЕНСКИЙ)	72
К 700-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ПРЕП. СЕРГИЯ РАДОНЕЖСКОГО	78
<i>Смирнова Т.В.</i>	
СКАЗКА ПРО МЕДВЕДЯ	78
<i>Павлюченков Н.Н.</i>	
СТАТЬЯ «ТРОИЦЕ-СЕРГИЕВА ЛАВРА И РОССИЯ» В РЯДУ ДРУГИХ РАБОТ СВЯЩ. П. ФЛОРЕНСКОГО	80
<i>Казначеева Т.А.</i>	
СЕРГИЙ РАДОНЕЖСКИЙ – АНГЕЛ-ХРАНИТЕЛЬ РОССИИ, ТРОИЦЕ-СЕРГИЕВА ЛАВРА – GENIUS LOCI СЕРГИЕВА ПОСАДА	84
АНТИНОМИИ КУЛЬТУРЫ	
<i>Павлюченков Н.Н.</i>	
«ЭЛЛИНИЗМ» И «АНТИЧНОСТЬ» В РАБОТАХ П.А. ФЛОРЕНСКОГО	88

<i>Мойсюк Т.В.</i>	
АНТИНОМИЧНОСТЬ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО БЫТИЯ В ФИЛОСОФИИ П.А. ФЛОРЕНСКОГО	93
<i>Гришин А.А.</i>	
«ЛЮБОВЬ К КОРНЮ»: ПОЛ, СЕМЬЯ И РЕЛИГИЯ В ПЕРЕПИСКЕ В.В. РОЗАНОВА И О. ПАВЛА ФЛОРЕНСКОГО	96
НАШИ ПУБЛИКАЦИИ	107
<i>Резепин П.П.</i>	
КОСТРОМСКОЙ НЕКРОПОЛЬ. ВТОРОЙ КРЕМЛЬ	107
СОБЫТИЯ И ФАКТЫ	124
<i>Едошина И.А.</i>	
СЕМИНАР В СЕРГИЕВОМ ПОСАДЕ	124
Сведения об авторах	127
SUMMARY	128
Обращение к авторам	131

ИЗ ЖИЗНИ СВЯЩЕННИКА П.А. ФЛОРЕНСКОГО

От редактора. Предлагаем нашим читателям главу из книги отца Андроника, посвященной истории жизни и творчества священника Павла Флоренского.

УДК 281.2

Андроник (А.С. Трубачев), игумен

Московская Духовная Академия
andronik-pavel@bk.ru

ГЛАВА 18 СЕРГИЕВО-ПОСАДСКОЕ ДЕЛО И ЕГО ПОСЛЕДСТВИЯ (1928–1933)

В главе представлены события 1928–1933 годов, когда советская власть активно преследовала так называемых «бывших людей»: священников, дворян, творческую интеллигенцию. Судьба священника Павла Флоренского определялась этими событиями, получая трагическое звучание.

Ключевые слова: советская власть, «бывшие люди», аресты, допросы.

1. «ГНЕЗДО ЧЕРНОСОТЕНЦЕВ ПОД МОСКВОЙ» (МАРТ–МАЙ 1928)¹

17 марта 1925 года начальник VI отделения СО ОГПУ Е. Тучков составил для начальника СО ОГПУ Т.Д. Дерibasа список агентурных «разработок», ведущихся 6-м отделением, среди которых были перечислены: «1. “Шпионская организация церковников”. Замешаны: Тихон, митрополит Петр, архиепископ Федор, профессор-церковник Попов <...> и ряд других лиц и мирян и попов. Организация поставила себе целью собрать сведения о положении Церкви в СССР и информировать заведомо недобросовестно за границу путем печатных и даже личных выступлений. Последние предполагались на предстоящем вселенском соборе. Дело заканчивается следственной разработкой. <...> 3. “Корреспонденты”. Организованная группа из нескольких крупных тихоновцев, информирующая по церковному вопросу, особенно о тихоновщине, иностранную и белогвардейскую прессу. Разрабатывается. <...> 5. “Ревнителю православия”. Группа черносотенных мирян и попов, активно выступающих против Соввласти под религиозным флагом. Особенно резко выступала в 1922 году. Очень конспиративна. Главное действующее лицо – профессор церковник Новоселов, монархист. Разрабатывается. <...> 7. Имябожники. Группа правой интеллигенции и ученых попов. Монархически настроена. Ведет осторожно агитацию, что падение мо-

нархии – результат отступления от веры. Участвуют профессор церковники, писатели, миряне-профессора и видные попы. Разрабатывается. <...> 15. Поповская Академия. Содержание видно из заглавия. Академия нелегальна. В настоящее время перерыв в работе. Разрабатывается. 16. Общество борьбы с обновленцами. Черносотенное объединение попов и мирян активистов в гор. Москве. Начато разработкой. <...>» [28, с. 165–166].

По любой из этих «разработок», или по всем сразу мог быть привлечен и отец Павел. Но его внешне безупречное поведение, невхождение ни в какие общественные или церковные организации и совершенно особое положение на государственной службе позволили избежать ареста целое десятилетие Советской власти. XV съезд ВКП(б) (2–19 декабря 1927) под руководством Сталина определил конец НЭП'а, курса на ликвидацию капиталистических элементов в народном хозяйстве, а также «особое усиление борьбы на идеологическом и культурном фронте» [34, с. 373]. Это подразумевало фактическое устранение от жизни, а затем и уничтожение целых слоев «бывшего» общества. Вероятно, в связи с этими общими установками в Сергиевом Посаде был организован арест и высылка почти сотни «бывших», в число которых попал и отец Павел.

С.М. Голицын вспоминал, как нагнеталась ненависть к «бывшим»:

«Когда я вспоминаю о той жизни шестьде-

сят лет тому назад, то, прежде всего, на ум приходит ненависть, упорно и злобно насаждаемая сверху – от Сталина, которого тогда еще не называли “великим”, и от его окружения. Та ненависть подхватывалась нашей подобострастной прессой, газеты пылали злобой к капиталистическому строю, который нигде и никак не думал низвергаться. Еще с большей ненавистью писали газеты о классовых врагах, которые притаились в разных учреждениях, во всех глухих углах нашей многострадальной страны. Почему государственная машина еле двигается и скрипит? Да классовые враги вредят. Бдительность! Это слово изобиловало в каждой газете. Кто враги? Самые первые враги – эти кулаки, то есть крестьяне, которые трудятся для себя, для семьи, а не для строительства социализма. Еще: враги – это специалисты – инженеры, ученые, служащие. Они сознательно вредят в промышленности, на транспорте, на стройках, в учебных и научных учреждениях, еще враги – попы, а иначе представителей духовенства в газетах не называли. В церквях проповедуется чуждая и враждебная идеология. Закрывать церкви, сажать попов!

Еще непримиримые враги – это бывшие люди: помещики, чиновники, офицеры – царские и белые, фабриканты. У всех у них отняты прежние привилегии, разные блага, и потому все они ненавидят Советскую власть, а среди бывших особо выделялись титулованные – князья, графы, бароны. А если быть более точным, то на первое место ставились князья, как якобы более близкие к царскому трону; потом шли бароны, по аналогии с бароном Врангелем, а графов иногда “прощали” [14, с. 351].

«Бывшие» стали заселять Сергиев Посад и окрестности с 1918 года, но особенно усиленно с нач. 1920 годов. Примерно в 1923 года перебрался в Посад князь Владимир Сергеевич Трубецкой с женой Елизаветой Владимировной (урожд. Голицыной). У них было 8 человек детей. Постепенно заселяли Посад такие громкие фамилии, как Гончаровы, Голицыны, Дервизы, Дурново, Иловайские, Истомины, Лопухины, Мансуровы, Мордвиновы, Нарышкины, Родзянко, Смиловичи, Шаховские. Снимали дачи близ Посада Ильины, Раевские, Шереметьевы. Мелькало тут и много других дворянских фамилий. Местами наибольшей концентрации «бывших» стали «аристократические кварталы» Посада: Красноковка, Огородная, Нижняя. В эти годы Сергиев Посад стал свое-

образным «Сен-Жерменским предместьем» Москвы. «Рабочая газета» 15 мая 1928 года произвела подсчет «бывших людей» в Сергиевом Посаде: на 20 тысяч жителей – 2 тысячи «бывших». По всей видимости, газете хотелось раздуть и численную опасность «бывших», но и эта цифра интересна.

Е.П. Васильчикова вспоминала об общем убеждении тех лет, что поселение в Посаде Трубецких, а затем и многочисленных их родственников, создало перенасыщение «бывшими людьми» и явилось одной из причин последовавших репрессий. «Бывшие», связанные узами родства, дружества и общей судьбы отверженных, тянулись друг к другу. Вместе легче было выжить во враждебной среде. Взаимопомощь и взаимоподдержка стали нормой их жизни. Жили очень замкнуто, вне службы ни с кем не общались, кроме своих. Это помогало выжить. Но в этом таилась и опасность. Одному легче было затеряться, сплоченная замкнутая в себе группа была заметна и раздражала.

Сергиево-посадское дело началось с мартовского номера журнала «Безбожник у станка» (издатель МК ВКП(б), отв. ред. М. Косталевская). Здесь помещены «Списки личного состава Церковных Советов г. Сергиева». Названы члены Церковных Советов Успенской и Вознесенской церквей и «Церковная группа Иоакимова подворья». Среди названных «торговцев» Елов, кн. Шаховская, зав. музеем Краеведения Мордвинова, научный сотрудник художественно-исторического музея граф Олсуфьев, научный сотрудник того же музея барон фон-Дризен², проф. духовной академии, преподаватель обществоведения в педагогическом техникуме Торяев³, губернатор Тихомиров, проф. духовной академии Глаголев, кн. Урусова, кн. Гагарина, кн. Трубецкой, кн. Трубецкая и др. Помещены и портреты некоторых из них. В портретах редакция сочетала князей и княгинь, дворянку, графа, барона, жандармского полковника, профессора богословия, скупщика и монаха. В списках к ним было присоединено 3 огородника. Журнал констатировал: «По девяти церквам города церковные общины состоят на 65–75% из лиц, лишенных избирательных прав. Члены церковных советов на 90% лишены права голоса. <...> Но это не все, есть еще группа, которая сама очевидно из осторожности непосредственно в церковные советы не входит, эта группа дает тон церковной политике». «Торговца» Елова (известная на всю Россию книжная торговля православной

книгой в Сергиевом Посаде) обвинили в том, что он за деньги был причислен к «лику угодничков божьих». Гр. Олсуфьева, князя и княгиню Трубецких приписали к членам «Всероссийского Церковного Собора». Проф. Введенский был обвинен в издании антисемитской брошюры во времена процесса Бейлиса. Заканчивается статья словами: «Купцы, князья и жандармы нашли новый способ приспособиться. Боженька – удобное седло». Подпись: «Грик».

22 апреля сергиево-посадская газета «Плут и молот» (Орган Сергиевского Уездного Комитета ВКП(б), Исполкома и Уездного Бюро Профсоюз) в рубрике «Шажком по городу» сообщила об оживлении в магазине «Московский Рабочий», где раскупали мартовский номер «Безбожника у станка». Журналист писал: «Из любопытства развертываю журнал.

– Ого, вот и разгадка! Группа видных серг. работников попала в списки “рабов божьих”, да не простых, а активных рабов – церковные советы, Иоакимово подворье!

Тут Мордвинова зав. краеведным музеем, культурник – проф. Введенский!

Какой пассаж!»

6 мая в той же газете под инициалами В.М. (Мордвинова?) появилась статья «Изучи свой край. Год работы музея», восхваляющая музей. В том же номере помещены письма в редакцию Зав. Музеем Сергиевского Края В. Мордвиновой и проф. Д. Введенского.

Мордвинова заявила, что статья в «Безбожнике у станка» является «сплошным вымыслом»: «1. В церковную гр. ни “Якиманова подворья” (такового в г. Сергиеве нет и никогда не было), ни какой другой церкви я не вхожу и не входила.

2. Ни к какой группе, дающей направление церковной политике города, не принадлежу и не принадлежала, потому что область религиозных и церковных интересов является для меня совершенно чуждой».

Д.И. Введенский писал: «Считаю своим долгом открыто заявить, что ни в Сергиеве, ни в других городах я не состою ни в каких церковных группировках.

И если до революции я, как профессор Московской духовной академии, естественно состоял близко к церковной жизни и к церковным вопросам, то теперь, как лицо, непосредственно связанное по практической и научной работе с мелкими промыслами, я работаю в области эконо-

мики последних и нахожу полное удовлетворение в этой отрасли научного и практического знания, полагая, вместе с тем, что дело восстановления народно-хозяйственной жизни обязывает всякого советского гражданина на посильное честное участие в этой работе». Далее по поводу обвинений в антисемитизме: «в прошлом я не писал никакой брошюры по делу Бейлиса».

В следующем номере газеты «Плут и молот», вышедшем 10 мая, появилась разгромная статья «По поводу писем в редакцию граждан Введенского и Мордвиновой. О чем забыли, богослов Введенский и гр-ка Мордвинова», подписанная «Безбожник». Из статьи явствует, что Введенский умолчал:

1) «Что он и его жена состоят в религиозной общине Крестовоздвиженск. церкви».

2) «О том, что его родной брат является членом церковн. совета Михаилоархангельск. церкви, известный почетный гражданин, кажется, бывш. начальник царской тюрьмы, а точнее пусть поправит сам Введенский».

3) «Если он и не писал погромных брошюр, то писал такие брошюры, которые мало чем отличаются от погромных, отчего Введенский до сих пор не отказался. Он совершенно забыл, что он был участником архимонархического съезда монахов в 1909 г.»

4) «В период Великой пролетарской революции Введенский являлся заложником как представитель буржуазной своры. Он это все забыл, забыл и о том, как он писал оправдательный гимн империалист. войне в 1915 г.

<...> Жители гор. Сергиева знают какой он исследователь. Таких исследователей, которые за 10 лет Советской власти, не отказались от своего позорного дела в прошлом, нам не надо».

Обвинения против Мордвиновой:

1) «Человек, освободившийся от пут религии, а тем более краевед, от антирелигиозной работы не откажется и не будет возражать, как это делала Мордвинова на собрании музейных работников, когда речь шла о введении антирелигиозной работы в музей».

2) «Не случайно Мордвинова подбирала близких ей сотрудн. музея. Чем объяснить, что Мордвинова воссадила себе на голову архибожественную фигуру в лице княгини и помещицы Шаховской...»

11 мая в «Рабочей газете» (ежедневная газета ЦК ВКП(б)) появилась статья без подписи «Тро-

ице-Сергиевский “музей”», в которой пока вчера не дан список лиц и обвинений: «Княгиня Шаховская получила место научной сотрудницы краеведческого музея; помещица Мордвинова, владевшая в свое время тысячами десятин земли, заведует этим же музеем. Ее сестра заведует культурпросветом в местном союзе работников просвещения. Граф Олсуфьев получил должность помощника старшего хранителя ист.-худ. музея. Барон Фон-Дервиз служит в этом же музее помощником заведующего. Профессор бог. Введенский заведует кустарным музеем. Проф. дух. ак. Торяев до последнего времени работал преподавателем педагогики и обществоведения в педагогическом техникуме. Жандармский полковник Банин руководит культуркомом в местной кустарной артели. В этих же артелях работает и Тихомиров – бывший тамбовский губернатор, полицмейстер Соколов и т.д.

“Духовное” обществоведение, жандармский культурком, – не слишком ли много “ископаемых образчиков” для одного музея, хотя бы и возникшего на месте прежнего рассадника мракобесия?»

12 мая в той же «Рабочей газете» впервые появилась рубрика «Гнездо черносотенцев под Москвой», а под этой рубрикой статья А. Лясса «Шаховские, Олсуфьевы, Трубецкие и др. ведут религиозную пропаганду». Здесь к известным обвинениям прибавляются новые. Якобы, черносотенцы украли из архива Лавры документы, способные изобличить монахов: «В Троицко-Сергиевской Лавре находится богатейший архив. Недавно приступили к разборке этого архива. И оказалось, что та часть архива, которая могла бы осветить все “чудесные исцеления”, “обновления икон” и ряд других поповских афер, бесследно исчезла. Несомненно, это исчезновение архива – дело рук местных черносотенцев, которым, конечно, невыгодно было бы опубликование этой части архива». Особо Лясса раздражают церкви и монастыри: «Каждая церковь в Сергиеве служит орудием для такого рода пропаганды <церковной>. В каждый праздник церкви переполнены». «<...> Вскоре после октябрьской революции монастыри, – эти гнезда дармоедов и паразитов, – были разогнаны. Однако, монахи решили иначе, и приспособились к существующим условиям.

В Сергиевом и поныне существуют три тайных монастыря. Все они официально называются трудовыми сельскохозяйственными коммуна-ми. В одном из этих монастырей живет 130 мона-

хов. В другом тайном монастыре, в деревне Хотьково, живет 150 монашек. Третий монастырь имеется в Путиловской волости. Там живет 100 монахов. Эти монахи по-прежнему ведут паразитический образ жизни и обируют местных крестьян». Содержится в статье указание и на издания музея, среди которых книга Ю.А. Олсуфьева и П.А. Флоренского «Амвросий, троицкий резчик XV века» (Издание государственного сергиевского историко-художественного музея, 1927). Автором назван пока один Ю.А. Олсуфьев. Оканчивается статья призывом к действию: «Такое положение дальше терпимо быть не может. Гнездо черносотенцев должно быть разрушено. Соответствующие органы должны обратиться на Сергиево особое внимание».

В этот момент события перешли из идеологической области в криминальную. В ночь с 11 на 12 мая был произведен выстрел в окно зав. агитпропом укома ВКП(б) Н. Костомарова. «Рабочая газета» 13 мая писала: «Обстановка в Сергиеве стала напряженной. Активность черносотенцев усилилась, и, наконец, вечером они пошли в открытое наступление. Своей жертвой они избрали заведующего агитпропом сергиевского уездного комитета ВКП(б) тов. Костомарова.

Вечером, когда тов. Костомаров вернулся домой и читал книгу, раздался выстрел, пуля, пробив раму, попала в стену. Нападающий стрелял с улицы. После выстрела Костомаров заметил неизвестного, который бросился бежать вдоль улицы. Догнать стрелявшего не удалось, он скрылся». Газета не сомневалась, что это дело рук черносотенцев. Но по городу поползли слухи, что стреляла жена Костомарова из ревности. Об этом вспоминала впоследствии вдова отца Павла А.М. Флоренская и прошедшая по «Сергиево-посадскому делу» Е.П. Васильчикова (из записи бесед с ней П.В. Флоренского и А.И. Олексенко). Другую версию этого выстрела выдала сама «Рабочая газета» 17 мая: «В противодействие строжайшему следствию прокурора черносотенцы Сергиева стали распространять в городе такие слухи: нападение выдуманно, просто подкупили человека, который выстрелил в окно. Они говорят, что нужно было формальное основание арестовать бывших графов и помещиков – руководителей музея, о котором писала “Рабочая газета”». Последняя версия выглядит правдоподобнее, ибо очень уж «кстати» прозвучал этот выстрел.

Мотивы покушения на Костомарова газета

«Плуг и молот» от 17 мая изобразила следующим образом: «Т. Костомаров решил воспользоваться архивом б. лавры для составления популярной брошюры о ее прошлом. Одновременно в центральной и местной прессе появились разоблачения аристократически-монархической своры, которая кружилась в церковном мире Сергиева... Только слепая ненависть и смертельно клокочущая злоба могла толкнуть классового врага на подлый выстрел... Черносотенная клика не хочет спокойно доживать свой век, она пытается стрелять в работников пролетарского государства... Будем более бдительными!» Тут же в Сергиев выехали пом. прокурора тов. Траскевич, московский губ. прокурор тов. Шумятский, зам. москов. губ. прокурора тов. Арсеньев. Но и под руководством столь высокого начальства стрелявший не был найден, хотя и на протяжении всего «дела» газеты писали о черносотенном происхождении выстрела как о само собой разумеющемся факте.

Но в городе бытовало совершенно другое мнение.

*Из дневниковых записей П.П. Шитц
от 20 и 25 мая 1928 г.:*

«Идет гнуснейшая травля нуждою загнанных в Сергиев Посад обломков прежней аристократии. Вышвырнутые из своих домов и квартир, никуда не принимаемые, они живут в провинции, ибо там дешевле. <...> Травля гнусная сопровождалась и провокацией: стреляли (конечно, промахнувшись) в какого-то местного партийца, – результат: многочисленные аресты среди “бывших” людей» [33, с. 28].

Из воспоминаний Т.В. Розановой:

«Как потом выяснилось, вся история была затеяна как следствие выстрела в одного из коммунистов, возглавлявшего атеистическую пропаганду в Загорске.

Обвинение было самое нелепое – что в этого партийного работника стрелял граф Олсуфьев, который жил неподалеку. <...>

Это был только предлог для ареста монахов-сторожей при музее. <...> Как выяснилось по расследовании, стреляла в своего мужа из ревности жена, и на Олсуфьева стали возводить другие обвинения – что он присвоил музейные ценности, хотя у него были свои» [26, с. 217–218].

Из воспоминаний С.М. Голицына:

«Сергиевские власти спохватились: такое торжество <10 лет Октябрьской революции>, а в

городе полно монахов, попов, бывших людей. Посадить! Отыскался предлог: окошко дома, в котором проживал секретарь укома, было пробито пулей. Слухи ходили разные, шептались, что стрелял некий обманутый муж, чью жену обесчестил упомянутый секретарь. Другая версия была: стрелял кто-то из самих властей, чтобы обвинить монахов и бывших людей, – покушались убить секретаря» [14, с. 272].

В последующее время газеты пытались изобразить, что террор со стороны «черносотенцев» продолжался.

«Рабочая газета» 15 мая писала: «Сергиевским инженером тов. Адамсоном переданы в следственные органы несколько писем. В этих письмах (не подписанных) ему грозят убийством за то, что он взялся перестраивать церковь под клуб:

– Раз ты продался коммунистам, – говорит-ся в письме, – ты достоин смерти».

Однако в следующем номере от 16 мая это сообщение получило частичное опровержение: «Во вчерашнем сообщении ошибочно указана фамилия уездного инженера, получившего угрожающие письма за перестройку церкви под клуб. Его фамилия не Адамсон, а Геслер».

В том же номере «Рабочая газета» приступила к обвинению Главнауки: «Главнаука много раз ставилась в известность о личном составе работников бывш. Троице-Сергиевской лавры, – ныне музея Главнауки. В Сергиев приезжал заведующий музейным отделом, который заявил, что их “заменить нечем”. Заявление, скромно говоря, странное». С этого времени обвинения в адрес Главнауки станут постоянными. Здесь просматриваются далеко идущие цели «чистки» среди ученых (ср. т.н. «спецы»), которые вскоре и реализовались в полной мере. Науку «очищали» прежде всего – от «бывших».

В том же номере «Рабочая газета» наметила ряд конкретных мер: «Прокуратура приняла соответствующие меры по отношению к ряду “бывших людей”, которые могут иметь какое-нибудь отношение к этому делу. Во избежание дальнейшего исчезновения имущества музея, лавра сейчас усиленно охраняется». Общегородская конференция комсомольцев г. Сергиева «признала необходимым усилить антирелигиозную пропаганду среди молодежи, повести активную борьбу за выявление антисоветских элементов, примазавшихся к различным учреждениям и организациям».

После этого газеты запестрели доносами на «бывших людей». «Рабочая газета» 17 мая сообщила: «Бывший профессор богословия Д.И. Введенский не только заведует местным кустарным музеем, но и преподает на курсах промысловую кооперацию. Преподавателем обществоведения является бывший меньшевик Захаров...

В центральном детском клубе драматическим кружком руководит бывший регент рождественской церкви Мартов...

Все эти штатские генералы и церковники – члены профсоюза».

Результатом их влияния, по мнению газеты, является тот факт, что из 1200 школьников 75% ответили: «Я верую в Бога».

В газете «Рабочая Москва» (орган МК ВКП(б), Моск. Совета РК и К. Деп. МГСПС) от 17 мая за подписью И. Амий помещена статья «Сергиевский музей – рассадник поповщины». О выше указанной книге Ю.А. Олсуфьева и П.А. Флоренского здесь помещена целая глава «Поповские “труды”»: «Некоторые ученые мужи, под маркой государственного научного учреждения, выпускают религиозные книги для массового распространения. В большинстве случаев это просто сборники “святых” икон, разных распятий и прочей дряни, с соответствующими текстами.

Вот один из таких текстов. Его вы найдете на стр. 17 объемистого “научного” труда двух ученых сотрудников музея П.А. Флоренского и Ю.А. Олсуфьева, выпущенного в 1927 г. в одном из государственных издательств, под названием “Амвросий Троицкий, резчик 15 века”.

Авторы этой книги, например, поясняют:

«Из этих девяти темных изображений [речь идет о гравюрах, приложенных в конце книги. – И. Амий] восемь действительно относятся к жизни Иисуса Христа. А девятое – к усекновению головы Иоанна».

Надо быть, действительно, ловкими нахалами, чтобы под маркой “научной книги” на десятом году революции давать такую чепуху читателю советской страны, где даже каждый пионер знает, что легенда о существовании Христа ни что иное, как поповское шарлатанство».

«Плуг и молот» в номере от 17 мая «заправилкой монашеского коллектива» назвал о. Диомида, которого обвинил в том, что он, якобы, за некоторую «мзду» «допускал жаждущих приложиться к оскверненным мощам». Здесь же «обвинения» в адрес барона В.Л. Дервиза и графа

Ю.А. Олсуфьева: «“Научный” работник Дервиз, руководя экскурсиями благоговейно снимал головной убор перед мощами Сергия. <...> Недаром Олсуфьев, на предложение г. Пяткова, после появившейся в “Рабочей газете” заметки, написать опровержение, что он, Олсуфьев, ни в каких связях с господом богом не состоит, ответил:

“Мои личные убеждения мне этого не позволяют, а на них никто не имеет права посягать”».

«Рабочая газета» от 18 мая: «Кооператив “Смычка” в руках наших врагов... Колбасной “Смычки” заведует бывший жандарм Чистов. Конным двором заведует бывший монах Езов.

Дочь купца Когтева работает кассиршей в магазине №20 гор. Сергиева. (Другая кассирша Гаврилова, так же дочь купца). В этом же магазине служит бывший торговец Макаров. Все они устроились, потому что магазином №20 заведует бывший купец Орлов. Три брата Александровы – бывшие торговцы – орудут в бараночной “Смычки”...

Учитель географии 1-й семилетки Михин – антисемит. По поводу жертв Октябрьской революции у него составилось особое мнение. Он говорит:

– Так им и надо! Не затевали бы!..

Преподавательница курсов Разецкая в прошлом была богатой женщиной. Она имела много бриллиантов и золота, которые, как она выражается, “большевики у нее ограбили”. Разецкая обращается к ученикам не иначе, как “господа”. Первого мая она отказалась идти “с этим стадом баранов” на демонстрацию.

Борзыгина – учительница 2-й семилетки раньше преподавала в девятилетке. Там ячейка комсомола повесила на стенку антирелигиозный плакат. Борзыгина сорвала его с криком: “Ваше дело учиться, а не заниматься такой гадостью”.

Воспитатель духовной академии Изюмов – обучает молодежь спецкурсу географии.

Во второй семилетке немецкий язык преподает Богородская – “дочь жандарма”».

Газета «Плуг и молот» 20 мая так «отрецензировала» книгу Ю.А. Олсуфьева и П.А. Флоренского: «Они воспользовались в своих интересах доверчивостью советской общественности и охраняющей их стеной научности и сделали брошюры орудием религиозной пропаганды...

Между строк авторы с энтузиазмом утверждали, что они верны своим убеждениям и тверды, как сталь.

Всю эту черносотенную билиберду они покрыли историческим названием “Амвросий, троичский резчик IV [так!] века”.

Знатные соавторы.

У этой интересной книжонки два автора.

Священник Флоренский, птица с хорошим черносотенным стажем и хорошей черносотенной головой.

Граф Олсуфьев, сын воспитателя Александра III, крупный землевладелец, один лес которого оценивался в пять миллионов довоенных рублей.

Еще во время февральской революции, чужую грозу, бросил он свое имя и скрылся за гостеприимными стенами лавры...»

«Рабочая газета» 23 мая занялась «бывшими» сергиево-посадской больницы. Под хлесткими заголовками «Граф Шидловский “хозяйничает” в советской больнице» и «Сестру Родзянко вывели за шиворот представители Моссовета» газета писала: «Мы можем к сведению РКИ сообщить, что главная причина этого заключается в личном составе сотрудников. Так, например, хозяйством больницы заведует бывший граф Шидловский. Другие служащие – Верховская – из генеральской семьи, Тихомирова – из известной меньшевистской семьи. Когда больному плохо, они рекомендуют отслужить молебен:

– Царица небесная вам поможет.

Далее сиделок эта публика подбирала, главным образом, из монахинь. Если им надо пойти в церковь, их немедленно отпускают...

Когда тов. Кудр – председатель месткома – решила бороться с такой атмосферой больницы, ей открыто грозили убийством».

В том же номере под заголовком «Помещики остались сидеть в своих усадьбах» была помещена статья о Муранове: «Издавна помещики Тютчевы владели в Софринской волости Мухрановской (так!) усадьбой. Теперь эта усадьба превращена в музей, а заведует им один из тютчевских отпрысков. Другой такой музей – усадьба Абрамцево, в Хотьковской волости, долго находилась в руках его бывшей владелицы помещицы Мамонтовой. Теперь, она там является только “комендантом”».

Погром коснулся не только Сергиева Посада, но и его окрестностей. Не оставлены «вниманием» газет Гефсиманский скит, скит Параклит, Хотьковский монастырь и т.д.

24 мая «Рабочая газета» в статье с заглавием «Воспитание молодежи в руках церковников»

писала: «Выясняется, что почти все волостные школы в Сергиевском уезде находятся в руках лиц духовного происхождения...

Не лучше обстоят дела в самом гор. Сергиеве. Здесь во второй школе-семилетке обществоведение преподает Кочмар, окончивший духовную академию. Заместитель заведующего этой семилеткой Виноградов – сын служителя культа, преподаватель Крупнова и Городецкий – дети священника и получили духовное образование.

В первой семилетке учителствует бывший дворянин Дурново и воспитанник духовной академии Волков. Заместитель заведующего там же Рысенков, – окончил духовную академию».

Рефреном ко всей этой кампании были газетные подзаголовки: «Черносотенцы и антисемиты управляют детской клиникой», «Водка, религия и хулиганство – наследие царского режима», «Тайный советник Модестов хвастается царскими орденами», «Для трех убогих старушек церковь не нужна», «Весь монастырь под рабочий поселок!», «Музей – боевой участок», «Нас не запугать», «Будем более бдительными», «Крепче держать в узде», «Пресекать в корне вредительство контрреволюционных элементов», «Требуют сурового наказания обнаглевших черносотенцев» и т.п.

В газетах той поры сергиево-посадское дело и «расстрельное» шахтинское шли одновременно. «Шахтинское дело», которое народ называл «соборием басен Крыленко», создавало злое фон для сергиево-посадского.

Несмотря на такую видимую идейную боевитость в стране, где пикнуть против никто не смел, авторы погромных статей прячутся за псевдонимы «Грик», «А.М.», «И. Ам-ий», «Дед безбожник» и т.п.

25 мая 1928 г. «Рабочая газета» статьей «Аресты черносотенцев в Сергиеве. Пролетарии Сергиева одобряют действия ОГПУ» сообщила о результате газетной деятельности: «В ночь на 22 мая органами ОГПУ в пределах города Сергиева и уезда изъята многочисленная группа активнейших вредителей-черносотенцев. Среди них графы, князья, бывшие жандармы и “бывшие люди”, которые систематически вели здесь антисоветскую работу.

По словам прокурора Сергиевского уезда тов. Киселева, следствием установлена причастность этих лиц к покушению на убийство зав. агитпропом Сергиевского уездного комитета ВКП(б)

тов. Костомарова. Чтобы облегчить ведение дальнейшего следствия, тов. Киселев призывает всех трудящихся Сергиева сообщить все сведения, которые могут иметь отношение к покушению».

2. АРЕСТ, СЛЕДСТВИЕ И ОСУЖДЕНИЕ
«БЫВШИХ» (22 МАЯ–22 ИЮНЯ 1928)

По Сергиево-посадскому делу⁴ было осуждено 80 человек. Воспоминатели же назвали число арестованных по «делу» до 150 человек. Очень возможно, что не на всех арестованных заводили «дела», ограничившись устным «внушением» и еще чем-то. Аресты этих 80-ти производились: 15 мая – 9, 22 мая – 58, 23 мая – 13 человек.

Полный список осужденных с сопроводительной краткой характеристикой из «Дела» таков⁵:

1. Александров Павел Васильевич – церковный староста.
2. Архангельский Александр Сергеевич – поп села Хотькова.
3. Банин Михаил Дмитриевич – из дворян, жандарм, полковник.
4. Баринов Михаил Григорьевич – поп села Озерецкое.
5. Белов Владимир Ефимович – сын урядника.
6. Белов Ефим Гаврилович – б/урядник.
7. Бокатов Николай Васильевич – б/иеромонах, служит в музее.
8. Буточников Яков Андреев – зажиточный крестьянин.
9. Васильев Арсений Семенович – б/монах, сейчас сторож музея.
10. Васильчикова Екатерина Павловна – б/дворянка.
11. Васин Михаил Петрович – б/иеродиакон, сейчас сторож музея.
12. Ватагин Петр Кузмич – б/полицейский.
13. Введенский Дмитрий Иванович – профессор богословия, сейчас зав. музеем при школе кустарного ученичества.
14. Верховцева Вера Тимофеевна – б/дворянка.
15. Верховцева Наталья Александровна – б/дворянка.
16. Габрияник Алексей Иванович – поп.
17. Глаголев Сергей Сергеевич – б/профессор Дух. Академии.
18. Глушенко Матвей Макарович – б/иеромонах, сейчас сторож музея.
19. Гончарова Наталья Ивановна – дочь б/уездного предводителя.
20. Горохов Михаил Степанович – кустарь, активный церковник.
21. Гранберг Николай Владимирович – из мещан, жел. дор. врач.
22. Гробов Владимир Александрович – торговец игрушками в собств. магазине.
23. Дичин Иван Александрович – б/иеромонах.
24. Дудкина Евгения Яковлевна – сестра Фрейлебен.
25. Дыров Александр Николаевич – б/монах, сейчас сторож при музее.
26. Евстафьев Николай Александрович – из крестьян, кустарь.
27. Егоров Семен Сергеевич – б/торговец, активный церковник.
28. Егоров Дмитрий Иванович – б/иеромонах, сейчас науч. работник и сторож худ. музея.
29. Елов Михаил Савинович – торговец, церковный староста.
30. Ермолаев Гавриил Андреевич – б/купец, церковный староста, сейчас торгует папиросами.
31. Есипов Александр Сергеевич – б/дворянин.
32. Журавлев Михаил Дмитриевич – б/жандарм.
33. Журенков Дмитрий Александрович – поп.
34. Жучкин Александр Иванович – зажиточный крестьянин, занимается барышничеством.
35. Заозерский Александр Павлович – поп.
36. Запрудский Итиль Федорович – юрист.
37. Зарецкий Николай Александрович – юрист, секретарь нарсуда.
38. Зимин Борис Михайлович – из крестьян, член церковного совета, помощник церковного старосты.
39. Истомин Сергей Петрович – б/дворянин.
40. Истомина София Ивановна – б/дворянка.
41. Калинов Яков Сергеевич – б/иеромонах, сейчас сторож музея.
42. Кононенко Савва Иванович – б/иеродиакон, сейчас сторож музея.
43. Коньков Никон Андреевич – из семьи торговца, сейчас работает счетоводом в п/о «Смычка».
44. Лагутин Тихон Михайлович – зажиточный крестьянин, лишен избират. прав.
45. Ларин Петр Петрович – игумен.

46. Ларичев Даниил Иванович – б/иеромонах, сейчас сторож музея.
47. Лопухин Алексей Сергеевич – б/аристократ-помещик.
48. Малютин Игнатий Андреевич – б/иеродиакон, сейчас сторож музея.
49. Мамонтова Александра Саввишна – дочь миллионера (жел. дор. акционера).
50. Марченко Михаил Григорьевич – б/иеромонах.
51. Мордвинова Валентина Николаевна – б/помещица, школьный работник.
52. Нечаев Петр Васильевич – из поповской семьи, окончил дух. академию, сейчас школьный работник в Сергиево.
53. Новиков Михаил Федорович – часовщик, б/член ВКП(б), имеет собственную мастерскую.
54. Олив Елизавета Сергеевна – б/фрейлина.
55. Орлова Ольга Александровна – б/дворянка, внучка Пб. градоначальника.
56. Писаренко Валерий Виссарионович – б/дворянин, жен. б/вице-губернатора – наход. в ссылке.
57. Порошин Яков Ефимович – б/иеромонах.
58. Потапов Иван Николаевич – б/иеродиакон, сейчас сторож музея.
59. Ратавцев Евгений Логинович – б/жандарм.
60. Родзянко Ксения Андреевна – б/дворянка.
61. Родионов Николай Федорович – из крестьян, безработный, церковник.
62. Семенчинский Михаил Николаевич – б/иеромонах, сейчас сторож музея.
63. Силаева Александра Константиновна – б/монахиня, активная церковница, без опред. занятий.
64. Сморгчов Никон Фролович – б/иеродиакон, сейчас сторож музея.
65. Снисаренко Егор Герасимович – б/иеродиакон, сейчас сторож музея.
66. Соболев Василий Сергеевич – поп.
67. Соколов Алексей Кузьмич – б/пристав в течение 23 лет.
68. Сысоев Петр Иванович – торговец с 1905 года.
69. Теплицын Сергей Иванович – б/торговец, сейчас кустарь.
70. Тихомиров Василий Сергеевич – диакон.
71. Троицкий Александр Константинович – диакон с. Хотьково.
72. Увков Федор Васильевич – извозчик, ак-

тивный церковник.

73. Федоров Иван Васильевич – торговец кондитерскими изделиями.

74. Флоренский Павел Александрович – б/профессор Духовной Академии.

75. Фрейлебен Зинаида Яковлевна – б/дворянка, дочь нач. Орловского охранного отделения.

76. Чистов Василий Егорович – б/жандарм.

77. Шатрова Сарра Николаевна – б/фабрикантша.

78. Шауфус Татьяна Алексеевна – из семьи присяжного поверенного.

79. Шаховская Анна Дмитриевна – б/княжна, сейчас научный сотрудник музея.

80. Шувалов Михаил Алексеевич – из дворян.

В список была сначала включена «Шапошникова Елизавета Алексеевна – активная церковница», но потом вычеркнута. Были также заведены дела на Бугынанова Е.А., Окатова Н.В., Тучкову С.Е. и Фролову⁶.

Список осужденных по Сергиево-посадскому делу реализовал установки XV съезда ВКП(б). Осужденные представляют все типы «отживающих классов». Прежде всего, выдержан «курс на ликвидацию капиталистических элементов в народном хозяйстве». Тут содержится и какое-то подобие нэпманов: торговцы, кустары, барышники и, даже, извозчик (очевидно этого показалось мало, и ему записали другое определение «активный церковник»). Здесь, конечно, и «кулаки»: «зажиточные крестьяне» и «их пособники» «попы». Приговором звучит характеристика «активный церковник». Священнослужителей не забывали ни при каких видах «чисток» и «дел». Как справедливо формулировала газета: «Наш город вообще крайне засорен буржуазным элементом, который до сих пор группируется вокруг церквей». В списке много «бывших» и, иногда, их детей. Список реализует строки резолюции XV съезда о «смычке частно-капиталистических слоев служащих и интеллигенции, кустарей и ремесленников, а также части крестьянства и рабочих, бюрократических элементов советского и хозяйственного аппарата». В силу этого в список внесены юристы, врач, школьные работники, счетовод, даже член ВКП(б).

П.А. Флоренский попал под Сергиево-посадское дело в некотором смысле по недоразумению. Хотя аресты были санкционированы зам.

председателя ОГПУ СССР Г. Ягодой, Сергиево-посадское дело было инициировано местными органами и имело целью «очистить» Сергиев Посад от «бывших». Достаточно было Ю.А. Олсуфьеву с супругой вовремя уехать из города и перейти на работу в Третьяковскую галерею, и он не только не был арестован, но никто и не пытался его арестовывать, хотя его местонахождение было известно. Местные органы «недоучли», что П.А. Флоренский в это время уже работал в Москве и должен был курироваться московскими органами.

21 мая 1928 г. зам. председателя ОГПУ СССР Генрих Ягода и начальник оперативного отдела <подпись неразборчива> подписали ордер №3120 «на производство ареста и обыска Флоренского Павла» [19, л. 142]. На основании этого ордера «21 мая мес. 1928 г. произведен обыск у г. Флоренского в д. №19 по ул. Пионерской П<осад> Серг<иев>. При обыске присутствовали: Понаморенко Яков Иванович. Согласно данным указаниям задержаны: Флоренский Павел Александрович. Взято для доставления в ОГПУ <...> один жетон и одна фотокарточка (снимок)» [24, л. 143].

В «Анкете №3109 для арестованных...» П.А. Флоренский указал, что был арестован 21 мая 1928 г. по адресу Сергиев Посад, ул. Пионерская, д. 19⁷.

Возможно, что отца Павла, как и остальных, арестовали при выходе из Пятницкой церкви после всенощной под память святителя Николая, а затем привели домой, где был совершен обыск. Ночь арестованные провели в Сергиево-посадской пересыльной тюрьме. Как вспоминала Н.А. Верховцева, духовная дочь отца Павла, «впереди были месяцы заточения в Бутырской тюрьме, тиф, высылка, но в памяти <...> этот арест остался как светлое воспоминание о долгой – до утра – духовной беседе с отцом Павлом Флоренским, также “изъятый” в ту ночь» [18, с. 6].

Около 8 часов утра арестованных посадили в несколько вагонов и отправили в Москву. Отец Павел оказался в одном вагоне с Е.П. Васильчиковой. На Ярославском вокзале арестованных ожидали «черные воронки», которые перевезли их в Бутырскую тюрьму. В тюрьме отец Павел находился с 22 мая по 8 июня 1928 г. По свидетельству Е.П. Васильчиковой, он в тюрьме продолжал носить подрясник.

Отметим некоторые особенности ответов П.А. Флоренского на графы «Анкеты №3109 для

арестованных...» 22 мая 1928 года: *образование* – «окончил Московский Университет»; *в составе семьи* П.А. Флоренский указал жену, пять детей, а также «теща, Над<ежда> Петр<овна> Гиацинтова, 76 <лет>, больная, Сергиев»; *профессия* – «научная деятельность»; *наименование учреждения или предприятия, должность в Сергиеве, преподават<ель> физики и матем<атики>*, Моск. Духовн. Акад., профессор по истории мировоззрения, педагогич. техникум, проф. физики и математики»; *привлекался ли к ответственности по суду или в администр. порядке* – «Да, в 1905 г. за проповедь против казни лейтен. Шмидта»; *отношение к воинской повинности* – «Был освобожден по глазам и как проф<ессор>»; *где арестован* – «В своей квартире: г. Сергиев, Моск. губ., Пионерская ул. д. 19»; *примечания заключенного*: «При обыске взяты: жетон Красн<ого> Креста, получен<ный> после возки раненых с фронта и фотографическ<ий> снимок царской встречи, переданный мне вместе с другими снимками после смерти одного духовного лица» [1, л. 145–145об.].

Протокол допроса П.А. Флоренского датирован 25 мая 1928 года. В «Показаниях по существу дела» записано: «Фотокарточка Николая II хранится мною как память Епископа Антония, к Николаю я отношусь хорошо и мне жаль человека, который по своим намерениям был лучше других, но который имел трагическую судьбу царствования.

К совласти я отношусь хорошо и веду исследовательские работы, связанные с военным ведомством секретного характера. Эти работы я взял добровольно, предложив эту область работы. К совласти я отношусь как к единственной реальной силе, могущей провести улучшение положения массы.

С некоторыми мероприятиями совласти я не согласен, но безусловно против какой-либо интервенции, как военной так и экономической.

Никаких разговоров с кем-либо о тех мероприятиях, с которыми я не согласен, я не вел» [23, с. 48].

В архиве священника Павла Флоренского сохранилась недатированная записка без заглавия. Содержание записки, а также упоминаемые в записке реалии позволяют соотнести ее с протоколом допроса П.А. Флоренского 25 мая 1928 года. Написанная мелким бисерным почерком, каран-

дашом, записка, вероятно, была своеобразным черновиком или предварительным вариантом ответа, который согласно процедуре пришлось формализовать и сократить.

<Объяснительная записка П.А. Флоренского к протоколу допроса 25 мая 1928 года:>

«Распорядок дня у меня был такой: в 5 ч. утра я вставал и отправлялся на поезд, прямо в Лабораторию. В Москве сидел в Лаборатории или бывал в Редакции Технической Энциклопедии, иногда на заседаниях в Главэлектро или в ГЭЭИ. Затем на поезде я возвращался домой голодный (я не ем в Москве) и сонный самое раннее к 7 ч., а иногда в 10½ или даже 12 ч. В субботу и воскресенье я оставался дома – писать бумаги для ГЭЭИ, доклады, статьи и т.д. Все это пишу для того, чтобы указать, что я всегда бывал занят и уставший. Это одно заставляло меня избегать каких бы то ни было знакомых и каких бы то ни было посторонних разговоров. Я ни у кого не бывал в Сергиевск[ом] Посаде, не ходил даже по улицам, т.к. путь на вокзал – полями и полотном. Совершенно категорически утверждаю, что никакой агитацией не занимался, в церкви не служил⁸, каких-либо обсуждений общественных вопросов не вел. Все толки, которые сочиняются около меня, лишены основания. Я всегда был принципиальным противником для ученого деятеля политической и проч. борьбы, ибо считал и считаю, что политика есть специальность, и притом мне органически чуждая.

Мне хотят навязать какое-то “влияние”. Активно я ни на кого не влиял; пассивно, если влиял, то как раз в сторону, обратную той, которую мне навязывают, ибо еще до Октябрьской революции был сторонником советской власти и остался таковым на всем протяжении существования ее. Отчасти это обстоятельство с момента февральской революции и по сей день воздвигло между мною и интеллигентскими кругами холодную далекость и послужило добавочным толчком к самозамыканию в лаборатории и книгах.

От благожелательных коммунистов я слышал отзывы: “Мы вас все-таки не понимаем”. Что же сказать на это? – У меня есть свои философские воззрения, в большей части неопубликованные, и я знаю, что большинство современников скажет то же. Осмеливаюсь думать, что мои мысли, если бы было время и силы изложить их письменно, – лет через 20 будут обычными, а сейчас чужды всем или почти всем. Но жизнь складывается

так, что ни писать, ни печатать в направлении философской мысли не приходится.

Я избрал прикладную физику. Хорошо знаю, что в порядке **физических** исследований я не имею оснований притязать на что-то существенное. Но я и не хотел работать в этом направлении. Совершенно сознательно я встал на путь дисциплины мысли и подчинил свои интересы и влечения не своему хотению, а ближайшим практическим нуждам государства, и знаю, что в этом отношении делал нечто полезное. Точнее сказать, до настоящего момента налаживался аппарат, который должен был начать работать на пользу государства. И только в этом году более или менее правильная работа, несмотря на бесчисленные препятствия и трения, стала возможна».

В анкете, протоколе допроса и объяснительной записке отец Павел ничего не говорит о своем священническом служении и лишь однажды упоминает, что он был профессором МДА. Причиной этому была, конечно, не конспирация (кто же не знал, что отец Павел был священником, тем более, что он и сам этого не скрывал, всюду появляясь в подряснике), а отстаивание своих прав. Раз государство объявило религию частным делом каждого человека, оно не вправе требовать в этом отчета. Для отца Павла фраза «в церкви не служил» была принципиальна еще и тем, что свое священническое служение он рассматривал не как профессию, не как источник существования и заработка, что может интересовать государство, а как внутреннее призвание Божие, неподсудное светской власти.

Многие арестованные держались стойко, не отрекались ни от веры, ни от своих убеждений. Обозначенный в деле как «Ларин Петр Петрович – игумен» сказал на допросе: «От служения Церкви, пока существую на свете, не откажусь!» А Александра Саввишна Мамонтова прямо сказала: «Сторонницей соввласти не являюсь вследствие гонения на религию и притеснения верующих. Кто у меня бывал, предпочитаю не называть».

«Показания по существу дела»

Е.П. Васильчиковой:

«Я совершенно аполитична. Сторонницей соввласти назвать себя не могу, так же как и ее противницей.

По моему мнению всякая власть, в том числе и монархия, должна стремиться к улучшению положения всего населения.

За границей у меня живут, за точность не ручаюсь по посторонним сведениям, отец Васильчиков Павел Александрович и два брата Александр и Алексей.

Каким образом они очутились в эмиграции – не знаю.

Связи с ними не поддерживаю.

Живу я у двоюродного дяди Олсуфьева Юрия Александровича.

Никто у нас не бывал.

Разговоров на политические темы не велось.

В Москве я бывала очень редко.

Голицыных знаю, но у них не бывала.

Трубецких знаю, но у них также никогда не бывала.

С Истоминными также знакома, как и с Голицыными и Трубецкими» [23, с. 48–49].

Из воспоминаний С.М. Голицына:

«А Сергей Истомин, на вопрос следователя: “Куда вы дели револьвер?” – ответил: “Я бы не промазал, я бы попал”.

Следователь был немало удивлен. Этот столь необычный ответ его убедил в невиновности подсудимого. Но Сергей сказал, что он монархист, получил минус шесть и выбыл в Тверь» [14, с. 272].

Обвинительное заключение по делу №60110

29 мая 1928 г.:

«Я, пом. нач. СО ОГПУ – Полянский, рассмотрев дело №60110 по обвинению гр. Елова Михаила Савиновича, Введенского Дмитрия Ивановича и др. в количестве 80 чел. по ст. 58/10 УК (Ст. 58.10 Уголовного кодекса: «Пропаганда или агитация, содержащая призыв к свержению, подрыву или ослаблению советской власти или к совершению отдельных контрреволюционных преступлений... а равно распространение или изготовление или хранение литературы того же содержания влекут за собою лишение свободы на срок не ниже шести месяцев. Те же действия при массовых волнениях или с использованием религиозных или национальных предрассудков масс, или в военной обстановке, или в местностях, объявленных на военном положении, влекут за собою меры социальной защиты, указанные в ст. 58 настоящего Кодекса. 6 июня 1927 г. – *изгум. Андр.*» [27, с. 496] нашел.

Согласно имеющихся агентурных данных СО ОГПУ было известно, что уже поименованные граждане, проживая в г. Сергиеве и частью в Сергиевском уезде и будучи по своему социальному происхождению “бывшими” людьми (княгини,

князья, графы и т.п.) в условиях оживления антисоветских сил начали представлять для Соввласти некоторую угрозу, в смысле проведения власти по целому ряду вопросов. Имевшиеся в распоряжении СО ОГПУ агентурные данные стали подтверждаться на страницах периодической печати. Так, например, на засилье в Сергиевском уезде черносотенцев было указано в журн. “Безбожник у станка” (№ 3), в газ. “Рабочая газета” №109 от 12 и 17/V и др. И действительно, все обвиняемые будучи заняты большинством случаев или торговлей, или кустарным ремеслом (выделка игрушек, вязание чулок) или, наконец, отправлением религиозных обрядов в церкви, как служители культа, одновременно с этим занимались антисоветской агитацией. Это последнее увязывалось ими со всякого рода поводами. Так духовенство (Заозерский, Дичин, Архангельский, Троицкий и др.) использовали церковный амвон и отдельные группы верующих, агитируя против действий Соввласти; зажиточные крестьяне (Буточников, Жучкин и др.) срывали мероприятия Соввласти по проведению самообложения, землеустройству и т.п.; бывш. монахи Лавры (Марченко, Егоров, Ларичев, Кононенко, Семенчинский и др.), устроившись на Совслужбу в музей, образованный на месте бывшей Троице-Сергиевской Лавры, создали целую группу антисоветски настроенных лиц, агитировавших также против Соввласти. Почти все обвиняемые благодаря своего происхождения, а также положения, занимаемого ими в дореволюционное время, так и сейчас идеологически были родственны между собой и составляли целую группу черносотенного элемента, настроенного резко враждебно по отношению к Соввласти. Об этом, не скрывая, заявляют на допросе обвиняемые. Так, напр., обвиняемый Истомин показал, “точно определить свои политические взгляды я затрудняюсь, но во всяком случае, я больше всего близок к монархистам. Как-то на вечере в Сергиеве я выступил с защитой памяти Николая Романова. Осуждая политику Соввласти в том, что т.н. бывшая аристократия подвергается репрессиям, гонениям и т.п.”. Обвиняемые Истомин С.И., Лопухина А.С., Мамонтова А.С. открыто причисляют себя к монархистам. Естественно поэтому, что выстрел из револьвера, производившийся в целях убийства зам. зав. агитпропом Укома ВКП(б) тов. Костомарова, смаковался больше всего в этой среде. Естественно также, с другой стороны, что малейшее послабление органов

Соввласти в расследовании данного дела могло бы усилить контрреволюционный элемент Сергиевского уезда.

Принимая во внимание вышеизложенное, я полагаю бы передать данное дело на рассмотрение тройки при СО ОГПУ. Все обвиняемые перечислены в прилагаемых при сем списках.

29.V.28 пом. нач. 6 СО ОГПУ Полянский
Согласен Е.Ту<чков>» [23, с. 50–51].

8 июня Особое совещание при Коллегии ОГПУ постановило: «Флоренского Павла Александровича из под стражи освободить, лишив права проживания в Москве, Ленинграде, Харькове, Киеве, Одессе, Ростове н/Д, означ. губ. и округах с прикреплением к определенному местожительству, сроком на три года, считая срок с 22/5–28 года». Это называлось «высылка минус шесть» [23, с. 52–53]. 13 июня Флоренский дал подписку выехать в Нижний Новгород: «По прибытии я обязуюсь явиться в местный орган ОГПУ для установления факта прибытия в выбранную мною местность» [23, с. 53].

22 июня 1928 г. Особое совещание при Коллегии ОГПУ внесло в свое же первое решение от 8 июня 1928 г. изменение. Из него было исключено прикрепление П.А. Флоренского к определенному месту жительства [20, с. 182], и если бы высылка П.А. Флоренского продолжилась длительное время, это могло бы иметь положительное значение. Например, он мог бы поселиться значительно ближе к Сергиеву Посаду в г. Александров Владимирской области.

Е.П. Васильчикова вспоминала о своеобразной практике высылки в 1928 г. У осужденных требовали назвать город, куда они затем будут высланы. Обычно перед высылкой отпускали домой для сборов. Все получали свидания и договаривались, кто куда едет. Е.П. Васильчикова попросила, чтобы ее оставили на три года в Бутырках, т.к. ей некуда ехать. Она была уверена, что ее дядя Ю.А. Олсуфьев арестован. Но все же под влиянием С.Н. Шатровой она назвала Брянск. Выходя от следователя, она встречает свою подругу Н.А. Верховцеву. Та сказала: «Я еду в Тулу». Е.П.: «Можно я с тобой?» Н.А.: «Ну конечно!» Е.П. вернулась к следователю: «Можно я поменяю Брянск на Тулу?» Следователь: «Почему?» Е.П.: «Мне сейчас встретился человек, который согласен, чтобы я с ним поехала». Следователь: «Но больше не меняйте». Е.П.: «Больше не буду менять». В то время такие сцены были еще возможны.

Е.П. Васильчикова вспоминала, что после сборов дома на вокзал ее везли на «черном воронке» вместе с отцом Павлом, ибо нужный им вокзал был один: «Мне – на Тулу, ему на Нижний». Инструкция относительно высылки гласила: «Обвиняемых надлежит отправлять, снабдив соответствующими проездными документами. Выезд каждого из осужденных должен быть произведен с таким расчетом, чтобы последние не имели возможности разгуливать свободно по городу, а были бы сопровождаемы по поезду сотрудниками» [32, с. 24]. В поезде сажали с конвоем, но ехали одни. 14 июля осужденные П.А. Флоренский и С.И. Теплицын отбыли в Нижний Новгород к месту высылки. 18 июля они были зарегистрированы в Центре регистрации ОГПУ г. Нижнего Новгорода.

По рассказам Е.П. Васильчиковой, во время допросов подследственным грозили сроками 5–10 лет Соловков. За помощью обратились к Е.П. Пешковой.хлопотал и сам А.М. Горький. По сергиево-посадскому делу Е.П. Пешкова вступилась за тех, кто получил большие сроки, в основном, за стариков. Им заменили лагерь высылкой на 3–5 лет. Некоторые получили даже «минус один», т.е. им запретили жить только в Москве. В результате больше пострадали те, у кого были меньшие сроки. Тем более, что Е.П. Пешкова не прекратила своих хлопот, и многие из осужденных возвратились домой в течение того же 1928 г.

Из воспоминаний Л. Жегина:

«Узнав, что Флоренского взяли, я отправился в комитет “Политического Красного Креста”, к Пешковой – жене Горького; дождавшись очереди, просил ее передать Алексею Максимовичу, что Флоренский арестован – вот и все, что я просил, сказал я.

“Горький это знает” – был ответ. На этом разговор и закончился» [21, с. 167]. Раньше Л. Жегина к Е.П. Пешковой естественно обратилась сама А.М. Флоренская.

3. СЕРГИЕВ ПОСАД ПОСЛЕ СЕРГИЕВО-ПОСАДСКОГО ДЕЛА

Пока шло следствие, местные Сергиево-посадские и центральные газеты продолжали кампанию травли. 27 мая сергиево-посадская газета «Плуг и молот» обрушила на читателей шквал заголовков: «Высылку черносотенцев одобряем». «Трудящиеся Сергиева клеймят презрением черносотенцев, нападающих с револьвером на

партийного работника». «Пленум горсовета о высылке черносотенцев». «Теснее сплотим ряды вокруг ВКП(б)». Этим заголовкам соответствовал и текст: «С особым напряженным вниманием слушал расширенный пленум горсовета 24 мая сообщение т. Курочкина об изъятии органами ОГПУ черносотенного элемента из г. Сергиева. Раздался гром аплодисментов, когда т. Курочкин сказал, что изъято до 100 чел.». После «единодушного одобрения» мероприятий органов ОГПУ шли призывы «сомкнуть ряды», «усилить бдительность», «усилить дело антирелигиозной пропаганды». Резолюция же городского собрания Сергиевской организации ВКП(б) оканчивалась словами: «Да здравствует ОГПУ – верный страж Октября!»

После расправы с людьми началась расправа с монастырями и церквями. Называлось это «изъятием церквей». 31 мая местная газета «Плуг и молот» пестрела заголовками: «Пятницкая и Введенская церкви, как исторические архитектурные памятники, должны быть закрыты», «Помещение лаврской трапезной пустует. Его необходимо использовать под театр-клуб», «Очаги религиозной заразы свернуть». Газета требовала «изъять» следующие церкви:

1. Пятницкую. 2. Красноковскую (Михаила Архангела). 3. Рождественскую. 4. Параклита. 5. Скитскую (колония Каляева).

Уже 3 июня эта газета рапортовала: «Пятницкая и Введенская церкви закрываются. Очередь за “Михаил Архангелом” и “Рождественской”. <...> По вопросу об изъятии Пятницкой и Введенской церквей нами получено согласие Главнауки на изъятие выше означенных церквей из ведения групп верующих. Вчера нами послано об этом извещение в администр. отдел с просьбой расторгнуть договор на эти церкви, так как последние принадлежат к памятникам старины и числятся за Главнаукой. Церкви будут использоваться музеем для экскурсий. Зам. зав. музея Готт».

28 июня газета «Плуг и молот» в статье «Церковные гнезда не должны скрываться за артелями» требовала ликвидации монашеских артелей и действующих еще церквей: «Покровская и Параклитская с/х артели должны быть ликвидированы. Горбуновскую церковь под клуб. Часовня под красный уголок. Делегатки за закрытие Рождественской и Михаило-арх. церквей». В том же номере помещен победный рапорт: «Монашки из Хотьковского монастыря выселены» [23, с. 47–48,

53–54].

В центральной газете «Известия» (1928, 27 мая) А. Аграновский в статье «Классовый враг с мандатом. (К делу о выстреле в Сергиеве)» писал: «Оказывается, в двух часах езды от Москвы живет и здравствует крепкое ядро сиятельной черной сотни. У всех мандаты. Не револьверы, а мандаты... Вот основное, что бросается в глаза при первом повороте головы к Сергиеву и что трижды опаснее выстрела в тов. Костомарова.

Советский мандат в руках князя или графа бьет сильнее и дальше белогвардейской пули. <...> Если в этом есть нужда, надо гнать эту публику за десятки тысяч верст. Удивляет и возмущает другое: лица, которым доверили руководство уездом, не знают, что делается под носом, между тем как именно о поведении монахов и монашек и об их влиянии на окружающее население надо было знать им досконально, вплоть до того, что варится у них в горшке на обед». Особое раздражение у автора вызвала реакция жителей Сергиева на саморазоблачения гастролировавшей там «отгадчицы тайн» Жанны Дюкло, которая после своих фокусов показывала, как она это делала. Сергиевопосадцы кричали ей: «паразит», «шулер», «большевичка». «Таков Сергиев», заключает этот эпизод автор статьи. О стиле статьи можно судить по тираде в адрес кн. Владимира Сергеевича Трубецкого – сына философа кн. С.Н. Трубецкого, – который в то время с семейством жил в Сергиевом Посаде: «Князь Трубецкой хлещет мрачно водку и играет в пивных Сергиева на виолончели, на бутылках и на гребешке. В свободные часы он идет в лавру, понуро смотрит на гробницу своих предков и думает о бренности жизни. Этот княжеский удел естественен, он не волнует».

Уже после окончания «дела» поместили отклики на него газета и журналы «Безбожник» и «Антирелигиозник», которые до этого оставались в стороне. Газета «Безбожник» (1928, 10 июня) в статье «Недостатки в работе музеев», подписанной очередным псевдонимом Г.К., лишь повторила набор стандартных обвинений: «Обратимся к научным трудам, изданным музеем. Вот книжка научного сотрудника, бывшего графа Олсуфьева, выпустившего ее вместе с попом Флоренским. От книжки несет поповщиной. Книга имеет около ста страниц, из коих 55 страниц посвящены “трудам чистого смысла” трудам резчика монаха Амвросия. Остальные страницы этой книги – изображения распятий Христа, крестов и икон.

Поповщина подсовывается читателю под видом древней скульптуры и резьбы. В другой работе Олсуфьева в конце приложены картины “божьих матерей” с иисусом и без него. Словом, читай и молись...

Читатель спросит, сколько же музеем выпущено массовых книг, разоблачающих лавру, как гнойник преступлений, совершавшихся именем бога. До этого работники музея еще не додумались).

Журнал «Безбожник» [4, с. 11] поместил статью «Сонное царство», подписанную псевдонимом «Дед безбожник». Автор статьи едет в Сергиев. Его попучик, обманутый очевидным благообразным видом «деда», разоткровенничался:

«— Городок у нас, знаете, тихий, исторический! Пролетариата этого самого — раз-два и обчелся. Вместо него кустари и торговцы — народ обстоятельный, семейственный... Знаете — свой домик, коровка, свинка, курочки, все-таки какая ни на есть собственность. Пиши ему в газетах про китайскую революцию, а уж если у него, в это самое время, свинья поросится, так ему на всех Чан-Кай-ши наплевать... Да! Тихий городок. Все 10 лет с Октября не жили мы, а мирно существовали. Только вот теперь завелась у нас червоточина, — дыбом город поставили...

...привязался этот “Безбожник” к нашему музею. А музей у нас, я вам скажу, прямо замечательный... Все сокровища монастырские в нем собраны. И люди при нем состояли настоящие, богомольные, не шантрапа какая-нибудь. Для такого человека эти самые экспонаты, не экспонаты, а святыня... Да-с!..

Бывало сходишь в музей — ну все равно, что в соборе литургию отстоишь. Привратники, сторожа — из бывших монахов. Поведет тебя кто-нибудь из прежних руководителей по музею, станет давать объяснения, — все по науке-с, исторически... Дар царя Бориса Федоровича, дар царицы Софии Палеолог, дар им. Елизаветы... Слова-то какие — слушать приятно!

Так, вот, безбожники и привязались: у вас, говорят, в музее рел. пропаганда. Помилуйте. Да, как же ей религиозной не быть, ежели божественные предметы кругом... И от этой проклятой газеты пошло. Из музея настоящих богомольных людей повыгнали, теперь новых сажают. А тут покушение на коммуниста одного случилось — аресты пошли.

В церквах у нас благолепие. Батюшки жи-

вут — бога благодарят. Регенты из образованных — не за страх работают, а, можно сказать, за совесть. Концерты устраивают, песнопения». Далее «Дед безбожник» сообщает, что в монастыре находится Педагогический техникум, и задает вопрос: «Кому же всколыхнуть это болото, как не будущим молодым учителям?» Однако дело тормозится тем, что они не выписывают журнала «Безбожник».

Журнал «Антирелигиозник» поместил статью М. Шейнмана «Буржуазная печать об антирелигиозной пропаганде в СССР» [2, с. 23]. Здесь автор коснулся и «сергиево-посадского дела», обличая его трактовку в статье Вальтера Дюранти «Красные с новым рвением потрясают всю Россию» (Нью-Йорк Таймс, 1928, 27 мая): «Газета выступает в защиту Сергиевских церковников, которые, как известно, засели в бывшей Троицко-Сергиевской лавре и под видом музейных работников собрали цвет “бывших” людей — князей, графов, и т.д. и превратили музей в черное гнездо поповщины. По словам корресп. Нью-Йоркского “Таймс”, все, что советские газеты кричали о засилии попов в Сергиеве “оказалось злонамеренной чепухой”, большевики лишь напрасно шум подняли. Скажем тут же, что господин Дюранти также неправильно информирует то, что было обнаружено в Сергиеве оказалось не “злонамеренной чепухой”, а бывшие прислужники церковного строя, действительно, засели под ширмой музея, и превратили музей в поповское гнездо».

Сергиево-посадское дело преследовало две цели: 1. очистить город от «бывших», 2. перепрофилировать Сергиевский музей из историко-художественного в антирелигиозный. Обе эти цели на тот период были достигнуты, но реальный итог и для города, и для музея был плачевен. Потеряв высококлассных специалистов, несмотря на наличие богатейших собраний, музей очень быстро опустился до своеобразного идеологического кабинета провинциального уровня [см. вырезку из собрания П.А. Флоренского: статья А.Н. «Убрать эти экспонаты! О монастыре, музее и его обитателях»: 8, с. 2].

В самом Сергиевом Посаде на долгие годы утвердилась атмосфера страха, поощрялось доноительство, слежка. Именно тогда в городе начало формироваться партийное и городское руководство, особенно враждебное Церкви, притесняющее и дискриминирующее верующих жителей по любому удобному поводу. Несмотря на

то, что срок высылки многих осужденных по сергиево-посадскому делу значительно сократился и истек, как могли они вернуться в родной город, если в 1930 г. пресловутый Н. Костомаров издал книгу «Бог и его подвижники» (М., 1930), начавшуюся следующим предисловием С. Урсыновича: «После Октябрьской революции остатки русской буржуазии думали использовать Лавру как центр организованной ими реакции. Целый ряд крупных черносотенцев поселился в окружающем ее Посаде. Именно на Лавру, как на возможное место организации реакции, указывали объединившиеся вокруг Патриарха Тихона контрреволюционные группы. Контрреволюционная заваска в этом громадном контрреволюционном гнезде не изжита в сущности и сейчас. Даже когда Лавра была закрыта (1919), ее чудеса и мощи разоблачены, реакционные группы бывшей буржуазии и царского чиновничества не оставили своих надежд на нее. Они пытались обосноваться в основанном на месте Лавры историко-художественном музее. Лишь в 1927/28 г. была разоблачена одна такая группа, в состав которой входили систематически подрывавшие советское культурное строительство, ведшие на территории Сергиевского музея религиозно-реакционную пропаганду “музейные” работники – граф Олсуфьев и тщательно отречившийся перед следствием от своего баронства барон Дервиз. Это разоблачение реакционеров чуть было не стоило жизни автору данной книги, тогда секретарю Сергиевского укома, в которого стреляли ночью через окно его комнаты» [30, с. 16].

Можно сказать, что после сергиево-посадского дела Сергиев Посад начал становиться другим городом, чем был ранее. Но именно в этом городе, вскоре сменившем и самое имя⁹, предстояло жить семье отца Павла в течение многих десятилетий. Город Сергиев (с 1919) был переименован в Загорск в 1930 г. в честь секретаря Московской организации большевиков В.М. Загорского (Лубоцкого), никакого отношения к Сергиеву Посаду не имевшему. Благозвучность нового имени Загорск (за горами), а также известность города после открытия в 1946 г. Троице-Сергиевой Лавры, помогла этому имени прижиться. В год 600-летия со времени кончины преподобного Сергия (1992) городу было возвращено его исконное имя. К этому времени, в 1990 г., дом отца Павла на Пионерской улице (№19) был признан памятником истории и культуры и на доме была

установлена мемориальная доска [5, с. 67].

4. ССЫЛКА П.А. ФЛОРЕНСКОГО В НИЖНИЙ НОВГОРОД

(18 ИЮЛЯ – 15 СЕНТЯБРЯ 1928)¹⁰

13 июля 1928 г. П.А. Флоренский получил выписку с приговором и на следующий день был отправлен по назначению через Владимир, откуда послал первую весточку с вокзала¹¹, и 15 июля прибыл в Нижний Новгород. Первые три дня П.А. Флоренский «ночевал в канаве» [9], и только 18 июля, в день памяти преподобного Сергия (5 июля по ст. ст.) удалось найти жилье по адресу: ул. Мартыновская, д.10, кв.3.

Письмо П.А. Флоренского детям из Нижнего Новгорода 18 июля 1928 г.:

«Дорогой Кирилл, крепко целую тебя и желаю, что тебя нет тут, посмотреть на Волгу. Впрочем, когда один человек сказал: “Вот как жаль, что у нас в Посаде нет такой реки”, я возразил ему: Хожу и радуюсь, что нет, т.к. мой Кирилл все время держал бы меня в смертельном страхе. Мне говорят здесь, что много ребят, купающихся и плавающих на лодках, гибнет каждый год. Местность очень красивая, но окрестности я вижу только со своей горы, т.к. переехать за реку или выйти за город мне нельзя. Наверное ты совсем забыл французский и забыл все; это очень и очень мне прискорбно, т.к. сейчас без знания трех иностранных языков в жизни ничего сделать нельзя, особенно, если заниматься наукою, – да и без таких занятий. Недалеко от меня находится Радиолоборатория, и около нее, на крутом высоком берегу Волги – антенна. Кроме того все здание лаборатории снаружи увито натянутыми проволоками и разными энергетическими приспособлениями. Может быть и я буду работать в этом учреждении, но это еще не выяснено. Не забывай своего папу и сообщай ему все, что ты делаешь и думаешь, чтобы папа ясно и живо представлял себе всех своих дорогих деток. Слушайся мамочку и бабушку, не огорчай их и заботься о маленьких. Твой папа.

Милая Олечка, крепко целую тебя и надеюсь, что ты когда-нибудь приедешь повидать своего папу. Занимаешься ли ты французским? Пожалуйста не забрасывай музыки и проигрывай гаммы, упражнения и пьесы, которые ты учила. Мне будет очень жаль, если ты позабудешь то, чему научилась, а пальчики твои станут не гибкими. Как живут твои куклы? Приходила ли к тебе

твоя подруга Катя? Бывает ли у вас в гостях София Ивановна? Очень кланяйся ей от меня и скажи, что за это время я часто вспоминал ее и Александра Ивановича; в частности я вспоминал о нем, когда ехал по жел. дороге и смотрел на растительность, отличающуюся от нашей. Кланяйся также Сергею Ивановичу. Весело ли прошла ярмарка? Скажи Екатерине Антоновне, что я очень благодарю ее за память и внимание, какие она оказала мне в Петров День; кланяйся ей.

Вот пришли за письмом, надо кончать его. Целую тебя, моя дорогая. Твой папа. Пиши и сообщай, что делаешь, милый Мик, крепко целую тебя и Тику. Теперь я живу почти на берегу реки Волги. Берег высокий и крутой, и с него видно очень далеко. Волга широкая, по ней все время ходят пароходы и баржи. Ездят также лодки всяких размеров. Тебе было бы интересно посмотреть на пристани, как приходят и уходят пароходы. Когда я устроюсь, ты приезжай поцеловать своего папу, который тебя с Тикой все время вспоминает. Заботься о мамочке и о Тике, слушайся бабушку. Недалеко от меня находится Нижегородский кремль, а в нем сад. Оттуда видно впадение Оки в Волгу, очень красивое место. Весь город построен так, что из одной части в другую надо идти в гору, гораздо более высокую, чем у нас на улице. Улицы здесь в той части города, где я живу, обсажены липами, которые сейчас в цвету и хорошо пахнут.

Милая Тика, помнишь ли ты еще своего папу? Он крепко целует тебя. Скажи мамочке, что папе хочется мороженого, и что он просит угощать его почаще. Купаешься ли ты в саду в ванне? Есть ли в саду птички? Тут очень много китайцев. В квартире, в которой я живу, пятеро детей, вроде тебя и Мики, одна девочка побольше, вроде Олечки. Целую тебя крепко.

Твой Папа.

1928. VII. 5/18. Сергиев день. Нижний Новгород» [10, с. 14–15].

Письмо А.М. Флоренской П.А. Флоренскому в Нижний Новгород 19 июля 1928 г.:
«1928 г. 19/6 июля.

Дорогой папочка, с каким нетерпением мы ждали от тебя письма после твоей открытки! Дождались. Слава Богу ты цел, а дальше все не радостно. Зачем ты все время так сильно беспокоишься о детях? Ведь они на месте, ухожены, накормлены и приласканы кроме матери еще и бабушкой и Софьей Ивановной. Напрасно ты сердись-

ся на меня, что я бывала в Москве часто, я не так часто бывала, как это доходило до тебя. Некоторые просто пользовались моим именем и правом, чтобы послать тебе что-нибудь. За свидания тоже не сердись, ведь мы все так соскучились о тебе, так без тебя опустел наш дом, что хотелось хоть бы на секунду получить отдых и потом, дорогой, прости, но я думала, что и тебе радостно меня видеть. Вот и теперь ведь все родственники, не говорю уж жены, едут навестить своих, а я боюсь доставить тебе неприятность. Мне бы очень нужно было тебя видеть. Во-первых, чтобы получить от тебя уверенность на ведение дел; их, кстати сказать, оказалось много. Потом нужно было бы от тебя узнать хочешь ли ты чтобы были снова начаты хлопоты о твоём возвращении. Что делать с Васей. Ты знаешь, все советуют, чтобы он поехал на Кавказ. Я послала Шуру спешное письмо, в котором просила его написать, что у него есть для поступления Васи. Если ему это не трудно сделать, и он безусловно уверен, что Вася поступит, то пусть телеграфирует. Аршинов обещает дать ему командировку и рекомендацию. Все говорят, если у Шуры есть знакомство, то легче поступить там, а потом перевестись сюда. Очень плохо без тебя, просто не знаю, как и что делать. По тому, что говорили о Нижнем я думала, что от тебя встретит не так. Но ничего, папуля, только береги здоровье. Бывает и хуже.

Дети, конечно, очень тоскуют без тебя. Я думаю, Вася потому и рвется на Кавказ, что ему просто невыносима такая несправедливость. Я до твоего письма все надеялась, что ты останешься в Москве, так мне многие говорили, что это так и будет. Кира сейчас с бабушкой Олей на даче в Сокольниках. Люсе хотелось, чтобы она выехала на месяц из Москвы, но она одна не хотела этого сделать, а когда приехал Кира согласилась и она. Я просила маму, чтобы она занималась с ним фр<анцузским>. Оля очень усердно занимается с Соф<ьей> Ив<ановной> и, как говорит С<ергей> И<ванович>, делает успехи. Мика я обстригла. Он все просил, п<отому> ч<то> ему жарко. Он больше все около меня и в саду. Ему тоже страшно тяжела разлука с тобой, но он очень скрытен и все слушает так, как будто ему нет ни до чего дела, а сам все складывает в своем маленьком сердечке. Тика днем остается бойкой непослушной девочкой, а по ночам часто горько рыдает и подолгу. Когда я спрашиваю, о чем ты? Она говорит “жаль папу”. Мама моя очень плачет,

даже Дуня и та с нами все горе переживает. Софья Ив<ановна> по прежнему очень заботлива и внимательна и настолько огорчена, что Серг<ей> Ив<анович> предложил ей ехать в Нижний. Я думаю все-таки, что я, несмотря на твой запрет, приеду, чтобы найти тебе комнату и устроить тебя. Ты пожалуйста не сердись, а принимай как должное и выходи в воскресенье на вокзал или жди на почте. Невозможно же жить так, зная, что у тебя даже нет ночлега. Неужели же если бы я была в таком положении, ты ничего бы не сделал? Дети, не беспокойся, останутся в хороших условиях. Кроме того, что тут мама, Катя и Дуня, будет приходить Клавдия и Софья Ив<ановна>. Ты говорил, что не хочешь, чтобы чужие за ними ходили, но еще будет хуже, если они останутся совсем на руках чужих. Я долго тебя смущать не буду, найду только комнату, устрою и уеду. Целую все тебя крепко.

Твои дети.

Соф<ья> Ив<ановна> очень кланяется и целует тебя.

<Рукой А.М. Флоренской приписано:>

Это Тикино письмо и написано этими каракулями. – “Папочка дорогой приезжай скорее”. Мике я не хочу давать, т.к. ему это тяжело. Письмо теперь стоит 10 к.» [10, с. 15–16].

Из письма С.И. Огневой П.А. Флоренскому в Нижний Новгород, не датировано:

«Хочется еще сказать Вам еще о Вашем предощущении, что в Ниж<ний> Новг<ород> Вы попали недаром... Мне самой это приходило много раз в голову. <...> Помните, Вы мне говорили, что меня необходимо одергивать и ставить на место? Тут одергивали меня Вы, и с большой для меня пользой, а Вас одергивает Высшая Сила и тоже несомненно ставит на путь, по которому Вам надлежит следовать, а для размышления над собой нужны и досуг, и некоторое отрешение (временное) от слишком близких, земных интересов. Но я за Вас так спокойна, зная Вас, а главное – зная в каких верных руках Вы находитесь» [10, с. 12–13].

Письмо П.А. Флоренского А.М. Флоренской из Нижнего Новгорода 20 июля 1928 г.:

«Милая Аннуля, не дожидаясь письма от тебя, захотелось сказать тебе, чтобы ты не унывала и не огорчалась. Я знаю, тебе гораздо труднее, чем мне, и забот гораздо больше. Но вспоминай почаще, что я душою всегда с тобой и со всеми

вами, и твое горе меня тяготит гораздо более своего. Я рад был бы претерпеть что угодно, лишь бы тебе с детками было легко. В прошлых письмах я не кланялся Кате, – это потому что я считал ее уехавшей; если нет, то исправь эту ошибку теперь. Не знаю, меня очень беспокоит твое положение с деньгами, а когда я устроюсь – неизвестно. Пусть Васюшка постепенно отвозит книги, лежащие у меня и взятые из Москвы, – кроме тех, которые из “Главэлектро”. Книги из Университета взяты частью Ел. Конст., частью иным путем, но б. м. Ел. К. сдаст ВСЕ. Библиотечные академ. книги тоже надо сдать, но делать это понемногу, т.к. тащить все сразу трудно. Крепко целую вас всех. П.

1928. VII.7/20» [10, с. 17].

Письмо А.М. Флоренской П.А. Флоренскому в Нижний Новгород, 20 или 21 июля 1928 г.:
«1928.7/21 июля <так>.

Дорогой папочка, пишу тебе от Мика. Прежде о саде. Есть две ягоды терна, 2–3 черной смородины, красной побольше, есть и крыжовник, только все еще не поспело. Растет горох, и стручки уже порядочные, есть репа, укроп и салат, немного морковь, вот и все о садовом хозяйстве. Так (это он очень хотел вставить) цвели ирисы, маки, теперь цветут лилии. Я болен, у меня жаба, мама выносит меня гулять. Тика очень непослушна и плакса. Я неделки через 2–3 приеду поцеловать своего дорогого, золотого папочку. Папочка, милый, дорогой, золотой (и тут Мик заплакал). Мик.

Тика тоже начала тебе писать, но у нее что-то вышло некрасиво, и все полетело в разные стороны. Кажется только вышло, папуля дорогой. Папочка, сердце мое, свет очей моих и... многое другое написала, да ты будешь сердиться. О всех делах тебе сообщит С.А. Мы так были встревожены твоим первым письмом, что я сегодня же хотела ехать, но смущал меня только Мик, у него вот уже третья неделя держится t 37,1 и до 37,5. Видела его Оля и нашла, что это жаба, теперь позову еще доктора. Мик очень нежен, ласков и терпелив. Позволь нам, когда он совсем оправится, приехать к тебе. Ведь мы очень наскучались, натерпелись и могли бы получить такую награду – видеть тебя. Васю я посылаю к тебе, чтобы ты с ним сам договорился. На счастье приехал С.А., он все тебе скажет, а ты ему передай, как и что надо делать. Твоей тетради я не нашла, и бумаги ты тоже все свои взял. Скажи: надо ли в Бутырках

искать бумаги и вещи? Я думаю, что надо, т.к. Ник. Дост. говорил, что у него там тоже остался паспорт, а потом по нему кто-то уехал за границу, а его на этом основании не пустили. Как бы и здесь кто не воспользовался. От Ксен. Ант. получила письмо из Ленинграда, они очень жалеют о случившемся и предлагают, если ты хочешь, приехать в Ниж. Все меня спрашивают, какие у меня планы на будущее, я говорю, пока никаких. Уже приходили покупать дом. Мне только хочется к тебе и около тебя. Целую тебя. А.Ф.» [10, с. 17–18].

22 июля 1928 г. к П.А. Флоренскому в Нижний Новгород приехали сын Василий и ученик по МДА С.А. Голованенко. Пробьли они у П.А. Флоренского, вероятно, не более двух–трех дней¹².

*Письмо П.А. Флоренского матери
Ольге Павловне из Нижнего Новгорода
23 июля 1928 г.:*

«Милая мамочка, поздравляю тебя с днем именин и желаю воспользоваться летом, отдохнуть и пожариться на солнце, которого у нас так мало. Я не писал Тебе, т.к. одно время остался без письменных принадлежностей. Вчера приехал Васюшка, и я пользуюсь случаем написать Тебе не по почте. Пока еще я не устроился в Нижегородской Радио-Лаборатории, куда собираюсь попасть. Бонч-Бруевич и другие встретили меня очень любезно, обещают всякое содействие и надежду на устройство. Но вследствие канцелярских проволочек пока все еще (т.е. в течение одной недели) не получается <нрзб.> разрешения. Дух этой Лаборатории очень по мне – серьезный, деловой и без формальностей. У Лаборатории имеются большие заслуги. Нижний Новгород, в части прилегающей к Волге, очень красив – просторный вид, много воды, воздуха, зелени; все в липах, и липы в этом году цветут особенно мощно, так что наполняют все улицы своим ароматом. Сейчас готовятся к ярмарке, которая должна открыться с 1-го августа н.с. Но меня это несколько не интересует и более всего хотелось бы позаниматься серьезно и тихо. Пока еще я не знаю, как устроятся мои дела, но надеюсь, что так или иначе что-нибудь устроится, если бы даже не осуществились предположения о Радиолоборатории. Все это время я очень много вспоминал Тебя и жалел, что не могу писать тебе. В Нижнем очень трудно достать квартиру или комнату; но с помощью одного физика (Г.А. Остроумова) мне удалось, и в Сергиев день как раз я “въехал” в нее, т.е. договорился с хозяевами и перенес свой мешок с бе-

льем. Это было большим облегчением, т.к. я до тех пор ходил без пристанища.

Целую Тебя дорогая мамочка. Целую Госю и Люсю. Напиши мне о своем и их здоровье.

Еще раз целую Тебя.

Твой П.

1928. VII. 10/23» [10, с. 18–19].

Нижегородская радиолоборатория с мастерскими Наркомата почт и телеграфов была организована 19 июля 1918 г. В 1918–1928 гг. радиолобораторией руководил М.А. Бонч-Бруевич (1888–1940), один из основоположников радиотехники в России, с 1931 г. член-корреспондент АН СССР [7; 24]. Несмотря на старания М.А. Бонч-Бруевича, П.А. Флоренскому так и не успели оформить допуск, и в Радиолоборатории он не работал¹³.

*Из письма П.А. Флоренского сыну Михаилу
из Нижнего Новгорода 27 июля 1928 г.:*

«Сегодня, уже после того как я написал до сих пор, получились корректуры из “Технической Энциклопедии”. Мне сообщают, что я или мама можем получить там денег. Вот, как получим и когда мама покончит с делами по дому, тогда приезжайте смотреть, как устроился папа ваш. Относительно места остановки вашей мне надо еще что-нибудь устроить, так как со мною будет жить Дмитрий Иванович Введенский, и его надо будет куда-нибудь на это время выпроводить. Лучше всего было бы, если бы мамочка поговорила с Марией Мамонтовной Введенской о том, что ей хочется поехать в Нижний, но она не знает, где остановиться, и чтобы Мария Мамонтовна написала об этом Дмитрию Ивановичу. Только смотри, захвати и Олю с Тикой. Кирочка, вероятно, уедет с дядей Васей, Васюшка будет в это время держать экзамены в Москве, а вы поедете на Волгу. Очень жаль, что в это время вероятно не будет о. Павла¹⁴. Сегодня же я напишу письмо его отцу, чтобы узнать, когда приедет о. Павел» [10, с. 20–21].

*Письмо матери О.П. Флоренской
П.А. Флоренскому в Нижний Новгород
28 июля 1928 г.:*

«Москва. 28 июля.

Дорогой мой Павлик,

очень рада была получить твое письмо и видеть карточку, снятую Васей. Ты выглядишь очень озабоченным. Не принимай так тяжело всего случившегося с тобой, авось все обойдется. Самое главное – это состояние твоего здоровья.

Меня оно очень беспокоит. Что с твоими ногами? Как определил врач эту болезнь. Пожалуйста обрати на это самое большое внимание. Если это что-нибудь серьезное, то прими сейчас же меры, не задумываясь. Насчет средств не беспокойся. Сколько будет нужно на лечение, мы вышлем, ты только напиши. Деньги у нас есть. Не беспокойся также относительно Ани и детей. Ты знаешь, что они окружены близкими и всегда найдут в нас помощь. Нужно отдать справедливость Ане, что она проявляет большую энергию и бодрость. Я прямо восхищаюсь ею. Даже бы я, пожалуй, не сумела так справляться со всеми своими делами. Васю выдаем почти каждый день. Пока он решил остаться в Москве, хотя и получил телеграмму от Шуры с предложением приехать к нему. На эти два дня мы с Госей собираемся поехать на дачу к Люсе, которая живет недалеко в Погонно-Островском вместе с Киной.

25 числа у вас в Нижнем начался съезд физиков¹⁵ и т.д. Был ли ты на нем? Или предпочитаешь тихую, незаметную жизнь, в каком случае ты пожалуй был бы прав. Я тоже разделяю твой вкус к тихой жизни с возможностью спокойно работать, но какую это оказывается недостижимою роскошью в настоящее время! Жду известия от тебя, в особенности о здоровье. Чтобы не затруднять тебя, я прошу ограничиться <1 нрзб.> открытками. Только бы знать, что ты здоров. Если нужны будут деньги, напиши. Мы все здоровы.

Твоя М.» [10, с. 21–22].

*Письмо А.М. Флоренской П.А. Флоренскому
в Нижний Новгород 30 июля 1928 г.:*
«1928 г. 17/30 июля

Дорогой папочка, с нетерпением ждала всю эту неделю от тебя письма да так и не дождалась. Захотелось написать, как мы без тебя скучаем, тоскуем и каждую минуту вспоминаем дорогого любимого папу, которого отняли у нас недобрые люди. Тоскливо, как без солнышка идут дни без тебя. Не радует нас и сад и хорошая погода, стоявшая эти дни. Не хотела я тебе говорить о доме, пока не будет что-либо определенное, но ты уже знаешь, оказывается дом взят в О.К.Х.¹⁶, но дано право снова просить о его возвращении. Я подала заявление. Был технический осмотр. Намерили 19 с чем то сажений, п. ч. темная комната считается жилой площадью, т.к. перегородка не до потолка. По заключению техника он должен быть возвращен. Но комиссии, на которой будет этот вопрос решаться, еще не было. На днях этот воп-

рос решится – тогда напишу.

У Мики ведь скарлатина, и потому Киры до сих пор нет дома. Мик слава Богу чувствует себя лучше, да почти совсем хорошо, только немного припухлые железы, и потому Кочерыгин советовал еще неделю выдержать его в кровати. Моча чистая. Исследования ее производим дома. Мик это делает сам с большим интересом. Вася дал пробирки и кислоту, t утром 36, а в полдень и вечером все еще держится 37–37,1. Дня два болело ухо у Олечки, теперь здорова она совсем, но выходит только в вязаной кофточке и в колпачке. На именины она из Л-да получила книгу – Чарской и была страшно довольна, а Мик был огорчен. Но теперь и он получил обещание получить подарок на Тикины именины. Видишь, папулька, как мы тут без тебя живем, и потому страшно хочется иметь от тебя почаще письма и в этом видеть поддержку и утешение. За это время развилось какое-то болезненное подозрение. Вот ты долго не пишешь, и начинает казаться, что с тобой что-нибудь случилось. Как твои ноги, пожалуйста лечи их – меня они очень заботят все время. Получил ли ты бумаги? Не забудь тогда заплатить в профсоюз. В Москве я пыталась, но оказывается надо с книжкой. Из “Международной книги” Сер<гей> Ив<анович> получил все. Получила я на всякий случай бумагу из Ц.К.У.Б.У. Теперь хочу по плану получить грамоту на квартиру. Как дела со службой? Васюшка решил остаться в Москве и держать экзамены при Университете. Мне это решение больше нравится, чем его поездка на Кавказ. Уж лучше будем все вместе. А когда все разсеяны, уж очень много заботы. Вот теперь Киры нет, и все время думается, как он сейчас в Москве, здоров ли. Катя поехала домой, т.к. заболела Ниночка брюшным тифом. Я все время около Мики, и потому пока не могу сдавать книги в библиотеку. Когда Микулька встанет, мы будем носить с ним вместе. Тиночка одевает Микин костюм и делается Колей, и ей это очень нравится, т.ч. она в большей части дня бывает Коленька. Дня 2–3 у нас стоит хорошая погода, и мы все были в саду. Мик на своей походной постели, а мы все около него. 2 ванны я ему уже сделала, завтра будет еще. Ванны он берет с большой радостью. У него сильно шелушатся руки, как перчатки сходит кожа. Серг<ей> Ив<анович> был у Лазарева. Тот принял его очень любезно и сказал, что он согласен сделать все, что требуется. Серг<гей> Ив<анович> в Посаде, а дня через 3–4 едет в

Москву, достанет опять у тебя на службе старые бумаги и передаст их Лазареву. Сестры очень кланяются тебе, и кажется Аня уже устроилась на службу. Софья Серг<еевна> едет в Воронеж и, конечно, Екатерина Ант<оновна> с ней. Вчера получила письмо от Ольги Мих<айловны>, ее сократили. Она спрашивает, нужна ли она приехать. Я думаю попросить ее приехать. Как ты об этом скажешь? Пиши нам хотя бы маленькие письма, но почаще, чтобы мы знали, что ты здоров. О нас ты не очень беспокойся. Мне бы хотелось, чтобы ты пока в одиночестве там хорошенько отдохнул. Дети страшно заняты твоим приглашением и считают дни когда можно видеть папульку. Пиши пожалуйста чаще, чтобы иметь от тебя поддержку, а то очень трудно.

Все целуют тебя крепко. Будь здоров. Письмо Тикино “папа золотой”» [10, с. 22–23].

Письмо сына Василия П.А. Флоренскому в Нижний Новгород 2 августа 1928 г.:

«Дорогой папочка, я недавно подал документы в 1-университет и получил экзаменационный лист, экзамены начинаются у меня с 10 августа, т.е. через неделю, но сдать их не рассчитываю. Е.А. Апушкина говорила обо мне с Е.П. Троицким, членом приемочной комиссии, который знает тебя, знаешь ли ты его я не знаю, он ее направил к проф. Егорову, который был профессором в то время, когда ты был еще студентом. Он расспрашивал о тебе и выражал всяческие сочувствия и обещал помочь мне. Не знаю, только, что выйдет.

Я был на твоей службе и виделся с Борисом Васильевичем, он также спрашивал о тебе, и, кажется, ждал от тебя письма.

Поручения я твои выполнил. Б.В. просил написать тебе, чтобы ты все, что тебе нужно, просил бы его выслать, а он бы хотел это сделать или лично от себя, или от службы, и вообще он просил тебя в этом случае не стесняться. В столах и на столе он все оставляет так, как это у тебя, и ждет твоего возвращения.

Ему очень нужна рукопись о св. красках, но мы не знаем, где она находится, не напишешь ли ты об этом. В.И. я еще не видал. Сюда, в Москву приехал Г.А. Лемлейн из Тифлиса, он тоже хочет тебя видеть. Он будет в Нижнем и там наверное тебя увидит. Он просил дать ему твой адрес.

Снимки мои вышли ничего с нескольких, в том числе с твоей фотографии в комнате, я сделал увеличение.

Бабушка предложила Киру отправить к тебе с Лемлейном, он едет туда около 9–10 августа, как ты смотришь на это, напиши.

Как папочка твои дела, твое здоровье, напиши мне и об этом, я буду с нетерпением ждать твоего письма.

В.Флоренский
2/VIII–28 г.

Тебе кланяются много знакомых» [10, с. 24].

Письмо А.М. Флоренской П.А. Флоренскому в Нижний Новгород 3 августа 1928 г.:

«1928 г. 21-го июля.

Дорогой папочка, сегодня получила твою открытку, в которой ты беспокоишься нашим молчанием, но надеюсь, что сегодня же ты успокоишься, т.к. по моим расчетам ты сегодня должен получить письмо по почте от меня и посылку через Мар<ию> Петр<овну>. Теперь меня будет очень смущать, то ли я тебе послала, что нужно, или это вовсе не то. Напиши пожалуйста скорее. Скрывать правду о нашей жизни я не хотела и не хочу, но не говорила тебе прямо о болезни Мики, п.ч. не хотела распространения этих сведений, и кроме того, пока ты сам был в ужасных условиях, я не хотела еще смущать тебя нами. Относительно горла ты не беспокойся. Сегодня был Кочерыгин и сказал, что там все ликвидировано. Нужно поделаться еще ванны, т.к. не прошло шелушение. Но сегодня в ночь случилась новая беда. Ему стало плохо от желудка, я очень испугалась. Утром позвали врача, и он сказал, что ничего страшного нет, нужно подержать на строгой диете. К вечеру ему уже стало лучше. Но капризничает он очень. Не отпускает меня от себя даже есть, т.ч. все это делать приходится урывками. Думаю, что через 1–2 дня он встанет, и тогда пройдут его капризы. Теперь любимая тема разговора, как поедет к папе. Они хотят, чтобы папа не знал, когда гульки к нему приедут, и вдруг гульки посыпятся к папе в окно. Я думаю, что мы переждем эту неделю, а числа 14–15 приедем, если, конечно, Бог даст, все будет благополучно. Дома останется бабушка, Дуня, и Ольга Мих<айловна>, надеюсь, приедет. Напиши, что ты об этом думаешь, и что тебе надо привезти. Напиши на письме “ответ на письмо от 21”, чтобы я знала, что ты получил это письмо, и была уверена в твоём согласии. Чтобы не получить снова “Зачем приехала?” Я очень этого боюсь. Сегодня, когда Мике стало плохо, я подумала, что я совсем не могу жить без тебя, и уж три года-то я не выдержу ни за

что. О болезни Тики ты же знал. У нее болела рука, порезанная как раз в день твоего ареста. Больше ничем она не болела. С домом вопрос еще не выяснился. Меня смущает то, что я не могу отойти из дома и позвать техника, чтобы снять план квартиры. Завтра иду тебя выписывать, т.к. этого требует милиция, но думаю, что площадь твою удастся задержать хотя бы на три месяца. Серг<ей> Ив<анович> говорит, что ты ему не должен. Я настаивать не стала – лучше ты сам при случае разотчешься, если ты считаешь себя должником. Очень рада, что твои ноги приходят в порядок, хоть буду думать, что ты здоров и не страдаешь физически. Сестры пишут очень ласковые письма. Прислали Оле книгу и обещали посылку Тике и Мике. Мик все гадает, что будет в этой посылке.

Ты будешь очень огорчен, если дом отберут все-таки? Хочешь, чтобы я все усилия приложила к тому, чтобы он остался за нами? Напиши и об этом. Теперь я страшно жалею, что мало входила в твои дела, а жила только домашней жизнью. В таком вот положении гораздо труднее входить во все и как-то не сообразишь, что нужно, и что нет. Где искать какие книги и какие бумаги, все это без тебя, конечно, гораздо труднее. Когда придет Селив<ерстов>, конечно, приму со всем радушием, на какое способна, но, говоря откровенно, я бы не хотела, чтобы он приезжал, т.к. говорить о тебе я совсем не могу и старательно избегаю встреч с лицами, которые могут заговорить о тебе. Всегда получается слезокапие, и распускать его при незнакомом мне человеке я бы не хотела. Не знаю, писала ли я тебе, что тетя Соня и Ник<олай> Рост<омович> были очень добры и внимательны ко мне за это время. Теперь я опять порвала сношения с Москвой, и не тянет меня туда ничуть. Писал ли тебе Мих<аил> Влад<имирович>, он спрашивал адрес. Они уехали из Посада совсем. У Фавор. у меня все-таки есть крестница Маша или, как ее зовут, Мар<ия> Влад<имировна> младшая. Она родилась на Ярославском вокзале, и Влад<имиру> Андр<еевичу> много было с ней волнений. Теперь она растет и полнеет, а то была очень мала и худая. Хочется очень видеть тебя, но не в таких условиях.

Сейчас в доме все спят, уже поздно, а тебя все нет. Покойной ночи. Целую крепко, вспоминай нас. Теперь не буду писать, пока не получу от тебя ответ на это письмо. Пиши скорее.

<В письмо вложен листок, на котором ру-

кой Анны Михайловны написано:> Медведи от Мики. Напишу, когда он встанет. Другие дети здоровы.

Милый папочка, я стараюсь накопить денег, чтобы к тебе скорее приехать. Я еще болен. Мик.

<На обороте листка написано рукой Оли Флоренской:>

Дорогой, милый папулька, как твои милые ножульки и, вообще, ты сам, поступил ли ты на службу. Скажи маме, чтобы она не плакала по вечерам. У нас все время плохая погода, иногда бывает хорошая. Тебе кланяется Дуня и Катя, моя подруга. Катя и Нина кланяются и целуют дедушку» [10, с. 24–25].

Письмо П.А. Флоренского А.М. Флоренской из Нижнего Новгорода 9 августа 1928 г.:

«Для мамы.

Дорогая Аннуля, вчера, т.е. 26.VII/8.VIII, получил я твое письмо от 21.VII и спешу ответить на него, хотя б. м. этого уже и не требуется.

Мне очень беспокоит за вас, и я вижу, что мои тревожные сны и ощущения имеют больше оснований, чем ты открываешь мне. О Тикиной ручке я очень, про себя, беспокоился с того дня, как она порезалась, и боялся, что ты не приняла надлежащих мер по промывке и очистке пореза. Повидимому, так и было, хотя ты ни разу не писала об этом. В самом ли деле ручка ее теперь здорова? Затем болезнь Киры, ведь ты ни слова о ней не писала, а эти болезни, в его возрасте и при его искании приключений, особенно опасны. О Мике и говорить нечего. Сегодня, вот, я видел его таким худеньким, таким слабеньким и бледным, что осталась одна кожица да косточки. Васенька приехал желто-зеленый и худой, наверное он очень плохо питается и недосыпает. Напрасно ты думаешь, что если ты не пишешь мне всего этого и прочего в том же роде, то я не знаю ничего: я все чувствую отсюда и даже в худшем виде, м. б. чем если бы был дома.

Относительно поездки я уже писал, – приезжайте, какнибудь устроимся с комнатою. Одно только меня смущает. Теперь тут каждый день раз 5–6 идет дождь. М. б. и у вас тоже? Не лучше ли выждать, пока барометр поднимется? Смотрите сами, м. б. узнаете о состоянии барометра в Нижнем по газетам. Относительно приезда неожиданного – тоже как хотите, но я думаю вам будет трудно добраться до меня, т.к. вокзал очень далеко и с вещами и детьми ты не справишься. Если вещей мало, то можно приехать в трамвае. Сперва на

№1 от вокзала до Театра, а затем на №2 по Печерке, до Мартыновской улицы и, доехав до Мартыновской (это уже не далеко), пойти направо, и дом на правую сторону, ок. угла (он был №8, а стал №10). Но конечно спокойнее для вас будет, если предупредите меня, чтобы я встретил.

Кстати, не забудьте захватить с собою какой-нибудь чайник (маленький). Вещей берите поменьше. Тут м<ожно> б<удет> и выстирать и как ниб<удь> устроиться, а вещи вас очень обременят. Но калош не забудьте. Без крайней нужды ничего не берите. Относительно книг: возьмите у меня папку с надписью “Камни”, затем в шкафу (в углу, где по минералогии) “Строительные камни” и вообще в таком роде, есть о гравии и гальке, кроме “Минеральн<ых> ресурсов СССР”, т.к. я надеюсь эту книгу достать здесь. Об остальном я писал. Словари (нем<ецкие> и др.), если будет трудно везти, не везите пока, пришлите с оказией, а если не оч. трудно, то берите немецк. в первую голову. Главное – папки, о кот. я писал раньше. И вот еще: если не сдана книга из ГЭЭИ толстая, в сероголубом переплете, не помню какого автора, под названием Vorschriften, Rezgter, Beteintenten и т.д. (их кажется у меня 2 тома), то привезите только том, где Schallpattenmassen, помнится он заложен в этом шкафу, и бумажки, которые в нем, тоже привезите. Я ликвидирую этот том для статей и потом отошлю, м. б. с Вами же. Этот том мне очень нужен. М. б. книги можно сложить в корзину и отправить с вами же, грузом?

Относительно денег. Вам придется привезти с собою, но пожалуй лучше всего, если ты зашьешь детям по частям, т.к. по ж. д. воровство отчаянное, и на каждом вокзале и в каждом поезде то и дело пропажи. Поэтому надо быть очень зорким во все часы. Кроме того, дай часть на сохранение и прожитие Васеньке, дай маме (своей и моей), вообще распредели. Относительно дома я писал тебе, нужно ли писать еще. Повторяю, не опирайся на то, что я в Нижнем, все это временное. Для меня наш дом не есть просто дом, т.е. нечто наживное и проживное. Если бы соответственная или двойная, тройная и т.д. сумма денег, я бы отнесся к пропаже почти равнодушно. – Дети пишут, что ты плачешь каждый вечер. Дорогая мамуля, ты не знаешь, во что мне обходятся эти слезы, а знала бы – так не плакала бы. Надо прожить еще достаточно, а не быть навозом <?>, помогать мне, потому что мы стали одно существо

с тобою. Дом сейчас одно из необходимых условий достойного существования, – не как имущество, а как психологическая почва для работы научной и для воспитания детей. Ты пишешь, надо ли употребить всю энергию для возвращения его. Но я не знаю, что значит “всю”. Конечно, во всяком деле могут быть нужны усилия, которые практически уже не осуществимы. Однако для меня, помимо всего прочего, моего дела, – дела моей жизни и т.д., – наличие дома давало какую-то гарантию спокойствия: хоть кров есть у моих детей. Ты не понимаешь, что значит иметь на плечах и голове мировые задачи, и в то же время не иметь самых ничтожных условий для работы над ними, элементарного спокойствия о существовании своей семьи. Уж не говорю о том, что самая работа требует своих профессиональных условий. Сейчас у меня находится Виктор Михайлович, один из молодых московских физиков. Он ответит корректуру и это письмо; мне трудно сосредоточиться при нем.

Хотел было написать еще что-то, да голова не работает.

Спрашиваешь о книгах и рукописях. Ты прислала мне приблизительно то, что нужно, я этим воспользовался и очень рад, но кое-чего не хватило, и пришлось обойтись без него. Мне думается, не следует ли отвезти мои перепечатанные печатные сочинения в Москву? т.е. не все, а 2 тома статей.

Крепко целую вас всех и жду к себе, когда вам можно будет. Сейчас некогда писать детям. Скажи Микочке, что прошу его не капризничать и не дергать маму, т.к. иначе она не сможет сделать всех дел.

П. Флоренский.

1928.VII.27/VIII.9.Нижний Новгород» [10, с. 32–33].

Письмо сына Василия П.А. Флоренскому в Нижний Новгород 12 августа 1928 г.

«Дорогой папочка,

тебе, наверное, будет странно узнать, что я выдержал все экзамены. Последний экзамен, по русскому языку, я держал у человека, который знает тебя и даже бывал у нас вместе кажется с Лосевым, его фамилия, если не ошибаюсь, Поспелов. Но экзамен все-таки сдан. Теперь вопрос – примут ли меня или нет, что Бог даст.

На Урал я кажется поеду, хотя сейчас трудно сказать. Б.Я. обещал меня предупредить за три дня до отъезда. Сейчас я буду читать книги по

минералогии и в частности Костылевой “Тальк”.

Я кладу в письмо адрес пр. Егорова, может быть ты ему напишешь. Статью о скорости затвора я читал, где указан тот же принцип, в “Вестнике Геологического комитета”, но я думаю, что затвор у твоего аппарата правилен, ведь соприг лучший современный секторный затвор, хотя, конечно, испробовать не мешает.

Я работал это время в Университете и буду также работать в Горной Академии.

Тебе кланяется Екатерина Ивановна. Пиши скорей.

Принят я или нет будет известно в субботу.

<На клочке бумаги:>

г. Москва Поварская ул. (Пироговская) по новому, Борисоглебский пер. д.8, кв.5. Проф. Егорову» [11, с. 27].

Письмо Б.В. Максорова П.А. Флоренскому в Нижний Новгород, 13 августа 1928 г.:

«Чернигов. Старостриженская ул. д.11 кв. Копылова.

Глубокоуважаемый и дорогой Павел Александрович.

30-го июля я вырвался, наконец, из Москвы, передавши все дела Николаю Александровичу. Живу сейчас в Чернигове в огромном саду и провожу целые дни под деревьями, уткнувши нос в траву. В Москве я сильно переутомился. Я не знаю, известно ли Вам, что я по просьбе Круга, взял временно до Вашего возвращения дела отдела в свои руки. Мне вначале было весьма трудно восстанавливать жизнь в лабораториях, воевать за дисциплину с сотрудниками и разбираться в делах, которые неожиданно на меня свалились. Особенно тяжелыми показались многочисленные спешные отчеты годовые и месячные, сметы на огромные суммы по ГЭИ и по ВЭИ, заседания и доклад о деятельности отдела в Коллегии. Немало нервов стоили работы с А.Е.К., с их экстраспешностью, оборудованием, закупками, счетами, отчетами по авансам. Достаточно крови перепортил мне Слюнин (мож. быть, Вы об этом слышали) с его грязными кляузами и судами. Слава Богу, все это позади. Сейчас этого ничего нет. Вокруг меня лишь деревья, трава и куры.

Я не думаю и после отпуска возвращаться к административным делам. Это слишком дорого самому обходится.

Буду продолжать свои работы по изучению смол и мастик, если не в ГЭИ, то в Университете

и писать наши статьи. Для корректирования и дополнения пошлю Вам. Как живет милый Павел Александрович. По просьбе, выраженной в Ваших письмах на имя Ньюберга и других, выслал Вам корректуру и книги. Если нужно еще что-нибудь, напишите мне на моск. адрес: Москва Бобров пер. д.6 кв.18.

В денежном отношении Вам беспокоиться в ближ., по крайней мере, время нечего. Я по телефону получил заверение от А.Л.В., что Вам высланы уже заказы на статьи и деньги. А потом вообще...

Любящий Вас от всей души Б. Максоров.
13/VIII–28 г.» [11, с. 27–28].

Письмо сотрудников отдела материаловедения ГЭИ П.А. Флоренскому в Нижний Новгород 14 августа 1928 г.:

«Москва. 14/VIII–28.

Дорогой Павел Александрович.

Шлем Вам привет и горячие пожелания на скорейшее возвращение назад к нам.

Работа в Лаборатории идет, конечно, уменьшенным темпом – не хватает Вашего руководства. Больше всего, конечно, отнимает военная работа, от которой отказаться было не невозможно, но очень неудобно. Много времени берет не сама экспериментальная работа, а оборудование. С сотрудниками у нас более или менее спокойно: “известный Вам” в отпуску и, может быть, не вернется – подал куда-то прошение о службе. Михаил Сергеевич Иванов находится в психиатрическом санатории – контрольная комиссия признала его больным и дала отпуск. Президиум постановил снять его с работы и перечислить в инвалиды. Василий Михайлович и Борис Васильевич Максоров – в отпуску. Вот, кажется, и все, что срочно могу сообщить Вам.

Нога моя так себе; прыгаю на костылях; рана не заросла, и вообще, все это очень затяжное.

Ну, желаю Вам всего-всего хорошего.

Преданный Вам Н. Ньюберг.

Посылают привет:

А. Вальский, С. Раевский, М. Введенская, И. Четвериков, М. Воропанов, Б. Мишуков, Н. Ньюберг, А. Славатинский <подписи>» [11, с. 28].

18 августа 1928 г. А.М. Флоренская вместе с детьми Кириллом, Ольгой, Михаилом и Тинатиной приехала в Нижний Новгород к П.А. Флоренскому.

*Письмо П.А. Флоренского матери
О.П. Флоренской из Нижнего Новгорода
18 августа 1928 г.:*

«Дорогая мамочка, извини, что так долго не писал тебе. Впрочем, я писал Кире, и был уверен, что ты узнаешь из этих писем обо мне. Нового у меня ничего нет. Понемногу осваюсь с библиотеками и добываю себе книги, впрочем не те, которые нужны, а какие-либо суррогаты нужных. М<ожет> б<ыть> впоследствии, когда лучше освоюсь, найду более удачно. Понемногу работаю для «Тех<ической> Энциклопедии». Однако энергично работать пока не могу, за неимением своих бумаг и книг. Живу в одиночестве. Только на ночь приходит ко мне живущий со мною знакомый Дм. Ив. Введенский, съ которым я снял комнату. День же, с 8 ч. я остаюсь один, если только, как это было два раза, не придет кто-нибудь московский.

Был у меня, приехавший сюда на один день на съезд физиков, Гл<еб> Алекс<андрович>, пробыл часа 1/2, я проводил его на паром, и он уехал. Питаюсь здесь по своему, почти исключительно отварными овощами с маслом, и нахожу это наиболее себе и по вкусу и по желудку. Тут сравнительно много овощей, и хороших. День у меня проходит незаметно, и даже удивляешься, как мало сделано, и как быстро настал вечер. Вероятно, когда мне станут более доступны библиотеки, работа станет продуктивнее.

Ты спрашиваешь меня о ногах. Они как-то вдруг прошли, причем мой врач был весьма доволен и, кажется, несколько удивлен. Во всяком случае сейчас все вполне покончено съ ними. Пишут ли что Лиля, Шура и Андрей?

В Нижнем вообще жизнь более тихая и более мирная, чем в Москве. Конечно, я стою в стороне от всего и от всех; но, мне кажется, жизнь здесь сравнительно тихая и не для меня одного. Кроме того, живу в наиболее интеллигентской части города, возле высокой набережной, и кажется тут живут люди тихого склада. Жду на этих днях Анну и детей, боюсь только, как устроюсь с ними в моей комнате.

Сейчас разгар ярмарки, которая, впрочем, в этом году очень вялая, да и вообще замирает. Но я не был там ни разу. М<ожет> б<ыть> съ детьми побываю.

1928.VIII.18

Из-за приезда Анны с детьми это письмо задержалось. Я узнал от Анны, что ты не берешь

денег, и этим очень огорчился. Пожалуйста не прибавляй мне лишних забот. Пока деньги есть, трать их – из числа сданных тебе Анной – а я постепенно налаживаю дела с заработком, кое-что пишу и т.д. Пожалуйста корми Госю как следует и сама не скупись, дорогая мамочка, а то мне только спокойно из-за этого. Целую тебя, Госю, Люсю» [10, с. 29].

*Письмо А.М. Флоренской сыну Василию
из Нижнего Новгорода 18 августа 1928 г.:*

«Дорогой Васенок, большую радость ты доставляешь мне, выдерживая экзамены. Дай Бог тебе все их выдержать. Если ты поедешь на Урал 1-го, то пожалуй это будет без нас. Что нужно для поездки, купи все. Деньги есть у мамы, т.е. у бабы Оли. Доехали мы очень хорошо, было совсем просторно, т.ч. каждый из нас занимал целую скамейку, только я конечно не спала, т.к. все время предупреждали о присутствии воров. Скажи Ек<атерине> Иван<овне>, Леночке и бабушке о нашем благополучном приезде и кроме того попроси Леночку позвонить, кому я просила, чтобы передать ему мою глубочайшую благодарность и тоже сообщить, что доехали хорошо и что папа здоров. Дети уже купались и катались на пароме. Конечно все очень нравится. На реке и мне хорошо. Но подниматься один ужас. Целую тебя. Дай Бог тебе всего самого лучшего. А. Флоренская» [11, с. 30–31].

*Письмо А.М. Флоренской сыну Василию
из Нижнего Новгорода 24 августа 1928 г.:*

«Дорогой мой Васенок, очень ты меня порадовал своими экзаменами, теперь бы так хотелось, чтобы ты был принят, чтобы еще раз не пришлось бы тебе волноваться. Ну что Бог даст, конечно и мое и папино искреннее желание, чтобы у тебя все было гладко и удачно. Дай тебе Бог всякого счастья. Если поедешь на Урал, то наверное без нас (т.к. нам здесь хорошо и не хочется уезжать), ты уж пожалуйста не скупись и бери, что тебе нужно и кожанную куртку и брезентовый халат, сапоги есть у тебя. Белье в комод в нижнем ящике. Запасись йодом, валерианкой, Иноземцевыми каплями и салолом. Будь здоров и счастлив и весел. Папуля конечно нервничает, мы ему порядочно мешаем. Поместились мы все в его комнате, а Дм. Ив. поселился в соседней у хозяев. Они очень добры и хорошо относятся не ворчат. Утром мы пьем чай и стараемся куда нибудь исчезнуть почти на целый день. А вечером начинается готовка и ужин, и чай, и укладывание спать.

Тут уж много возни. Иногда вечером сидит с нами Дм. Ив. и рассказывает о своем детстве и о дальнейшей жизни, т.ч. вечер тоже идет мирный семейный, а потом остаемся с папой и он все пишет и пишет, очень много занимается. Бываем мы большей частью на Волге, на песках дети плещутся, купаются, ловят рыбу платком и валяются в песке. Они очень загорели, даже Мик стал черный. Погода стояла все время хорошая, все время солнце, только сегодня был дождь. Но и сегодня мы нашли новое развлечение, ходили в баню. Тика сначала растерялась, а потом была очень довольна. На пароходе все ездим с большим удовольствием. Даже Тикина кукла нас всегда сопровождает. Все собираемся поехать куда-нибудь подальше по Оке или по Волге. Каждый день так устаем, что рады добраться до постели. Город почти знаем и чем больше живем, тем он больше нравится. Папе он нравится за то, что близко все библиотеки, и он ходя в них не утомляется. Питаемся зеленью и яйцами. Яблоки здесь очень дешевые 20 к. кило, и дети их уничтожают очень много. Вообще ведем дачную приятную жизнь. Бываем и на ярмарке, но ничего не покупаем, т.к. все очень дорого. Папа не любит рассказывать о своей одинокой жизни, и все узнаем мы только от Дм<итрия> Ив<ановича>. Я на тебя конечно несколько не сердилась, что ты ушел, я же знала, что тебе нужно готовиться.

Приехала ли Катя, как Ниночка. Выдержала ли экзамены племянница Серг<ея> Алек<сеевича> и Наташа. Напиши мне об этом. Я думаю, что пробуду до 1-го, а там нужно детям к школе готовиться. Как-то около папы отлетели все заботы. Насчет комнаты ничего не предпринимаем, т.к. папе тут близко от библиотек и хорошие хозяева. Поцелуй бабушек и передай привет Екат<ерине> Ив<ановне> и Леночке. Целую тебя, мой дорогой, будь здоров и счастлив. Храни тебя Господь! А.Ф.

Скажи Леночке, что машинку нужно отправить, она у тебя под столом» [11, с. 34].

Из воспоминаний А.М. Флоренской:

«На ноги его страшно было смотреть. Он с трудом ходил. Однажды он сказал: “Что ты плачешь? Я теперь свободнее, чем когда бы то ни было. Он за меня отвечает¹⁷, а я могу делать, что хочу”. В Нижнем Новгороде его приглашали работать в радиолaborаторию. Я у Пешковой просила разрешения работать Флоренскому в радиолaborатории; а та говорит, что он свободен» (за-

пись П.В. Флоренского 18 февраля 1964 г.) [10, с. 12].

Из воспоминаний О.П. Трубачевой
21 июня 1992 г.:

«Поездка в Нижний Новгород в 1928 году.

Летом 1928 года поехали к папе мама, Кира, я, Мика и Тика. Жили мы там в одной комнате в полуподвальном помещении. Папа там снимал комнату вместе со своим знакомым, но этот знакомый ушел на время нашего приезда. Улица, где папа жил, шла вверх от набережной¹⁸ недалеко от пристани. Меня не интересовали <нрзб.> на ярмарке, устроенной на стрелке. Кто-то там продавал ножи для фигурной резки овощей. Мама купила такой нож (где-то он до сих пор сохранился). Папа водил нас по набережной. Ездили мы от стрелки на песчаный обрыв на “Пчелке” (такой парходик меньше речного трамвая), там мы купались, зарывались в песок, проводили целый день, никого кроме нас не было. Ходили с папой в церковь, где-то наверху. Там я громко икнула, и папа пригвоздил меня гневным взглядом, ни слова не сказал, а взгляд его гневный помню до сих пор.

Помню, что мама покупала там помидоры, крупные, готовила с луком, это такое “фирменное” блюдо. (Папа, когда сидел на Лубянке, просил прислать ему луку, чтобы не заболеть цингой). Вернулись домой в Посад до возвращения папы.

<Еще вспоминает>. От берега Волги наверх поднимались на фуникулере. Крутой склон к Волге, весь поросший травой. В Арзамасе был подобный склон и мне чудилась внизу вода – видимо вспоминался Нижний Новгород, ощущение, что должна быть вода».

Письмо А.М. Флоренской из Москвы
П.А. Флоренскому в Нижний Новгород
4 сентября 1928 г.:

«1928 г. 4 августа <надо: сентябрь>.

Дорогой папа. Доехали мы очень хорошо. В Москве все дела сделали, но только плохо то, что Васю не приняли, и он очень огорчен, страшно исхудал, усталый, вид раздражительный. Что с ним делать, не знаю. Теперь стараюсь как-нибудь устроить дело с ним. Если бы удалось. Папа пожелай по сильнее, чтобы Вася попал, есть еще возможности. Тогда все было бы хорошо. Пишу сейчас от Серафимовых, еду домой, чтобы приготовить тебе книги, а завтра опять в Москву. Дети были вчера дома. А.Ф.» [11, с. 39].

5. ОСВОБОЖДЕНИЕ И ВОЗВРАЩЕНИЕ В
МОСКВУ (31 АВГУСТА – 16 СЕНТЯБРЯ 1928)

31 августа 1928 г. Особое совещание при Коллегии ОГПУ пересмотрело дело №60110 приговора Особого совещания от 22 июня 1928 г. и постановило «Флоренского П.А. досрочно от наказания освободить, разрешив свободное проживание по СССР»¹⁹. При этом подразумевалась отмена постановления Особого совещания и от 8 июня 1928 г.

Первая, кто узнал об этом, была Е.П. Пешкова, которая послала по адресу «Нижний Новгород, Маргтыновская, 10, Флоренскому» телеграмму: «Приговор отменен. Разрешено свободное проживание. Пешкова».

5 сентября 1928 г. выписка из протокола Особого совещания от 31 августа 1928 г. была выслана в ПП ОГПУ по Нижегородскому краю (в отдел центральной регистрации). 8 сентября 1928 г. отдел центральной регистрации ПП ОГПУ по Нижегородскому краю препроводил данную выписку в Нижегородский Губернский отдел ОГПУ на исполнение. 14 сентября 1928 г. Нижегородский Губернский отдел ОГПУ выдал П.А. Флоренскому справку №5805 с указанием того, что «на основании выписки из протокола Особого совещания при Коллегии ОГПУ от 31/VIII–28 г. Флоренский П.А. от наказания досрочно освобожден, с разрешением свободного проживания по СССР».

Вероятно, 15 сентября 1928 г. П.А. Флоренский выехал из Нижнего Новгорода, т.к., как указывал он впоследствии, «с 16.IX.28 нахожусь в Москве, состоя на месте моей всегдашней службы»²⁰. П.А. Флоренский вынужден был во избежание ареста местными органами поселиться постоянно не в Сергиевом Посаде, а в Москве, первое время у Вас. Ив. Лисева.

Из воспоминаний А.М. Флоренской:

«Его приезд меня очень испугал. Когда прощались в Нижнем, я плакала. Он сказал: “Если ты будешь очень тосковать, то я приеду, а что будет – вину себя”. Поэтому я очень испугалась его приезда. Отсюда боязнь ночи. И Тика такая же» [10, с. 12].

Из воспоминаний Е.К. Апушкиной:

«Первая высылка Павла Александровича в Горький всех нас поразила. Его сын Вася в этом году поступил в университет. Он тоже жил у нас. Нежный, впечатлительный, он боялся оставаться один в кабинете дяди Васи и просил меня посидеть с ним, пока он не заснет. Увидев у меня в

комнате клетку с чижигом, его брат, маленький Мик, сказал: “Зачем ты посадила птичку в клетку? Думаешь, нашему папе легко в тюрьме?”

Никогда не забуду я такой сцены. Павел Александрович вернулся из Горького в Москву, и мы с Олей пошли к Ефимовым за его чемоданом. За столом в синих русских рубашках-косоворотках пили чай Владимир Андреевич Фаворский и Иван Семенович Ефимов. Когда я сказала им, что приехал Павел Александрович, они оба разом вскочили, оба высоко взволнованные. Они не знали, что с нами делать от радости».

Уже после освобождения П.А. Флоренского и приезда из Нижнего Новгорода в Москву у него дома в Сергиевом Посаде, в его отсутствие, было произведено два обыска: 18 сентября и 4 октября.

18 сентября 1928 г. обыск производил агент Сергиевского уездного уголовного розыска Воронин на основании ордера управления Сергиевской уездной милиции №62, подписанного Денисовым. Обыск производился «по делу обнаружения переписки и оружия... При обыске обнаружено писем восемь (8) шт., два (2) адреса, один (1) конверт с марками (из-за границы). Больше ничего обнаружено не было». При обыске понятыми были Алексеев С.Н. и Сергеева С.А. Из домашних присутствовали Н.П. Гиацинтова (теща отца Павла – 76 лет) и К. Флоренский (сын – 13 лет), которые также подписали протокол.

После обыска Воронин совершил

«Акт опечатания»:

«Ввиду того, что в квартире имеется научный кабинет Флоренского и он закрыт мною в присутствии Алексеева и Сергеевой, опечатано печатью административного отдела СЦИК’а, под ответственность за целостность печатей гр. Гиацинтовой»²¹.

Отсутствие супруги и детей отца Павла можно объяснить только тем, что они выехали в Москву для встречи с ним.

4 октября 1928 г. тот же Воронин вторично производил обыск в доме отца Павла. Отметим, что в «Протоколе обыска и выемки» отсутствовали указания № ордера и № постановления, на основании которых они были произведены. «По объявлении цели прибытия было предъявлено требование о выдаче переписки и оружия – отказано. В виду неисполнения этого требования, приступлено к подробному обыску, причем из обнаруженного взяты для приобщения к делу: 1. Письмо Огневой – на столе, 1; 2. Записка Фаворско-

го – то же, 1; 3. Письмо зав. Абрамц. музеем – то же, 1; 4. Конверт с чист. бумагой и адрес г. Вятка – то же, 1; 5. Оренбург, конверт с адресом на имя Мансуровой»²². При обыске понятыми были Бумейна (?) Евдокия Егорьевна (прислуга) и Ларионова, жительница д. №20 по Пионерской улице. Из домашних протокол подписала А.М. Флоренская²³.

Когда именно П.А. Флоренский приступил к работе в ВЭИ, когда впервые вернулся в Сергиев Посад, точно не известно. Сохранилась «Декларация (Заявление) о доходах, полученных... с 1 октября прошлого 192<7> года по 30 сентября текущего 192<8> года», подписанная П.А. Флоренским 28 ноября 1928 г. Декларация должна была подаваться по месту жительства плательщика налогов. Декларация заполнена как самим П.А. Флоренским, так и А.М. Флоренской. В графе «Жилая площадь...» А.М. Флоренская записала «80,12 кв. метр», а ниже приписал П.А. Флоренский: «площадь в Москве, на кот<орой> живу я с сыном 4,35 кв. м». Вероятно, что П.А. Флоренский, сразу по возвращении получив почти символическую площадь для жительства в Москве, долгое время не приезжал в Сергиев Посад, опасаясь ареста со стороны местных органов.

То, что местная Сергиевская власть как бы не замечала отмены приговора и освобождения П.А. Флоренского, свидетельствует его *письмо от 12 января 1929 г. в Избирательную комиссию Сергиевского уезда в связи с лишением его избирательных прав как ранее административно высланного*:

«Согласно постановлению Особого совещания при Коллегии ОГПУ от 31.VIII.1928 г. получил право на свободное проживание по СССР и с 16.IX.28 нахожусь в Москве, состоя на месте моей всегдашней службы (зав. отд. Государственного Экспериментального электротехнического института НТУ ВСНХ). Об означенном постановлении – справка Нижегородского губ. отдела ОГПУ от 14 сентября 1928 г. за №5805. Ввиду вышеуказанных мотивов, возникших вследствие недоразумения, прошу комиссию о пересмотре постановления и об исключении меня из списков лишенных избирательного права.

Кроме того, прошу об исключении из означенных списков членов моей семьи, жены и сына, тем более, что он еще не достиг возраста совершеннолетия и, имея 17 лет, вообще не может иметь избирательного права. В прошедшую избиратель-

ную комиссию в избирательных правах лишен не был (справка месткома ГЭЭИ от 28 ноября 1928 г. №129)».

6. ДИСКРИМИНАЦИЯ И ТРАВЛЯ

П.А. ФЛОРЕНСКОГО В 1928–1933 ГОДАХ.

«БЫЛ В ССЫЛКЕ, ВЕРНУЛСЯ НА КАТОРГУ».

«ДЕЛО Б.В. СЛЮНИНА» (ИЮЛЬ–ОСЕНЬ 1928)

Вернувшись из Нижнего Новгорода на работу в ВЭИ, отец Павел говорил: «Был в ссылке, вернулся на каторгу». Слова эти относились как к общему устроению жизни в стране, так и к изменению обстановки в отделе материаловедения ВЭИ – место творчества и поиска занимали казенные планы и отчеты, место дружеских отношений – подозрительность, отчужденность и доноительство. Начало этому было положено «делом Слюнина», ранее уволенного П.А. Флоренским. Б.В. Слюнин попытался воспользоваться арестом и ссылкой П.А. Флоренского, чтобы факт его увольнения был рассмотрен со стороны политической, а не профессиональной.

«В Особую сессию нарсуда

по трудовым делам

от Слюнина Б.В.; Б. Козловск<ий>, д.13, кв.1.

ответчик: ГЭЭИ, Горох<овская>, 23

О восстановлении на работу

Исковое заявление

Я работал в качестве научного сотрудника в химической лаборатории по испытанию материалов в течение двух лет. Заведующим нашим Отделом до последнего времени был бывший преподаватель духовной академии Троице-Сергиево поп П.А. Флоренский. В данный момент он арестован ОГПУ и его замещает его хороший знакомый и наш сотрудник химик Максоров Б.В. В течение последних 9 месяцев Флоренский начал против меня форменную травлю, пытаясь выжить меня из химической лаборатории, как человека чуждого ему и по характеру и по духу. Это преследование выразилось в том, что меня лишил он научной работы и перевел на чисто технические анализы, были случаи нелестной для меня аттестации, и как раз перед своим арестом подал заявление в Президиум о моем увольнении. Заявление это послужило поводом к моему увольнению, ввиду сокращения объема работ. Постановление Президиума было опротестовано РКК. Заместитель Флоренского Максоров видимо продолжает начатую политику Флоренского и в настоящее время я по постановлению Президиума

опять увольняюсь со службы. Прилагая при сем две выписки из протокола заседания РКК и одну выписку из приказа, прошу вызвать к моменту разбора моего дела в качестве свидетеля сотрудника нашего отдела Гиацинтова и председателя месткома Даева. По моему убеждению, поводом к моему увольнению явились не объективные причины, а личные отношения с Флоренским, которые были испорчены в результате той критики его действий и критики работы лаборатории, которую я себе позволял.

4/VII–28 г. п.п. Б. Слюнин»²⁴.

«В<ыписка?> срочно. К засед<анию>
12/VII 9 ч<асов> у<тра>».

В Особ<ую> сессию по трудовым делам гр.
д. №15886–1928 г.

По делу Слюнина

АФО

июля 9–1928 г.

15161 д.л.

По настоящему делу, назначенному к слушанию на 12/VII–с/г в 9 ч. утра, не имея возможности прислать своего представителя, ГЭЭИ просит рассмотреть дело заочно и отказать истцу Б.В. Слюнину в иске о восстановлении в должности, по следующим основаниям:

1. Истец ведет лабораторную работу, которую в настоящее время будут исполнять присланные в Институт стажеры, которых Институт не принять не может и, следовательно, масштаб работ его фактически сокращается.

2. Как специалист – слаб, отличается излишней разговорчивостью, в то время как в Отделе ведутся работы совершенно секретного характера, почему Президиум ГЭЭИ и не может оказать ему полного доверия.

Другой же работы по его специальности в других отделах не имеется.

Приложение: Служебная записка зав<едующего> Отд<елом> П.А. Флоренского.

п.п. Зам. Директ<ора> Левицкий»²⁵.

Служебная записка П.А. Флоренского
(черновик):

«1. Т. Слюнин попал к нам во время отпусков. Явился сам и предложил свои услуги. Рекомендован не был. Был взят на 1 м<есяц>. Оплачивался по счетам.

2. Затем взялся он за работу по пропитке дерева (получен аванс), ничего не сделал и главн<ое> не собирался сделать и благополучно за-
был.

3. Затем он стал просить о разрешении выполнить ему работу для Наркомзема у нас. В виду того, что исследов<ание> торфян<ых> смол нас интересовало, мы ходатайствовали пред Президиум<ом> о разрешении. Т. Слюнину было поставлено условием напечатание работы в наших изд<аниях> и выяснение <1 нрзб.> сост<ава> торфа, без чего его работа им<еет> мало смысла и не дает возможн<ости> сделать <?> выводы. Я просил его хранить образцы. Но он все выкинул, а мне объявил, что достанет еще. После этого тянет до сих пор, и ничего не достал. Его работу и наши услуги м<ожно> считать пропавшими.

4. Затем он объявил, что хочет специализироваться в области смол и асфальтов и просил дать ему тему и оказать помощь. Я отдал ему уника – джутерский и дугшерский асфальты, первый получен от акад. Обручева, другой – от одного абхазск. <1 нрзб.>, полученные мною за обещание доставить результаты анализов. Слюнин делал их бесчислен<ное> множество раз, извел реактивов ведрами и до сих пор результатов надежных, которые нестыдно было бы послать нет.

5. Затем ему было <поручено> проверить точность способа Эшка, было объяснено ему как и обдуманно. Он и не приступал.

6. Затем работа по исследов<анию> фарфора. Она была разделена между всеми, и все сделали, что им полагалось. Слюнин своего не доделал, тянул, тянул, и пришлось за него делать другим. От продолжения работы просто отказался.

7. Затем ему было поручено сделать анализ марганцевых руд, причем большую часть делал Славатинский. Слюнин начал делать, потом бросил, где-то выпарит чашка и паром кончилось. Никаких результатов не получено.

8. Обещал изготовить смолу торфян<ую> для лака – ничего не сделал.

9. Обещал наладить анализ <1 нрзб.> – ничего не сделал (все бил трубки, кот<орые> привозил из Наркомзема).

Отношение к работе:

а) цинично-корыстное – все время мысль реализована на деньги.

б) легкомысленное (поет, свистит, пляшет, выплескивает результаты подготовки к анализу в раковину, болтает с кем угодно, только не о деле, куда-то уходит и выглядит самоуверенным, так что сомне<ваешься в – ?> <1 нрзб.>».

«3) Стремление завести самостоятельно отношения с клиентами, обещания делать что-либо

не в очередь <1 нрзб.> и т.д. за особую плату и тем нарушение порядка жизни и отношений.

4) Отношение к нему в Отделе»²⁶.

П.А. Флоренский был поддержан сотрудниками своего отдела, которые составили особую записку.

«В особую сессию народного суда по трудовым делам. Копия – местком ГЭЭИ

От сотрудников Отдела материаловедения Госуд. Эксперим. Электротехн. И-та. Покровка 24/2

Заявление

Мы, нижеподписавшиеся сотрудники Отдела материаловедения ГЭЭИ, ознакомившись с иском заявлением гр. Слюнина Б.В. в Особую сессию народного суда по трудовым делам от 4 июля 1928 г., считаем нужным заявить, что факты, приводимые Слюниным, не соответствуют действительности.

1. Никакой “травли” гр. Слюнина со стороны зав. Отделом проф. П.А. Флоренского не было. Проф. П.А. Флоренский, имя которого как крупного ученого достаточно известно, в основу своей деятельности в Отделе ставил прежде всего научную работу, будучи чуждый склобничеству и далекий от желания кого-нибудь “выставить из лаборатории”. Каждый сотрудник, проявлявший какой-либо интерес к работе и к науке, независимо от стажа и времени поступления в Отдел, всегда находил у проф. П.А. Флоренского поддержку и помощь и научное руководство.

2. Ныне и<сполняющий> о<бязанности> зав. Отделом материаловедения ГЭЭИ Б.В.Максоров состоял ранее консультантом Отдела, не являясь вовсе “хорошим знакомым” П.А. Флоренского. На должность и.о. зав. Отделом Б.В. Максоров был назначен непосредственно Президиумом ГЭЭИ после ареста П.А. Флоренского.

3. Гражд. Б.В. Слюнину неоднократно предлагались темы научных работ и давалась полная возможность их выполнить. Однако гр. Слюнин по тем или иным причинам от этих работ отказывался. Например, несмотря на задание написать статью о смолах, полученных из торфа, работа не была выполнена. Точно также остались без результата следующие работы: разработка вопроса об изготовлении лака типа асфальтового из торфяных смол, различные методы испытания пористости фарфора, проверка точности способа Эшке по отношению к асфальтам, систематиза-

ция результатов испытания трансформаторных масел за несколько лет и много других работ. Кроме того, ряд работ текущего характера выполнялись гр. Слюниным с большим опозданием и с грубыми ошибками.

Таким образом в течение двухлетнего пребывания в качестве научного сотрудника не прочитал ни одного доклада и не написал ни одной печатной работы.

Продолжая начатую П.А. Флоренским политику вовлечения всех сотрудников в научную работу, Б.В. Максоров вновь предложил гр. Б.В. Слюнину тему для его научной работы, что достаточно ясно из прилагаемой при сем выписки из протокола технического совещания сотрудников отдела от <...>²⁷.

В заключение мы не можем не отметить, что гр. Слюнин достаточно дискредитировал себя как научный сотрудник следующими фактами:

1) Взяв заказ со стороны (за деньги) гражд. Слюнин сконструировал в служебное время прибор для осмоления, воспользовавшись, несмотря на протесты заведующего Отделом, специальной конструкцией аппарата, принадлежащей Институту. К участию в этой работе гр. Слюнин всячески старался привлечь мастеров Отдела.

2) В течение целого месяца гр. Слюнин в служебное время, в ущерб своей основной работе выполнял в лаборатории перевод статьи, взятой им со стороны, за определенное вознаграждение.

3) По отношению к низшим служащим гр. Слюнин отличался чрезвычайной грубостью, что неоднократно отмечалось нами и вызывало протесты с нашей стороны (инцидент со сторожем т. Рискиным <?> и уборщицей т. Захаровой). Оба эти инцидента известны местному.

Настоящее заявление принято единогласно всеми сотрудниками Отдела».

Несмотря на то, что Б.В. Слюнин был уволен, его «дело» наглядно показало, по какому сценарию впоследствии будет развиваться обстановка в ВЭИ и, в частности, вокруг П.А. Флоренского.

**«Дело В.П. Флоренского»
(23 февраля – 8 марта 1929)**

23 февраля 1929 г. в газете «Комсомольская правда» (№45) появилась статья с хлесткими заголовком и подзаголовками:

*«Главпрофобр не выполнил партийной директивы.
Дополнительные приемы снизили % рабочих
в ВУЗ'ах.*

Требуем генеральной чистки.

Дополнительный прием для детей... попов.

Не успел еще закончиться осенний прием в ВУЗ'ы, как был поставлен вопрос о проведении дополнительного приема детей специалистов. По всем ВУЗ'ам Москвы, Ленинграда и провинции было разрешено принять дополнительно не более 400 детей специалистов. Этот прием прошел без всякого контроля общественности. Вместо 400 человек, только по первому Московскому Университету было принято 178 новых учащихся. Часть из них не имеет никакого отношения к специалистам.

Среди принятых оказался сын "спеца" Флоренского, который по совместительству работает священником»²⁸.

Зная уже механизм раскрутки дела (газетные статьи – арест – обвинение на суде – ссылка), П.А. Флоренский обратился за помощью к партийному руководству ВЭИ.

«В КОМЯЧЕЙКУ В.Э.И.

Зав. Отдел. Материаловед.

П.А. Флоренского.

Заявление.

Обращаюсь в ячейку за содействием по урегулированию моего собственного и семьи моей положения в обществе. Находясь на советской службе с начала советского строя и принципиально отмежевываясь от антисоветских элементов, в частности порвав заграничные и местные связи я, естественно, приобрел много тайных недоброжелателей, которые стараются причинить вред если не так, то иначе. Мне кажется, именно с этой стороны идут удары и неприятности, потому что с партийцами, когда мне приходится встречаться, то было всегда взаимное понимание. В частности, в газетах время от времени кто-то пускает заметки, или с ложными или ложно освещенными сведениями относительно меня и этим лишает возможности сосредоточиться на ответственной работе по строительству государственной экономики и культуры. Ближайшим поводом к настоящему обращению послужила заметка в "Комсомольской правде" неделю тому назад, направленная против меня, но в лице моего сына, заметка не заслуженная мною по существу дела, и, кроме того, фактически ложная. Между тем она ведет к серьезному семейному осложнению, в котором выгонка из Университета моего сына есть лишь меньшее из слагаемых.

Я полагаю, что принеся в жертву современности свои интересы и способности и всецело <

к работе, в области, которая прежде всего сейчас требуется государству (экономика и проч.), советский гражданин может заслуживать доверия и защиты от лиц, которые не хотят даже открыть свое лицо, когда нападают. Иначе самые добрые намерения служить государству останутся неизбежно невыполненными, так как появляется апатия и усталость.

1929 г. 5/Ш

П.А. Флоренский»²⁹.

«Выписка

из протокола бюро ячейки ВКП(б)

Всесоюзного Электротехнического Института от 7/Ш–29 года

Слушали:

Заявление проф. П.А. Флоренского.

Постановили:

Заслушав и обсудив заявление проф. Флоренского, бюро ячейки ВКП(б) ВЭИ, учитывая ценность работы П.А. Флоренского в <Институте> как в научной области, так и в области промышленной и <нрзб.> технике, считает необходимым оказать содействие в его просьбе.

Бюро ячейки поручает т. Бирюкову собрать материал о проф. Флоренском, касающийся его научной квалификации и его практической научной работы, а также по вопросу о совмещении им научной и священнической работы.

Бюро считает необходимым написать от своего имени открытое письмо в "Комсомольскую Правду" по поводу заметки от 23/II–29 года.

В виду имеющихся у бюро ячейки сведений об исключении сына Флоренского на I МГУ, принять срочные меры к его восстановлению и прекращению несправедливых и вредных для дела нападок на него, как к неправильно принятому.

В виду серьезности этого дела послать копии заявления П.А. Флоренского, заметки в "Комсомольской Правде" от 23/II–29 г. и справки о значении и роли П.А. Флоренского для нашей промышленности в ЦК, МК и РК ВКП(б).

Вопрос провести в течение двух дней.

Секретарь ячейки ВКП(б): В. Бирюков»³⁰.

Срочно для П.А. Флоренского были составлены две рекомендации о допущении его до секретных военных разработок, проводившихся в ВЭИ. Эти рекомендации, несомненно опиравшиеся не только на планируемые, но и на уже ранее проводившиеся работы, должны были закрыть «политическую» сторону дела. 7 апреля 1929 г. член ВКП(б) с 1919 г. военный инженер электрик

П. Чудаков рекомендовал П.А. Флоренского «для работы по секретной области в Отдел материаловедения ВЭИ». В рекомендации П.А. Флоренский характеризовался «весьма хорошим положительным и безусловно честным работником и весьма ценным <...> вполне благонадежным». 8 апреля 1929 г. член ВКП(б) с 1920 г. стажер Отдела материаловедения Н. Герман рекомендовала П.А. Флоренского «как подходящего для работы по шифровальной, секретной переписке в отделе материаловедения ВЭИ». В рекомендации П.А. Флоренский характеризовался «крупным специалистом и честным советским работником <...> вполне благонадежен». Обе рекомендации были заверены секретарем ячейки ВКП(б) ВЭИ В. Бирюковым. Рекомендации сотрудников Отдела материаловедения были подкреплены характеристикой большевика «ленинского призыва», одного из ведущих партийных кураторов науки и техники Л. Мартенса.

«РС.Ф.С.Р.Н.К.П.

Ректор Московского Механического института имени М.В. Ломоносова
8/III-1929 года. <...>

В бюро ячейки Г.Э.Э.И.

Товарищи, на Ваш запрос относительно проф. Флоренского сообщаю, что я знаю его в течение нескольких лет, сначала по его работе в ГЭИ и затем в «Технической Энциклопедии», главным редактором которой я состою.

Я считаю проф. Флоренского одним из наших крупнейших ученых, которому Советская Наука многим обязана, и который еще больше даст ей впереди.

Крайне важно создать для него нормальную обстановку для его научной работы.

Л. Мартенс»³¹.

На основании этого материала в ЦК, МК и РК ВКП(б) была послана справка об объеме и значении работ П.А. Флоренского (вероятно, составленная самим П.А. Флоренским), а в редакцию газеты «Комсомольская правда» было направлено опровержительное письмо для публикации, которая однако не была осуществлена.

*«Основные моменты работы
проф. П.А. Флоренского в Главхиме,
в Главэлектро и В.Э.И.*

Работа в Главхиме: По карболиту проф. Флоренским проведено исследование, составление планов и методики испытания этих материалов и

им же проведена большая работа по внедрению карболита в электротехническую промышленность и замена им ввозных иностранных изоляционных материалов. Найдено медицинское применение карболита – протезы, носы и т.д. (имеют большое военное значение).

Работы в Главэлектро и ВЭИ: Главным образом он вел работы по рационализации **элементного дела**, по нахождению местных эквивалентов заграничного сырья, по технологии, по классификации элементов, нормализации сырья и элементов и т.д.; в частности ряд мероприятий вылился через организацию Совещания по источнику электрического тока (вопрос об дыхании элементов, о применении активных материалов и т.д.) по этому же вопросу им ведется большая военная работа.

Он выдвинул до сих пор неизвестный у нас материал – **базальт**, собрал данные о месторождениях, организовал поездку на подрывные работы в Аджарию, выяснил природу разных базальтов и проч.; в частности эти работы вышли в ряде докладов в ЦЭС'е и других местах и в виде гектографированного издания большой работы (издание Главэлектро).

Подобным же образом он выдвинул материал **стеатит**, уже вошедший в промышленность.

Кроме того им проведены следующие работы:

По эмалированным проводам, нормализации их, технология, методы испытания (главным образом для военных целей).

По кабельным муфтам и их заливке, методике испытания, нормам обследования сырья, улучшения качества, участия во многих совещаниях и т.д.

По кабельной бумаге.

По бакелизации ткани, дерева и проч.

По исследованию **высоковольтных полей** (доклад на пленуме 9-го Электротехнического Съезда), применение **интегральных уравнений** (выдвинуто им впервые для применения в электротехнике), новые экспериментальные методы (гектографированный доклад издан Главэлектро).

По методике испытания **масел**, участие в нормализации повышения качества.

По улучшению качества и нормализации **прессшпана**.

Систематическая многолетняя работа по **нормализации проводов и кабелей**; в частности участие в конференции по кабелям.

Работа по элементам воздушной деполяризации и ряд других военных и научных работ.

Лекции.

1. Создан курс “Энциклопедия и математика” в Педагогическом Институте.
2. Создан курс “Методика геометрии” там же.
3. Создан курс “Анализ пространственности в художественных произведениях” во ВХУТЕИИИИ, где им читались лекции 3 года (книга готовится к печати).
4. Ряд докладов по вопросам математики и физики в ВАИ.
5. Лекции в Академии Материальной Культуры.

Главные печатные труды:

1. “Диэлектрики” (книга издания Главэлектро).
2. “Пористость изоляционного фарфора” (издание НТУ).
3. “Карболит” (издание НТУ).
4. “Экспериментальное исследование электрических полей” (Журнал “Электричество”).
5. “Новые идеи в области элементов и аккумуляторов” (Журнал “Электричество”).
6. “Поле. Масса. Среда” (Журнал “Электричество”).
7. “Работы П.И. Яблочкова в элементарном деле” (доклад в Политехническом О-ве на траурном заседании). (Журнал “Электричество”).
8. “Запасы мировой энергии” (Журнал “Электрификация”).
9. “Физическое значение кривизны пространства” (Журнал “Математическое обозрение”).
10. “Плавленный базальт” (издание Академии Наук).
11. “Основание топологии” (“Математическое образование”).
12. “Число как форма” (“Математическое образование”).
13. “Применение интегральных уравнений к вычислению градиента на витках обмотки трансформатора” (издание Главэлектро).
14. “Базальт как электротехнический материал” (издание Главэлектро).
15. Ряд статей в “Технической Энциклопедии” и в “Медицинской Энциклопедии” и ряд других работ в различных журналах»³².

«В редакцию «Комсомольской Правды».

Тов. редактор! Просим поместить в Вашей газете следующее открытое письмо.

В номере 45 “Комсомольской Правды” от 23/II-29 года в статье “Главпрофобр не выполнил

партийных директив, требуем генеральной чистки”, под заголовком “Дополнительный прием для детей... попов”, имеется следующее место: “По всем ВУЗ’ам Москвы, Ленинграда и провинции было разрешено принять... 400 детей специалистов... по первому МГУ было принято 178 новых учащихся, часть из них не имеет никакого отношения к специалистам. Среди принятых оказался сын “спеца” Флоренского, который по совместительству работает священником”.

Мы считаем, что указание в статье на сына Флоренского основано на явном недоразумении.

Проф. П.А. Флоренский является крупнейшим специалистом в области математики, физики и электротехники, причем работает он, главным образом, по диэлектрическим материалам, т.е. в области, где у нас почти нет специалистов. Им проведены большие работы по изучению и рационализации элементарного дела, изучены и выдвинуты в промышленность такие диэлектрики, как карболит, стеатит и базальты, проводится обследование и нормализация целого ряда других материалов. Эти работы помогли нашей промышленности освободиться в ряде вопросов от заграничной техники и сохранить значительные суммы. Кроме того П.А. Флоренский ведет большие работы по военной технике. П.А. Флоренский имеет ряд печатных трудов в области электротехники и математики.

Сначала революции проф. Флоренский работает с Советской властью сперва в Главхиме на заводе “Карболит”, затем, с организацией Главэлектро, в Техническом и Производственном Отделах его, и в настоящее время во Всесоюзном Электротехническом Институте в качестве Зав. Отделом Материаловедения. Эту работу проф. Флоренский совмещает с участием в целом ряде технических комиссий (ЦЭС, Главэлектро и т.д.) и с редактированием Отдела “Технической Энциклопедии”.

Из всего изложенного следует, что требование чистки по отношению к сыну П.А. Флоренского, как к сыну спеца в кавычках не отвечает существу дела и идет в разрез с линией партии по отношению к специалистам.

Что же касается второго вопроса, затронутого в указанной выше статье – это об совмещении Флоренским своей научной работы с деятельностью в качестве священника, надо указать, что после революции П.А. Флоренский священнической деятельностью не занимается, и сведения, ко-

торые, очевидно, имелись в редакции “Комсомольская Правда” являются неверными.

Вопрос о специалистах очень серьезный и тем из них, которые имеют ценнейшие заслуги перед Советской властью, должны быть обеспечены соответствующие благоприятные условия для их творческой и плодотворной работы.

Помещение нашего письма должно исправить допущенную автором статьи ошибку и тем даст возможность лучшим из специалистов отдаться всецело своей научной деятельности.

Бюро ячейки ВКП(б)

Всесоюзного Электротехнического Института:

Секретарь ячейки ВКП(б): В. Бирюков.

8 марта 1929 года»³³.

«Дело В.П. Флоренского», как и «дело Б.В. Слюнина» тоже кончилось в пользу П.А. Флоренского и, главным образом, благодаря взаимной поддержке сотрудников независимо от их партийной принадлежности. Не случайно, вероятно, в начале 1931 г. т.н. «бригада» газеты ВЭИ «Генератор» из Н. Лопырева и Б. Иоффе поставила вопрос об «оздоровлении» партийного и производственно-го аппарата Отдела материаловедения.

«Плоды махрового оппортунизма на практике» в Отделе материаловедения ВЭИ (1931)

23 февраля 1931 г. газета ВЭИ «Генератор» опубликовала подборку материалов о работе Отдела материаловедения.

«Плоды махрового оппортунизма на практике.

Выполнение плана по-материаловедчески

(Из материалов бригады “Генератора” по отделу материаловедения)

По официальной сводке.

Выполнение январского плана по большинству работ лабораторий отдела материаловедения значиться на 100 процентов, а по некоторым на 180 и даже 300 проц.

Работники отдела изобличают дутость своих процентов.

На самом деле выяснилось, что выполнение плана не так блестяще, как это написано в отчете, что же касается таких дутых цифр, как 180 и 300 проц., то сам зав. отделом профессор Флоренский говорит следующее: “Работу можно выполнить на 100 проц., а 300 проц. цифра анекдотическая, которая в официальных отчетах фигурировать не может”.

Что же касается выполнения планов на 100 проц., то характерно, что зам. зав. отделом тов.

Осипчик не верит этим цифрам. Он считает, что работа была выполнена и сама цифра 100 проц. верная, но план был составлен с таким запасом, что не выполнить его было невозможно.

Кстати о выработке планов... **На план смотрят как на отписку**, зам. зав. отделом тов. Осипчик говорит: “Зачастую научный руководитель распределял работу между сотрудниками, а они сами составляют свой план”. Сами его выполняют, например: научный руководитель группы **Славотинский** ставит вопрос так: “Я хозяин лаборатории, никого знать не хочу, а отчет могу дать к 15 августа” и дальше “сотрудники магнитной лаборатории сами составляют свой план, научный же руководитель, проф. Аркадьев их не проверяет”. На план смотрят как на отписку, но особенно показательны в этом отношении слова производственного организатора магнитной лаборатории тов. Садикова: “Все держат свой план на 2–3 месяца в голове, а написать на бумаге, момент формальный” (какие гениальные головы).

Заботливость администрации о плане и его проверки ярко характеризует такие слова Садикова: “несколько дней тому назад прибежал секретарь отдела и сказал, что нужно немедленно дать план, а до этого времени мы о нем не думали – были заняты отчетом за январь”.

Так планы составлялись.

Как же происходила проверка планов?

Будем говорить языком работников отдела: **Флоренский**: “в одном случае план обсуждался по пунктам, в другом просто мною подтверждался. Так как планы опаздывают с составлением (например: февральский составлен по некоторым лабораториям 15 февраля), то их контроль превращался в формальность, цифры в большинстве случаев соответствуют действительности, но планы составлялись расплывчато и с запасом, как например, план аналитической лаборатории недостаточно уплотнен”. И вообще как можно говорить о проверке хода выполнения плана в процессе работы, когда например, научный руководитель проф. Аркадьев за январь месяц был в институте 10 часов, а Моисеев, хронически “больной” человек, на работу является только по телефонограммам. Научный руководитель Максаров приходит к 10–11, а то и частенько к 1 часу дня.

Воистину ударные темпы. Получается такое явление: администрация хода выполнения плана проверить не может из-за несвоевременного их представления, а руководителей вообще не могут

и не трудно догадаться почему: их просто не бывает. Самотек и бесконтрольность – вот, что гуляет по лабораториям материаловедения.

Горе-единоначалие.

Говорит зав. отделом проф. Флоренский:

“При руководстве приходится вникать в научную работу, но в некоторых лабораториях я замечаю стремление отстранить меня, например, я боюсь ходить в магнитную лабораторию, потому что проф. Аркадьев запретил мне разговаривать непосредственно с научными сотрудниками.

На почве нежелания допускать к своей работе был инцидент с тов. Барышевой, которая не хочет, чтобы вмешивались в ее работу и подала заявление об уходе. Я чувствую себя плохим руководителем”. Из этого мы видим, что руководители групп, а также и научные сотрудники считают лаборатории института своим домом и заданием, над которым они работают. Это их задача, и отсюда ясно, что единоначалия в отделе нет.

“Гибкость” администрации в вопросах снабжения.

Заказали в мастерских деревянные брусья для срочной работы; ходит монтер каждый день напоминает, что брусья срочно нужны, но брусья не изготовили до сих пор. В течение месяца не могли достать 10 м. орифленной проволоки. На месяц задержали работу по активным углям из-за отсутствия 3-х кило сахара...

Цехкома в январе не было дома.

Сам цехком в лице его председателя Мантрова сознает, что итоги январского плана цехком не обсуждал, что ударников сейчас меньше, чем в особом квартале, и ударники-то липовые. Осипчик заявляет: “20 проц. опозданий падает на ударников”. Руководства производственными организациями не было никакого, что подтверждает в своем выступлении производственный организатор тов. Савельев, он говорит: “По вопросу о выполнении плана ни разу совещание производственных организаторов не созывалось, руководства со стороны цехкома я не видел”.

Прспали производственную жизнь партийная и комсомольская ячейки

Не чувствуется присутствия партийно-комсомольской организации. Секретарь ячейки ВЛКСМ – Векслер на созванное бригадой совещание не явился. Секретарь партиячейки – Петерсон заявила, что в течение месяца не могла достать плана своей лаборатории.

Выводы редакции: 1. Треугольнику ВЭИ необходимо в кратчайший срок провести мероприятия по оздоровлению производственного аппарата отдела материаловедения:

1. Добиться твердого единоначалия и персональной ответственности за строго очерченные функции, поставив на должную высоту проверку исполнения по всем звеньям отдела.

2. Необходимо установить отделу материаловедения определенный способ учета, который бы обеспечил действительные проценты выполнения годового плана.

3. Завком и базовые бюро ячеек партии и комсомола должны принять все меры по восстановлению боеспособности, общественных организаций отдела; к изгнанию из их недр всех, кто не способен вести общественность отдела на высокие темпы 1931 года; всех, кто творил правый оппортунизм, на практике преступной беззаботности к производственной жизни отдела – должен быть положен конец.

4. Мобилизовать внимание всей общественности отдела на немедленную разработку мероприятий по ликвидации прорыва.

5. Обязать треугольник отдела материаловедения доставлять декадные сводки треугольнику ВЭИ о ходе ликвидации прорыва в отделе и выполнения всех мероприятий треугольника, направленных к восстановлению работоспособности отдела.

6. Отделу необходимо повести решительную борьбу с установкой “Моя лаборатория”, “моя работа”, “мои приборы”.

Над злостными прогульщиками и невыполняющими правил внутреннего распорядка как: проф. Аркадьев, научные руководители Моисеев и Максаров необходимо устраивать показательные суды.

Бригада “Генератора” Н. Лопырев, Б. Иоффе» [13, с. 2].

Сохранилась записка П.А. Флоренского, судя по почерку относящаяся к началу 1930-х годов. Содержание ее указывает на связь со статьей 1931 г.

Записка П.А. Флоренского, 1931 г. (?):

«Анатолий Евгениевич,

при входе в ВЭИ, утром, у меня был отобран билет, и это уже во второй раз. Полагая, что за моим действительным или мнимым опозданием следить должна вовсе не стража, я повернул обратно, о чем страже и заявил.

Если Вы считаете мое присутствие в Отделе нужным сегодня и далее, то благоволите распорядиться о возвращении мне входного билета и предотвратить подобные случаи на будущее. А пока я буду рассматривать себя как лишенного права на вход в Институт».

Судя по размахистому, ускоренно-торопливому и небрежному почерку, автор записки П.А. Флоренский находился в то время в крайне возбужденном, нервном и надорванном состоянии.

Действительно, обстановка в ВЭИ в то время была крайне тяжелой. Некоторые связывали арест П.А. Флоренского 25 февраля 1933 г. с его травлей в ВЭИ. Так, в «Докладной записке <7 декабря 1937 г.> для сугубо конфиденциального употребления...», которая была составлена Этаном Колтоном для доктора Мотта в связи с очередной попыткой освободить П.А. Флоренского, сообщалось:

«В феврале 1933 Флоренский был снова арестован. Вопреки распоряжениям и приказам Флоренского молодой еврей-ассистент провел опасный эксперимент на трансформаторе с охлаждающими маслами – на преобразование охлажденных масел. В результате взрыва были убиты четыре человека, включая одного из лучших специалистов по токам высокого напряжения. Несмотря на то, что Флоренский официально не был признан ответственным, идейные противники задумали использовать этот случай, против влияния человека, который пытается сочетать христианские убеждения и высокие научные интересы»³⁴.

Хотя случай этот, известный также по воспоминаниям В.Б. Рекста, не фигурировал в следственном деле, хождение подобных слухов и опасений было весьма характерно.

Дискриминация (1928–1933)

В те же годы П.А. Флоренский постоянно подвергался дискриминации и нарушению своих прав со стороны финансовых и жилищных органов. Так, в нарушение постановления Мособлторготдела (опубликованного в газете «Рабочая Москва» от 11 октября 1930), согласно которому сотрудники ВЭИ имели право на получение т.н. «заборной книжки» по I разряду, П.А. Флоренскому была выдана соответствующая книжка II разряда³⁵.

В апреле 1931 г. П.А. Флоренскому было предъявлено незаконное требование об уплате подоходного налога и пени за 1930 г., хотя при вне-

сении декларации он получил согласие финорганов о взимании с него всех налогов в срок непосредственно через ВЭИ³⁶.

Опровергая незаконные претензии различных органов, П.А. Флоренский писал: «Замену книжки доверяю произвести Елене Владимировне Дервиз, так как сам я занят и не могу явиться лично» (из письма от 31 марта 1931 г.) «...наводить лично справку о налоге я не имею никакой возможности, так как нахожусь с утра часов до 7 на службе, а затем выполняю другие служебные обязанности. В выходные же дни бываю в отъезде. <...> Всесоюзный электротехнический институт находится почти за городом и для проведения дел в городе необходимо потерять целый рабочий день» (из письма от 6 апреля 1931 г.).

Особо необходимо сказать о многолетних попытках местных властей города отобрать у отца Павла дом.

Еще 18 сентября 1918 г. отец Павел получил от Наркомпроса особую Охранную грамоту на свою библиотеку и занимаемое ею помещение. «Российская Федеративная Советская Республика. Народный Комиссариат по просвещения Отделение Московское. Библиотечное “18” сентября 1918 г. №355 <...>

Охранная грамота

Согласно декрета Совета Народных Комиссаров от 17 июля с.г. /Изв. В.Ц.И.К. от 21 июля за №153/ и постановления Народного Комиссариата по Просвещению от 8 сентября с.г. /Изв. В.Ц.И.К. №195 от 10 сентября/ об охране библиотек – Московское Библиотечное Отделение настоящим удостоверяет, что библиотека профессора истории философии Павла Александровича Флоренского, представляющая научную ценность, находящаяся в Сергиевом Посаде Моск. губ., Дворянская ул., собст. дом., – реквизиции не подлежит, равно, как и помещение ею занятое.

Никакие осмотры занимаемого библиотекой помещения, с целью уплотнения его, без ведома Народного Комиссариата по Просвещению не допускаются и могут быть производимы не иначе, как в присутствии полномочного представителя указанного Комиссариата.

За Заведующего Отделением Юрий Соколов
За Секретаря <подпись>».

Несмотря на Охранную грамоту, дом отца Павла был в период 1918–1919 гг. национализирован.

14 февраля 1920 г. Отдел местного хозяйства Сергиевского районного Совдепа информировал: «Гр. Флоренскому, Дворянская. Настоящим жилищно-земельный п/отдел коммунального отдела доводит до Вашего сведения, что национализация Вашего дома по постановлению исполнительного комитета снята» (Исх. №270).

Вероятно, в начале 1923 г. дом П.А. Флоренского был муниципализирован коммунальным отделом Сергиевского Совдепа. 13 марта 1923 г. Сергиевский Совдеп сообщил А.М. Флоренской, «что на основании постановления президиума МК муниципализация с владения бывш. Флоренского по Дворянской ул. снята», но окончательное решение будет принято главным управлением Московского коммунального хозяйства.

6 сентября 1923 г. Комиссия по демуниципализации владений г. Сергиева постановила: «§ 19. Владение <Флоренского по Дворянской ул.> муниципализировать как бесхозяйственно-содержимое»³⁷.

От имени П.А. Флоренского (15 декабря 1923 г.) и А.М. Флоренской (без даты) в коммунальный отдел Сергиевского исполкома были направлены письма, в которых данное решение опротестовывалось как не соответствующее действительности и незаконное. В подтверждение было представлено «Удостоверение» Комиссии по улучшению быта ученых при Московском Совете РКиКД от 10 ноября 1923 г., в котором сообщалось, что за «П.А. Флоренским, зарегистрированным КУБУ за №3567, как научным деятелем, закрепляется в кв. дома №15 по Дворянской улице в Сергиевом Посаде Московской губ.» комнаты с учетом необходимой дополнительной площади. «По всем вопросам, касающимся жилищных прав П.А. Флоренского, представители советских учреждений и все граждане обязаны строго руководствоваться вышеуказанным постановлением президиума МСРКиКД <от 8 февраля 1922 г.>, опубликованным в №13 газ. «Известия отдела управления МСРКиКД от 12/II–22 г. и, под страхом законной ответственности, не допускать их нарушения»³⁸.

28 марта 1924 г. коммунальный отдел Сергиевского исполкома выдал П.А. Флоренскому «Акт о передаче демуниципализированного домовладения» под №15 по Дворянской ул. Согласно форме Акта он обязывал «домовладельца» производить в доме ремонт, указываемый коммунальным отделом. Если необходимый ремонт

не будет проведен, право собственности на домовладение вновь переходило к коммунальному отделу, и бывший «домовладелец» мог быть привлечен «к ответственности за бесхозяйственность и разрушение дома». Данный пункт не был простой формальностью. Он давал коммунальному отделу основания содержать «домовладельцев» в постоянном страхе, что их дом будет вновь муниципализирован. Так, выполнение эксплуатационного ремонта, предписанного техническим осмотром 9 января 1924 г. было проверено и принято пять раз (17 мая, 10 июня 1924 г., 31 декабря 1926 г., 4 января 1927 г., 25 февраля 1928 г.)

Но вслед за майскими арестами 1928 г. в Сергиевом Посаде начинается новая кампания по искоренению неарестованных «бывших» из их собственных домов, хотя Декретом СНК от 28 июля 1924 г. никакая новая муниципализация домов после 1 ноября 1924 г. не могла быть проведена.

В Сергиево-посадской газете «Плуг и молот» появилась статья, разъяснявшая «жилищную политику» местной власти.

«Ждут очереди

97 владений в муниципальный фонд

Много вызывало справедливых нареканий на политику ОКХ со стороны советской общественности такое положение: на крупных домах, расположенных в центре города, красовались вывески “дом н-ков Моисеевых, Бывшева, Курындына и т.д.”, как будто революция 1917 года прошла стороной “град” Сергиев, и все “прежние люди” остались не только не тронутыми, но даже в своих собственных домах, из которых они и до сих пор извлекали средства к существованию.

Рядом с этими домами стоят курятники и проч. рухлядь, в которых не только подчас жить, но и подойти страшно, – это дома ОКХ, в которых проживают кустари, рабочие и служащие.

Такое положение заставляло осуждать жилищную политику местной власти и давало возможность подчас ехидно посмеиваться “не тронутым людям”, что мы мол как жили, так и живем, а вы, “мелкога”, “поживите в подвалах”.

Подымающаяся активность трудящихся города и интерес к окружающей жизни усилил приток записок-заявлений, устных указаний, наконец жалоб на явную несправедливость произведенной демуниципализации (возвращение домов в собственность) их прежним владельцам.

Причем эта демуниципализация была не

только с отсутствием классового принципа (очень часто дома возвращались прежним торговцам), но даже противозаконна, ибо демунципализация не утверждена ни в губ<ернской> комиссии, ни в ГУКХе (Главное Управление Коммун. Хозяйства), следовательно, владельцы этих домов были фиктивны и никаких юридических документов на право их собственности, за исключением не оформленной справки ОКХ, – не имели.

После тщательной проверки этих домов, президиум УИК-а возбудил ходатайство перед губернскими организациями об оформлении демунципализации 97 владений в г. Сергиеве, демунципализированных до 1924 г.

Постановлением губернской комиссии по демунципализации от 23/VI–28 г. №107 демунципализация этих домов не утверждена и предложено ОКХ зачислить таковые в муниципальный фонд.

Означенное постановление ставит перед ОКХ задачу передать все крупные дома в ведение жилищн. товариществ, что же касается маломерных и ветхих владений, то вопрос о демунципализации их может быть разрешен вновь обычным порядком.

Проведение этой работы требует еще большей серьезности в работе жилищных товариществ и всего трудящегося населения города в области уплотнения широко-живших (есть случаи до 15 кв. мет. на человека) бывших хозяев этих домов и вселения туда рабочих, кустарей и т.п.

Жилищные товарищества должны уделить максимум внимания вопросу учета жилой площади в этих домах и сделать перерасчеты в области взимания квартплаты, руководствуясь на этот счет имеющимся законоположением.

Таким образом директивы пленума Горсовета, УИК-а и других организаций в области исправления жилищной политики будут выполнены.

Курочкин» [22].

30 июня 1928 г. П.А.Флоренскому пришло «Уведомление» №1925, в котором сообщалось: «На основании постановления губ. комиссии по демунципализации от 23/VI–28 г., протокол №107, ОКХ Сергиевского УИК’а сообщает, что демунципализация Вашего владения губ. комиссией не утверждена, а посему с сего числа владение переходит в распоряжение ОКХ». Речь шла о скрытой и незаконной отмене Акта от 28 марта 1924 г. В дополнение к этому «Уведомлению» 9 июля

1928 г. ОКХ Сергиевского УИК’а сообщил (письмо №2037) порядок оплаты квартплаты, занятия свободной площади и ответственности «квартиросъемщика» П.А. Флоренского. «Вопрос о демунципализации владения может быть разрешен вновь на общих основаниях в месячный срок».

Положение было особо опасно тем, что уже 14 июля П.А. Флоренский должен был отбыть в Нижний Новгород, и Анна Михайловна должна была вести дело опротестования сама. Среди бумаг, имеющих дома, сохранилась «Заявление» А.М. Флоренской в Отдел коммунального хозяйства Сергиевского Уисполкома (после 30 июня 1928 г.) с указанием на «незаконность и несправедливость отобрания... дома» и просьбой оставить дом в прежнем владении Флоренских как собственников. Заявление написано с исключительным знанием юридических законов, с использованием юридических оборотов речи. Кем оно было составлено – неизвестно, и неизвестно, достигло бы оно результата или нет, если бы А.М. Флоренская не обратилась, вероятно, с помощью этого же юриста к кому-то из влиятельных лиц в Кремле.

Сохранилась следующая записка, написанная двумя почерками.

Почерк А.М. Флоренской:

«Никольские ворота, первый дом справа к 9 часам». Перепечатать Нарком Внутренних Дел при ГУЛе или в Главное Коммунальное».

Почерк неизвестного:

«1. Изобретатель – трудовой!

2. Где работал – с места службы справки и если можно – рекомендации.

3. Подчеркнуть в развитии, что он служащий, а не торговец (как в газете)».

Усиленные хлопоты дали результат. 22 июля 1928 г. техник УНИ С.М. Костин и А.М. Флоренская составили Акт обследования дома №19 по Пионерской ул. На предмет демунципализации. Вновь были предписаны обширные ремонты, а также необходимо было «сделать кирпичный тротуар в елку с заливкой цементным раствором в горизонтальной части тротуара».

По воспоминаниям О.П. Трубачевой, устройством тротуара занималась бабушка Н.П. Гиацинтова, пока А.М. Флоренская с детьми ездила в Нижний Новгород. Тротуар был окончен, вероятно, лишь в 1930 г., но стал украшением улицы, пока не был сломан при ее асфальтировании в конце 1970-х годов.

Для решения вопроса о демунципализации дома П.А. Флоренскому было вновь выдано два удостоверения уже от Центральной комиссии по улучшению быта ученых от 24 июля 1928 г. (№3442) и после возвращения из ссылки 27 сентября 1928 г. (№4366). В последнем удостоверении было записано:

«Выдано жилищной секцией ЦЕКУБУ в том, что П.А. Флоренский зарегистрирован как научный работник, а потому на него распространяются все права и преимущества, предоставляемые научным работникам постановлениями ВЦИК и СНК от 31/VII–24 г., 13/IV–25 г., 16/VIII–26 г., и 31/X–27 г., в частности, П.А.Флоренский имеет безусловное право на пользование дополнительной комнатой для научных занятий в д.19 по Пионерской ул. в г. Сергиеве».

Тем не менее, в 1931 г.³⁹ местные власти предприняли еще одну попытку лишить П.А. Флоренского права обмера на дом. Возможно, что действия представителей Горсовета имели действительной целью не «уплотнение» жилья П.А. Флоренского, а психологическое давление и слежку за ним.

*«В Горсовет г. Загорска.
прожив. по Пионерской ул.
д.19 Флоренского П.А.*

Заявление

В отсутствие мое по служебным обязанностям, а также и жены моей, 15/III–с.г. ко мне в дом явилась для обмера жилплощади комиссия из делегатки и ее помощника. Несмотря на категорический отказ проживающей в доме престарелой матери моей жены в допуске без хозяина, означенные товарищи насильно вошли в дом и в частности в мой кабинет где стали производить обмер, причем делегатка вела себя крайне грубо и позволила себе запугивание и угрозы.

Как изобретатель, научный работник (член ЦКБУ и ИТР) и ответственный советский служащий я пользуюсь всеми соответственными правами и в частности – правом на особый кабинет, где находятся мои бумаги, книги и коллекция.

Вхождение в этот кабинет без меня, и притом насильственно, ни в коем случае не может быть предоставляемо кому постороннему кроме состава органов надзора. Поэтому я решительно возражаю против указанного грубого правонарушения означенной комиссии. В уверенности, что Горсовет не мог давать подобных полномочий ей и что подобный способ действий комис-

сии является нарушением не только моих прав, но и дисциплины и порядка в отношении Горсовета, я обращаюсь за разбором этого дела прежде всего не к прокуратуре и не к прессе, а непосредственно к Вам. При этом считаю необходимым пояснить, что требование мое опирается не только на основания формальные, но в еще большей степени – на существо дела.

Материалы, проходящие через мои руки и подготовляемые для ведущих работ настолько многочисленны и легко приводимы в беспорядок (на мелких отдельных лоскутках и листках), что даже небольшое перемещение какогонибудь из <них> легко может оказаться равносильным полной утрате. Восстановить затерявшееся в бумагах или унесенное невозможно. Между тем, на этих материалах основаны работы имеющие общесоюзное –техническое и экономическое значение. Многие из ставимых мною работ, когда дорастает до осуществления во Всесоюзном Электротехническом Ин-те, признаются не подлежащими оглашению. Заранее я не знаю, какая именно из работ будет объявлена впоследствии не подлежащей оглашению и поэтому должен все материалы предварительно рассматривать как могущие быть признанными неоглашаемыми. В виду этого я вынужден просить Вас отнестись к означенному вторжению в кабинет с достаточным вниманием. В настоящий момент я еще не успел проверить наличности всех своих бумаг. Но если обнаружится пропажа каких, то желательно чтобы на Горсовет не падало обвинение за вину означенной комиссии.

Обращаюсь теперь к цели произведенного обмера. Мое и моей семьи коренное местожительство – г. Загорск; тут же находятся мои книги и бумаги. Жилплощадь, занимаемая мною и моей семьей как раз соответствует норме по 9 кв. метр. Но кроме того я имею право на особый кабинет так что на самом деле площади в нашем доме на нашу семью не хватает. В виду вечерних занятий и заседаний мне приходится довольно часто ночевать в Москве, равно как и моим двум сыновьям учащимся. Ночуем мы тогда в казенном доме Всесоюзного Электротехнического Ин-та согласно распоряжения директора Ин-та. Однако это помещение не составляет нашей жилплощади, так как оно связано со службой в Ин-те и утрачивается при переводе моем на другую службу, а также может быть в любой момент взято у меня для нужд Института. Поэтому моя жилплощадь

находится в Загорске, а не в Москве.

Таким образом, принимая во внимание отсутствие у меня лишней площади и даже права на дополнительную площадь, которой фактически у меня нет, и особый характер моей научно-технической деятельности я отрицаю возможность уплотнения меня в квартире. Но если бы таковое и потребовалось то во всяком случае мне принадлежит право самоуплотнения лицами которые будут совместимы с интересами дела которому я служу.

В итоге, ни цель обмера, ни способ действия не могут быть оправданы, я прошу Вас дать мне гарантию в неповторении подобных случаев, нарушающих спокойный ход работы».

Наконец, ровно за неделю до ареста, П.А. Флоренский, являясь заместителем директора Всесоюзного Электротехнического института просит разрешить ему пользоваться электроэнергией в сергиево-посадском доме – случай вопиющего бесправия и издевательства.

*«В Электросекцию Коммунального треста
г. Загорска*

*проживающего по Пионерской ул., в д.19
проф. Флоренского Павла Александровича*

Заявление

Прошу разрешить мне пользоваться электрической энергией для освещения, необходимого по роду моих занятий – научно-технической работы в области электротехники, как научного руководителя Отдела материаловедения во Всесоюзном Электротехническом Институте.

1933.И.18. П. Флоренский».

Идеологическая критика (1929–1933)

С 1929 г. возобновилась совершенно безответственная «критика» книги П.А. Флоренского «Мнимости в геометрии», вышедшей еще в 1922 г. Как правило, идеи П.А. Флоренского рассматривались в одном ряду с книгами А.Ф. Лосева и других русских философов. Это, несомненно, свидетельствует о том, что удар был заказан и тщательно спланирован.

В 1929 г. Г.К. Баммель в своей книге «На философском фронте после Октября» (М.-Л., 1929) выдвинул общее положение: «идейная борьба свергнутых фабрикантов и помещиков против рабочего класса была перенесена преимущественно в философию» [3, с. 29]: «Сторонники теории относительности Эйнштейна развили бесценную кампанию в защиту ветхозаветной космо-

гонии, утверждая, что мир конечен, что объективно, вне нас, не существует вовсе пространства и времени, что истинной оказывается не коперниковская, а птолемеяевская система» [3, с. 26–27]. Баммель ссылается на следующие работы: *Н.А. Морозов*. Принцип относительности и абсолютное. Этюд из области проявлений волнообразного движения. Пб., 1920; *А.С. Аскольдов*. Время и его преодоление // Мысль, 1922. №3; *П.А. Флоренский*. Мнимости в геометрии. М., 1922. В год «великого перелома», когда дело дошло до изничтожения «кулаков», «фабрикантов и помещиков» представляли как огрехи пропальывающих органов.

21 мая 1930 г. Х.И. Гарбер в Институте философии Коммунистической академии прочел доклад, в котором строго осудил мистическое толкование теории относительности Флоренским и Лосевым: «Неудивительно, что теории относительности он <Лосев> дает явно мистическое истолкование и при этом ссылается на книгу Флоренского “Мнимости геометрии” <так>. Каждый, читавший эту книгу, знает, что Флоренский совершенно произвольно и необоснованно оперирует скоростями, равными скорости света, тогда как теория относительности возбраняет это делать» [12, с. 133]. Вся статья могла бы стать частью дела Лосева, который был арестован в апреле 1930 г., а концовка статьи – частью обвинительного заключения: «Лосев является философом православия, апологетом крепостничества и защитником полицейщины» [12, с. 144]. Данные слова, естественно, относились и к Флоренскому.

В контексте политической жизни 1930-х гг. особенно важно, что труды А.Ф. Лосева подверглись осуждению в газете «Правда» и на XVI съезде ВКП(б) (26 июня–13 июля 1930 г.). В «Организационном отчете ЦК» Л.М. Каганович, после приведения ряда цитат (в том числе почти идентичных по направлению мысли П.А. Флоренскому), говорил: «И это выпускается в советской стране. О чем это говорит? Это говорит о том, что у нас все еще недостаточно бдительности. (Голоса: “Кто выпускает? Где выпущено?”) Разрешено Главлитом. (Голоса: “Чье издание?”) Это выпущено самим автором, но ведь вопрос заключается в том, что у нас, в Советской стране, в стране пролетарской диктатуры, на частном авторе должна быть узда пролетарской диктатуры. А тут узды не оказалось. Очень жаль. (Голоса: “Правильно”))» [34, с. 75].

Обсуждая книгу А.Ф. Лосева «Диалектика

мифа», Л.М. Каганович говорил: «Коммунист, работник Главлита, пропустивший эту книжку, в которой нас в лицо называют капиталистическими гадами и шакалами, мотивировал необходимость ее разрешения тем, что это “оттенок философской мысли”. (Смех. Голос: “Оппортунизм на практике”). А я думаю, нам не мешает за подобные оттенки ставить к стенке. (Аплодисменты. Смех)» [34, с. 279].

Обширной и «уничтожающей» критике теории относительности, Эйнштейна и всех, делавших из теории относительности «идеалистические» выводы была посвящена книга однокашника П.А. Флоренского по физико-математическому факультету Московского университета В.Г. Фридмана «Теория относительности и антирелигиозная пропаганда»⁴⁰. В.Г. Фридман пытается подвести читателя к тому выводу, что «позиция теории относительности есть одно из выявлений общего кризиса буржуазной физики, отражающего общий кризис капитализма как системы» [31, с. 131]. Повинен в этих «кризисах» и сам создатель теории: «Эйнштейн – гениальный физик, но плохой философ (также – плохой политик): он частично (правда, в большей части) махист (позитивист), частично же – просто идеалист; словом, Эйнштейн в философии пробавляется эклектикой» [31, с. 106]. «Эйнштейн, как мы уже выяснили, виноват в попустительстве, и в этом – классовое значение теории относительности, приведшей и самого Эйнштейна к поповщине» [31, с. 21–22]. В целом же: «В философском смысле теория относительности Эйнштейна есть действительно иудин поцелуй естествознанию, предание его фидеизму» [31, с. 128]. Досталось и сторонникам теории пульсирующей и конечной вселенной: «...рядом ученых (например, А. Фридманом, Леметром и де-Зиггером) выдвинута сугубо идеалистическая теория пульсирующей (сжимающейся и затем расширяющейся) вселенной; в основе этой теории лежит метафизическое представление о том, что вселенная представляет нечто только конечное, ограниченное в пространстве и развивающееся во времени» [31, с. 78].

Но особенно много критики направлено на тех, кто делает из теории относительности «идеалистические» выводы. К таковым В.Г. Фридман относит П.А. Флоренского, А.Ф. Лосева и Л.П. Карсавина. Больше всего места уделено П.А. Флоренскому. Сначала рассматривается его предположение о покоящейся в пространстве Земле, которое

получается как следствие опыта Майкельсона: «Сам Эйнштейн, как мы это сейчас увидим, сделал из неудачи опыта Майкельсона (и других ему подобных) совсем другие выводы; но эти выводы из-за их нейтральности по отношению к тому, что происходит в природе независимо от человека, из-за их махизма Эйнштейна открыли лазейку для религиозных “изысканий” вроде фантазий Флоренского» [31, с. 20]. «Объяснение», предложенное Флоренским (о полной неподвижности Земли), также не годится; это «объяснение, правда, очень приятно для защитников религии, но с точки зрения принципа относительности оно не выдерживает критики, так как согласно этому принципу нельзя говорить ни о покое, ни о движении самой земли (взятой изолированно): имеет место лишь относительное движение земли и солнца (или звезд)» [31, с. 21].

Далее священник Павел Флоренский (см. главу 6) «использовал появление чудовищных скоростей звезд при их суточном обращении вокруг земли для того, чтобы... найти те места вселенной, где живут ангелы (!!?)» [31, с. 58]. Эти поиски он сопоставляет с поисками богослова П. Светлова в книге «Курс апологетического богословия»: «Но Флоренский идет дальше Светлова и решает, что, пользуясь выводами теории относительности, можно довольно точно найти эти места вселенной, которые библия считает “подлинным” небом, и куда по-видимому направилось тело Христа после вознесения» [31, с. 58]. «Флоренский очень ученый человек, и еще в дореволюционное время он пользовался большим авторитетом в кругах верующих; его книги расходились на расхват (даже такие толстые, чуть ли не в 1000 страниц, как нашумевшая его книга “Столп и утверждение истины”); статьями его верующие зачитывались. Так как Флоренский сам математик и физик (он специалист по диэлектрикам, в какой-то области работает сейчас), то потому в его сочинениях всегда попадают “доказательства” положений веры на основе физико-математической. Но качество этих “доказательств” – такое же, как только что приведенное, близкое к состоянию “вывернутого через самого себя” мозга».

Флоренский основывается не на теории относительности Эйнштейна, а на какой-то собственной теории «выворачивания тел (в том числе и мозгов Флоренского) через самого себя. Ничего общего с настоящей наукой рассуждения Флоренского не имеют; но, повторяем, нет ника-

кого сомнения в том, что эти “научные” упражнения Флоренского (и ему подобных) стали возможными лишь благодаря махистской методологии теории относительности, и это лишний раз показывает, что современное буржуазное естествознание не только не может опровергнуть религию, но является в ряде случаев даже ее пособником.

Но совсем уж постыдно для ученого (правда, ослепленного религиозным мракобесием) человека делать утверждения о том, будто недалеко за пределами орбиты Урана начинается небо платоновских идей, аристотелевских форм, эмпирией Данте (и, значит, предполагаемых Светловым особые небесные области, жилище вознесшегося Христа) и будто звезды – это небесное воинство?!» [31, с. 59–60].

Тут же В.Г. Фридман рассматривает и книгу А.Ф. Лосева «Античный космос и современная наука», где тоже говорится о заездах как воинствах небесных [31, с. 407] и о диалектической необходимости и верности теории относительности [31, с. 162 и 411]: «Достаточно хорошо известный идеалист-“диалектик” А. Лосев стоит на точке зрения, близкой к точке зрения Флоренского». <...> Здесь мы имеем дело со стопроцентным субъективным идеализмом и поповщиной. Классовая сущность этих упражнений А.Ф. Лосева и им подобных очевидна. Вот, можно сказать, злонравия (церковного) достойные плоды, плоды религиозного мракобесия и умоисступления» [31, с. 60].

Далее В.Г. Фридман упрекнул Л.П. Карсавина за статью в №1 «Мысли», где утверждается, что «будущее существует»: «Карсавин не только защитник религии, он философ-мистик, даже основавший в дореволюционное время мистическое общество “блаженной Анджелы”» [31, с. 67].

Заканчивается книга директивами: «Антирелигиозник в вопросе о теории относительности должен занимать следующую позицию...» [31, с. 127] «Только марксистско-ленинское естествознание может указать (в частности и в теории относительности) новые, правильные пути и дать правильное решение дел» [31, с. 127, 131].

Самым энергичным идейным гонителем отца Павла Флоренского был Э. Кольман⁴¹, отстаивавший «партийность в науке», в том числе, и «партийность в математике». Его главным врагом была Московская философско-математическая школа: «Можно упомянуть хотя бы наших “отечественных” математиков сравнительно не-

давнего времени, всю так называемую московскую математическую школу, начиная с Цингера, Бугаева, Некрасова, кончая более молодыми: Васильевым, Богомоловым, Флоренским, Егоровым, весь этот букет математиков-идеалистов; защитников самодержавия, религии, всех тех, кто добросовестно постарались показать, что математика – это “объективнейшая”, “точнейшая” наука, свидетельствующая о незыблемости идеализма как научного мировоззрения, о непоколебимости эксплуататорского строя, который этот идеализм всячески подпирал» [17, с. 29–30]. «Такой черносотенный идеалист, как Лосев, в книге, вышедшей в Москве в 1927 г. (“Античный космос и современная наука”), ссылается на другого попа Флоренского, на его книгу “Мнимость в геометрии”. Сам от себя Лосев прибавляет рассуждение о том, как теория относительности приводит неизбежно к платонизму. <...> А у Флоренского прямо сказано, что мнимое дает нам возможности такой интерпретации, что в 4-мерном пространстве есть направление, по которому прямоком из нашей земной юдоли можно попадать в преисподнюю, направление, по которому Данте совершил описанную им в “Божественной комедии” экспедицию. Здесь перед нами не только анекдот, хотя бы и действительно имевший место. Ведь эта книжка вышла при советской власти, и Флоренскому удалось совмещать ее написание с пребыванием на руководящей научно-исследовательской работе в органах ВСНХ» [17, с. 30].

В 1932 году вышла статья П.А. Флоренского «Физика на службе математики» [29, с. 43–46]. Название статьи искажено редакцией; должно было быть «Физика на службе математике». Предметом статьи стал «опытный характер самой математики, или, скорее, некоторые вытекающие отсюда следствия» [29, с. 43]. П.А. Флоренский предостерегает не только современную физику, но даже и математику от увлечения математическим формализмом, скрывающим опытный характер физики [29, с. 43]. Та же опасность грозит и математике. Здесь пытаются «очистить» математику от интуиций, от психологизма, свести математику к чистой логике, строго ее формализовать. П.А. Флоренский имеет, очевидно, в виду такие направления в математике, как логицизм (Фреге, Б. Рассел, Уайтхед) и формализм (Гильберт), пытавшиеся строго формализовать и собственно математическую, и логическую части математики. Оппозицией этим направлениям был

интуиционизм (Л.Э.Я. Брауэр, Г. Вейль, А. Гейтинг), но позиция П.А. Флоренского далека от его конструктивной программы. Ближе всего его позиция к взглядам Анри Пуанкаре, который в начале века решительно и остроумно выступил против попыток тотальной формализации математики, понимая, что каждая даже самая строгая формализация содержит в себе скрытые интуиции. Интуиции не могут быть полностью выгнаны из математики. Аналогично у П.А. Флоренского: «Весь состав математического знания опирается на интуиции, и притом – может быть наименее сознательные» [29, с. 44]. По П.А. Флоренскому, математика «существенно опирается на интуицию, не какую-либо частную, художочную и контрабандную интуицию, возможный минимум жизни, а на всю полноту жизни». «Чем сознательнее и шире будет взят жизненный базис математики, тем пышнее расцветает она творческими возможностями». «Математика служила и служит естествознанию и технике; но пусть и эти последние в свой черед послужат математике. Пусть разнообразные физические факторы лягут в основу построения математических приборов, пусть откровенно и свободным жестом математика возьмет от техники, от физики, от естествознания то, что она вправе брать и что частично она всегда брала отсюда, но украдкой. В математику должны быть введены физические модели, физические и, может быть, химические приборы, биологические и психологические пособия» [29, с. 48]. Таким образом, интуиция, на которую опирается математика, имеет своим источником жизнь, жизненный базис, и, прежде всего, это – жизнь науки, естествознания и техники. Иллюстрируя это положение, П.А. Флоренский описывает три сконструированные им в 1922 г. прибора – гидростатический, электростатический и электроинтегратор для интеграции любых функций. Современные исследователи считают, что электроинтегратор П.А. Флоренского можно рассматривать как прототип современных аналоговых вычислительных машин.

Уже после ареста П.А. Флоренского (25 февраля 1933 г.), но еще до его осуждения (26 июля 1933 г.) Э. Кольман опубликовал статью «Против новейших откровений буржуазного мракобесия» [6]. Статья Э. Кольмана преследовала две цели: добить П.А. Флоренского и обезопасить себя как члена редколлегии журнала «СОРЕНА», в котором ранее была опубликована работа П.А. Фло-

ренского «Физика на службе математике».

Э. Кольман высказывал тревогу по поводу того, что эксплуататорскими классами «утонченнее подается религиозный яд в сахарных пилюлях “научных” и философских систем» [6, с. 88]. «И действительно, если не каждое отдельное положение математики и геометрии, то математика в целом в своем историческом развитии не только отражает классовую борьбу, но и становится орудием в руках господствующих классов, прямо или косвенно составляя прикрытые для религии, помогающая им осуществлять их эксплуататорские цели» [6, с. 91]. Далее, в качестве примера, следует «критика» Макса Планка за допущение «идеального духа» и за пособничество Гитлеру.

«Дипломированные лакеи поповщины у нас под носом используют математику для наиболее замаскированных форм религиозной пропаганды, для пропаганды идеализма.

Вот статья П.А. Флоренского “Физика на службе математики”. В этой статье, где рассказывается о разных механических, гидростатических, электростатических и других методах, применяемых в математике (кстати о наиболее распространенных, наиболее рациональных счетных машинах в ней нет ни слова, зато много внимания уделено курьезам, не имеющим никакого практического значения), имеется и своя вводная принципиальная часть. И вот в этой части статьи ставится вопрос о характере математики. Автор защищает “опытную основу тех или других ветвей математики”, которая “неоднократно бывала утверждена, а в отношении геометрии может даже считаться достаточно широко признаваемой” [6, с. 43].

Прекрасно! Но Ленин учил нас относиться к понятию “опыта” с подозрением. Что же понимает под “опытом” автор? Оказывается, интуицию. Он пишет:

“...И “чистая” логика имеет интуитивные корни, без которых она сидела бы в нас, как инородное, внежизненное, а потому и жизневраждебное образование. <...> Весь состав математического знания опирается на интуиции, и притом, может быть, наименее сознательные” [6, с. 44].

Правда, странно? Почему бы это логика без интуиции “сидела бы в нас, как инородное тело”? О какой, собственно, интуиции идет речь? Может быть, автор имеет в виду **чувственную** интуицию? Тогда бы в этом не было большого греха. Или он подразумевает **интеллектуальную** интуицию,

считая вместе с мистиком Платоном и интуитивистами – одним из современных идеалистических направлений, – что человеческий разум способен созерцать понятия точно так же, как чувственные объекты?

Чтобы ответить на этот вопрос, ознакомимся с тем, кто такой П.А. Флоренский, автор статьи, помещенной в четвертом выпуске журнала “Социалистическая реконструкция и наука” (СОРЕНА) за 1932 год, в органе НИС и техпропа НКТП СССР.

Вот выдержка о печатных трудах П.А. Флоренского <...>⁴²

Это – лишь половина названий, которые, кажется, говорят сами за себя. П.А. Флоренский – не просто рядовой поп, это ученейший воин черносотенного православия, махрового идеализма, беспросветной мистики. С 1911 по 1917 г. он редактировал “Богословский вестник”, до того печатал свои профессорские отзывы на диссертации вновь испеченных теологов в “Протоколах заседаний Совета Московской Духовной академии”.

Однако П.А. Флоренский чутко воспринимает (интуицией!) дух времени. Вперемежку с “Небесными знаменьями” и “Храмовым действием” он напечатал и “Вычисление электрического градиента на витках обмотки трансформатора” (“Бюллетень технического отдела Главэлектро”, М., 1921) и “Мнимость в геометрии” (М., “Поморье”, 1922).

Вот эта последняя книжка может послужить нам верным путеводителем. По ней мы разгадаем, что, собственно, надо понимать под “опытом”, под интуицией. Там мы читаем: <...>⁴³

Теперь, кажется, ясно, какой “опыт”, какую интуицию имеет в виду Флоренский, какое мировоззрение он защищает. Конечно, в 1922 г. он проповедовал взгляды Птолемея **открыто** и делал это при помощи **частного** издательства. Теперь же, в 1932 г., он изворачивается, проповедует те же взгляды в “невинной”, тонко **замаскированной** форме и делает это на страницах советского журнала, который широко афиширует себя так: “СОРЕНА издается по специальному постановлению ЦК ВКП(б) и является самым большим и серьезным журналом по вопросам науки и техники”, как это можно прочесть на любой обложке журнала начиная с 1931 г. и поныне.

Выходит, что кое-какие авторы за эти годы “поумнели”, а кое-какие редакторы наших жур-

налов не проявляют ни на грош бдительности. Вместо нужного привлечения по специальности дается трибуна для пропаганды идеализма. В этом отношении случай с Флоренским не является единственным – проповедью идеализма занимаются и такие ученые, как Вернадский, Френкель, Гамов и др.

Выходит, что наши редакторы не сумели раскусить П.А. Флоренского. Зато его прекрасно понял безызвестный вождь истинно русского идеализма А.Ф. Лосев. В своей книге “Античный космос в современной науке” (М., 1927, изд. автора) этот мистик, ссылаясь на “Мнимость в геометрии” Флоренского, пишет: <...>⁴⁴

И вот эдакая идеология, написавшая на своем щите двестише псалма:

Темна вода во облацех небесных,
Тамо гади, их же несть числа...

проходит в наших советских журналах незамеченной. Порою остаются незамеченными и самые гады...

Классовая борьба принимает на данном этапе социалистического строительства особые формы. Тов. Сталин дал с исчерпывающей полнотой анализ сопротивления классового врага со всеми его хитро замаскированными приемами. Ошибается тот, кто полагает, что классовый враг только кулак и подкулачник, что он прячется лишь под видом счетовода, агитирующего за выступление из колхоза; ошибаются те, кто не понимает, что классовая борьба не затухает и на идеологических вершинах, кто не понимает, что анализ, данный т. Сталиным, необходимо, правильно применяя его, приложить и к идеологической борьбе.

Сейчас дело идет о переделке идеологии десятков миллионов людей, уже происходит преодоление пережитков капитализма в человеческом сознании, превращение всех трудящихся в сознательных и активных строителей бесклассового социалистического общества, и борьба за идеологические высоты имеет первостепенное значение. Нельзя дальше терпеть, чтобы наши научные журналы продолжали засорять мозги советского читателя идеалистическими плевелами, которые попадают в эти журналы тем легче, чем больше псевдонаучной мишуры выставлено напоказ и чем больше некоторыми редакторами держится ставка на то жалкое “архигелертерство”, которое так основательно и метко осмеял Ленин. Нельзя дальше терпеть, чтобы, прикрываясь “нейтральностью” и “объективизмом”, а тем более якобы

марксистскими, “диалектическими” ярлыками, разводили у нас идеалистическую заразу.

Дело идет о формировании марксистско-ленинского мировоззрения у миллионов, до сих пор живших осколками частнособственнического, мещанского, поповского мирозерцания, живших суевериями, на “авось и небось”, по правилу “каждый за себя”, людей, у которых все эти прежние “устои” теперь бесповоротно рассыпались в прах или – а это относится к подавляющему большинству молодого поколения – у которых и вовсе не было этих “устоев”, а лишь какие-то смутные клочки. Этот процесс должен получить подкрепление в лице широко поставленной популяризации марксизма-ленинизма. Дело идет о том, чтобы популярно рассказать о политэкономии, о ленинизме, о коммунистическом обществе, о диалектике природы и т.д., но рассказать это так, чтобы было действительно понятно каждому колхознику, который может прочесть местную газету, рассказать так, чтобы не было ни малейшей вульгаризации и чтобы рассказ толкал мысль вперед.

К сожалению, наши советские ученые делу популяризации уделяют слишком мало внимания. Издательствами это дело также не поставлено на нужный уровень, вокруг него не мобилизовано ни внимание общественности, ни даже самих издательств. Громадное большинство, вернее, почти все научно-популярные книжки и брошюры написаны второстепенными авторами, обратное составляет единичные исключения. Зато нередки в прямом смысле этого слова халтурные произведения, в которых под видом науки излагается сенсационная дешевка, рассчитанная на то, чтобы поразить воображение, даются упрощенческие искажения или, наконец, одни лишь голые результаты научных исканий без указания на пути, на методы, которыми они добыты.

Все это происходит в то время, когда на практике доказано, что мы научились издавать образцовые популярные книжки по техническим вопросам; десятки таких книжек, написанных рабочими-производственниками, налицо. Почему нельзя поручить написание популярной статьи, скажем, о новейших достижениях атомной физики или периодической системе Менделеева и т.п. выдающемуся физика, химику и т.д.? Разве наши советские академики и профессора откажутся написать в массовую рабочую или колхозную газету? Нет, конечно, но редакция должна будет поработать с ними, а это много хлопотливее, чем

взять готовую статью у халтурщика, который имеет запас наготове, одинаково “популярно” пишет и о протонах, и о Кара-Бугазе, и о гравидане...

Научно-популярная литература для взрослых, если она действительно и популярная, и научная, всегда так выразительна и ясна, что она оказывается по своему стилю и языку родной сестрой лучших художественных произведений, в чем можно убедиться на таких классических примерах, как “Наемный труд и капитал” Маркса или “Удержат ли большевики государственную власть?” Ленина, а также “Звук” Тиндаля, “История свечи” Фарадея, “Жизнь растений” К.А. Тимирязева и т.д. и т.п. Вот почему значительное содействие в создании научно-популярной литературы могут оказать наши писатели-беллетристы.

Необходимо со всей большевистской напористостью взяться за это дело нашим издательствам и развернуть работу по созданию научной популярной литературы. Нельзя здесь отставать от общего культурного роста нашей страны, а следовательно, и от сильно возросших требований трудящихся на углубление их знаний в разных областях идеологии и политики.

Эта задача может быть успешно выполнена лишь при условии максимального усиления со стороны редакторов и издателей революционной бдительности к нарядившемуся в ученую тогу классовому врагу, пытающемуся с большой силой изворотливости и замаскированности проповедовать враждебную идеологию на страницах советских журналов. Не ослабление, а усиление революционной бдительности со стороны некоторых наших редакторов – вот что требуется для пресечения попыток засорять “идейным мусором” сознание строителей бесклассового социалистического общества» [6, с. 92–96].

Примечания

¹ В основу 1 и 2 разделов данной главы положено исследование: [23, с. 9–65].

² Так в тексте: имелся в виду В. Девиз.

³ Так в тексте: имелся в виду М. Тареев.

⁴ Обвинительное дело №60110 – Центральный архив ФСБ РФ №513621. (Ранее: Управление архивного отдела КГБ при СМ СССР). Подробный обзор дела см.: [23].

⁵ Список приводится в алфавитном порядке.

⁶ В списке нет барона В.Д. Девиза и графа Ю.А. Олсуфьева – главных объектов газетной травли. По этому поводу «Рабочая газета» от 24 мая возмущенно писала: «В музее (б. Троице-Сергиева лавра) нам сообщили, что с момента опубликования наших разоблачений из Сергиева без разрешения администрации уехал в Москву

старший хранитель музея бывший граф Олсуфьев.

Несмотря на такое самоуправство Олсуфьева, не сдавшего дел в Сергиевском музее, Главнаука уже пристроила его в Московский исторический музей.

Заместителю заведующего местным музеем коммунисту Готту в Главнауке заявили:

– Хорошо! Мы заберем у вас и фон-Дервиза и Олсуфьева, но других людей не дадим. Можете закрывать свой музей.

Фамилия человека, сделавшего такое заявление Эйферт. Он заведующий отделом музеев Главнауки.

Лишь 9 июня «Рабочая газета» писала о хоть частичном восстановлении «справедливости»: «Заведующий музейным отделом Главнауки т. Вайнер:

– Конечно, никоим образом нельзя считать нормальным засилие дворян и церковников в наших антирелигиозных музеях. До сих пор эта публика оставалась там работать как-то по привычке (хорошее оправдание!)...

С работы в музее бывшей Троице-Сергиевой лавры сняты решительно все монахи. Они отстранены не только от заведования отделами, но даже и от технической работы и охраны.

Старший хранитель музея, бывший граф Олсуфьев, будет снят с работы и уволен 16 июня – в день своего возвращения из отпуска. К работе в московском историческом или каком-нибудь другом музее он привлечен не будет! Уже имеется принципиальное решение об увольнении и заместителя заведующего музея, бывшего барона фон-Дервиза. Его снимут с работы в ближайшие дни.

Заведующий Сергиевского музея Свириин освобождается от занимаемой им должности и переводится на положение научного сотрудника. На его место будет приглашен коммунист. Для работы в музее привлекаются также два безбожника: Урсанович и Гамза. Последний был лектором МГСПС по антирелигиозной пропаганде». Музей стал, наконец, боевым участком культурного фронта.

⁷ Воспоминания Е.П. Васильчиковой не ясны. Она вспоминала: «Мы пришли ко всенощной в церковь Иоанна Богослова на Пятницкой улице и нас взяли при выходе из церкви» [23, с. 47]. Что имеется в виду? В Сергиевом Посаде не было ни церкви в честь апостола Иоанна Богослова, ни Пятницкой улицы, но была Пятницкая церковь, в которой действительно часто в 1920-е годы молился отец Павел. Пятницкая улица есть в Москве, но на ней нет церкви в честь апостола Иоанна Богослова. Кроме того, достоверно известно, что арестованных на следующее утро перевезли из Сергиева Посада в Москву. Предполагаем, что слова Е.П. Васильчиковой надо понимать так, что их арестовали в день памяти апостола Иоанна Богослова, когда они выходили из Пятницкой церкви Сергиева Посада после всенощной под память святителя Николая.

⁸ Имеется в виду, что не служил как штатный приходской священник, прикрепленный к определенной церкви. Возможно, эта фраза является отголоском обещания не совмещать работу в государственном учреждении с приходским служением. В семейных рассказах об этом ничего не известно, но подобное негласное соглашение, вероятно, могло быть в 1927–1928 годах, когда отец Павел занимал ответственную должность заведующего отделом материаловедения ВЭИ. Косвенные сведения об этом находим в воспоминаниях Е.П. Васильчиковой: «В церковь он <отец Павел> всегда ходил, правда, он дал подписку, что он служить не будет, так что он не слу-

жил. – В какие годы? – Перед арестом, вот в эти последние годы. Но всегда в Пятницкой церкви стоял сзади. Вот эти две – Введенская и Пятницкая. Он сюда всегда ходил. Иногда ходил на Красноюковку, когда там было мало народа»

⁹ Город Сергиев (с 1919) был переименован в Загорск в 1930 г. в честь секретаря Московской организации большевиков В.М. Загорского (Лубоцкого), никакого отношения к Сергиеву Посаду не имевшему. Благозвучность нового имени Загорск (за горами), а также известность города после открытия в 1946 г. Троице-Сергиевой Лавры, помогла этому имени прижиться. В год 600-летия со времени кончины преподобного Сергия (1992) городу было возвращено его исконное имя. К этому времени, в 1990 г., дом отца Павла на Пионерской улице (№19) был признан памятником истории и культуры и на доме была установлена мемориальная доска.

¹⁰ Данный раздел основан на публикации: [10, с. 11–34; 11, с. 26–49].

¹¹ «...я здоров, но у меня на ногах сделались нарывы <нрзб.>, и ноги все время очень болели. Я сердился на маму, что она все время приезжает в Москву и оставляет моих деток, и что она тратит деньги на меня» [10, с. 14].

¹² Уже 28 июля 1928 г. О.П. Флоренская (мать) пишет о своем впечатлении от фотокарточки П.А. Флоренского, снятой Василием в Нижнем Новгороде.

¹³ Сведения о том, что П.А. Флоренский в 1928 г. работал в Нижегородской радиолaborатории, впервые были приведены в рукописной работе К.П. Флоренского начала 1970-х гг. «П.А. Флоренский. Труды и дни», а впоследствии были включены во все биографии П.А. Флоренского. Причина этой ошибки может быть двоякая: 1. К.П. Флоренский знал о переговорах по поводу работы в Радиолaborатории, но не знал, что эти переговоры не успели завершиться. 2. К.П. Флоренский в те годы старался не подчеркивать, что нахождение П.А. Флоренского в Нижнем Новгороде явилось результатом высылки и создавал впечатление, что П.А. Флоренский там просто работал.

¹⁴ Епископ Павел (Волков), ученик П.А. Флоренского по МДА. С 30 июля 1922 г. единоверческий епископ Керженский, викарий Нижегородской епархии.

¹⁵ Не совсем ясно, что имеется в виду: 25–30 июля 1928 г. в Нижнем Новгороде проходил II съезд любителей мироведения – астрономии и геофизики, а 5–16 августа 1928 г. – VI съезд русских физиков.

¹⁶ Отдел коммунального хозяйства.

¹⁷ Вероятно, такой смысл: «Бог отвечает за мое пропитание, за существование моей семьи, раз я в ссылке, и я теперь не ответствен за это пред Богом».

¹⁸ Поворот направо, вскоре радио-laborатория – так показывала Анна Михайловна, когда мы выходили в Нижнем Новгороде с теплохода в 1969 г. – *Прим. С.3. Трубачева.*

¹⁹ Выписка из протокола Особого совещания при Коллегии ОГПУ от 31/VIII–28 г.

²⁰ Письмо П.А. Флоренского в избирательную комиссию Сергиевского уезда от 12 января 1929 г. Об этом же свидетельствует конверт АО «Советская энциклопедия», в котором было послано письмо «Технической энциклопедии» П.А. Флоренскому в Нижний Новгород. Штемпели: Москва <нрзб.>; Нижний Новгород 16.9.28; Москва 20.9.28. «Справка: Адресат Флоренский не разыскан, выбыл в Москву, лаборатория Покровки и угол Борни-

чевского пер. 24/2».

²¹ Протокол обыска и выемки по делу №..... от 4 октября 1928 г.

²² Первоначально было написано: «...на имя Олсуфьевой». Слово «Олсуфьевой» зачеркнуто и приписано: «зачеркнуто Олсуфьевой верить».

²³ Протокол обыска и выемки по делу №..... от 4 октября 1928 г.

²⁴ Цитируется по рукописной копии. Ниже цитированного текста записаны, вероятно, номера и даты документов, о которых пишет Б. Слюнин:

«26 от 17/IV

6/VI №28

Прик<аз> №96

Прот<окол> РКК 8/V

«_» 13/VI».

²⁵ Цитируется по рукописной копии.

²⁶ Данный текст с пунктами 3) и 4) написан на отдельном листке, вероятно это отрывок одного из вариантов Служебной записки П.А. Флоренского.

²⁷ Далее оставлено чистое место.

²⁸ ЦГИАМ, л.6.

²⁹ ЦГИАМ. Копия с копии. Л.3. Текст в <> пропущен.

³⁰ ЦНИАМ. Копия с копии. Л.2.

³¹ ЦГИАМ. Копия с копии. Л.5.

³² ЦГИАМ. Л.4–4об. Названия журналов в оригинале приведены без кавычек. В оригинале в №11, 12 опечатка: «Математическое обозрение». Должно быть «Математическое образование».

³³ ЦГИАМ. Копия. Л.8.

³⁴ Сообщено Е.В. Ивановой. Архив библиотеки Конгресса США.

³⁵ Письмо П.А. Флоренского в Домком от 31 марта 1931 г.

³⁶ Письмо П.А. Флоренского финансовому инспектору 2-го участка Сокольнического района от 6 апреля 1931 г.

³⁷ Письмо Сергиевского исполкома 8 октября 1923 г. №8331.

³⁸ Удостоверение П.А. Флоренскому Комиссии по улучшению быта ученых при Московском Совете РК и КД. КУБУ. 10 ноября 1923 г. №14464. Аналогичное удостоверение, опирающееся на постановление ВЦИК и Совнаркома от 31 июля 1924 г., было выдано также 23 сентября 1924 г. №9085.

³⁹ В документе год не указан, но поскольку площадь в Москве была получена в 1930 г., то вероятнее всего событие происходило в 1931 г. (вариант – 1932 г.).

⁴⁰ Книга издана Государственным антирелигиозным издательством; под заглавием: Центральный совет союза воинствующих безбожников.

⁴¹ «Кольман Арношт (Эрнест) (1892–1979) – математик, логик, историк науки, партийный функционер. Родился в семье пражского почтового чиновника, находился под влиянием сначала “отцовского чешского национализма”, потом “еврейского, на стороне матери”. Вошел в студенческую организацию “Бар-Кохба”; перевел на чешский язык книгу М. Бубера “Три речи о еврействе”. Учился в Высшей Политехнической школе и на математическом отделении философского факультета Карлова университета. Слушал лекции А. Эйнштейна; свел знакомство с М. Бродом, Ф. Кафкой, Я. Гашеком. С начала 10-ч гг. увлекся марксизмом. Был мобилизован в австро-венгерскую армию; в 1916 г. оказался в плену в

России, в Царицыне, затем в Астрахани. В Иванове-Вознесенске участвовал в событиях 1917 г. С 1919 г. знаком с Лениным; был членом “тройки” в ЧК, начальником советской партийной школы Сибревкома. С 1927 г. – зав. издательством “Московский рабочий”; основал “Роман-газету”. С 1929 г. работал в Агитпропе ЦК, с 1931 г. – в составе Комакадемии, руководитель Ассоциации естествознания. Как референт Коминтерна работал в газете “Свобода”. В 1922 г. был арестован в Германии, переправлен в Москву и до 1929 состоял в МКК. Культурный атташе во Франции, заведовал протокольным отделом в Министерстве иностранных дел (при Молотове). С августа 1929 г. до марта 1931 г. – на работе в ЦК ВКБ(б). В 30-е гг. готовил к печати рукописи Маркса. С 1932 г. – директор Института Красной профессуры, сектор естествознания. С 1936 г. – зав. отделом науки Московского горкома партии. В 1937 г. выпустил книгу “Предмет и метод современной математики”. С 1934 г. – доктор философии. С марта 1939 г. – на работе в Институте философии АН (ст. науч. сотр., зав. отделом диалектического материализма). В годы войны находился в эвакуации в Алма-Ате, преподавал логику в местном университете. В 1942 г. издал книжку “Великие достижения среднеазиатской культуры, и как фашисты тужатся их себе присвоить”. В 1942 г. работал переводчиком в 7-м отделе Политуправления РККА (у Мехлиса), сотрудничал в партийной прессе (“Руде право”, “Новая мысль”), в системе народного просвещения, участвовал в ряде дипломатических миссий. В сентябре 1948 г. был арестован, а в 1951 г. отпущен, сослан в Ульяновск. Затем по рекомендации Жданова преподавал в Московском автомеханическом институте; по указу Маленкова получил квартиру в столице. В 1953–1959 гг. работал в Институте истории естествознания и техники АН. В 1953 г. Кольман узнал о существовании кибернетики и стал ее пропагандистом (Вопросы философии. 1955. №4). В 1959 г. – директор Института философии АН в Праге. События 21 августа 1968 г. означили разрыв с советскими властями. В 1976 г. оказавшись в Швеции, Кольман попросил политического убежища и обратился к Брежневу с открытым письмом, в котором заявил о выходе из КПСС. Кольман сыграл роковую роль в деле акад. Н.Н. Лузина (1883–1950), который проходил по делу “Национально-фашистского центра” (1933); по нему был осужден и Флоренский (см.: Дело академика Николая Николаевича Лузина / Отв. ред. С.С. Демидов, Б.В. Лапшин. СПб., 1999. С.18). См. также: Демидов С.С., Паршин А.Н., Половинкин С.М. О переписке Н.Н.Лузина с П.А.Флоренским // Историко-математические исследования. М., 1989. Вып. 31. С. 191–202; Илизаров С.С. Эрнест Кольман, Никита Хрущев и ИИЕТ // Вопросы истории естествознания и техники. 1988. №1. С. 152–156; Документы о пребывании Эрнеста Кольмана в ИИЕТ АН СССР // Там же. С. 156–161; Репрессированная наука: Сб. Л., 1991. Соч.: Мы не должны были так жить. Нью-Йорк, 1982 (1-е изд. – 1979). Очевидно, не лишним будет напомнить читателю, кто входил в редколлегия журнала “Большевик”: Н. Бауман, Н. Бухарин, А. Криницкий, В. Молотов, Н. Попов, П. Поспелов, К. Розенталь, А. Стецкий, Б. Таль, Е. Ярославский. Издавался журнал тиражом в 400 000 экз.» – П.А. Флоренский. Pro et contra. Изд. 2-е. СПб., 2001. С. 799–801.

⁴² Далее следует обширный список трудов П.А. Флоренского за 1904–1922 гг. Судя по величине и точности

библиографии, Э. Кольман должен был пользоваться списком трудов П.А. Флоренского из его личного дела в ВЭИ.

⁴³ Далее следуют обширные выписки из книги П.А. Флоренского «Мнимости в геометрии», касающиеся реабилитации птолемеев-дантовой системы мира.

⁴⁴ Далее следует цитата из книги А.Ф. Лосева со с.212.

Библиографический список

1. Анкета №3109 для арестованных и задержанных с зачислением за ОГПУ // Центральный архив ФСБ РФ, №513621.
2. «Антирелигиозник». 1928. №9.
3. *Баммель К.Г.* На философском фронте после Октября. М.-Л., 1929.
4. «Безбожник». 1928, август. №16.
5. *Белов С.С., Гарбер Э.А.* На пути к Сергиеву Посаду. Путеводитель. М., 1993.
6. «Большевик». 1933. 30 июня. №12.
7. *Бонч-Бруевич М.А.* Собрание трудов. М.-Л., 1956.
8. «Вечерняя Москва». 1930. 6 января. №4/1818.
9. Воспоминания А.М. Флоренской (запись П.В. Флоренского 18 февраля 1964 г.
10. Высылка священника Павла Флоренского в Нижний Новгород. Публ. и коммент. С.М. Половинкина // Энтелехия / гл. ред. И.А. Едошина. Кострома. 2003. № 6.
11. Высылка священника Павла Флоренского в Нижний Новгород. Публ. и коммент. С.М. Половинкина // Энтелехия / гл. ред. И.А. Едошина. Кострома. 2004. № 8.
12. *Гарбер Х.И.* Против воинствующего мистицизма А.Ф.Лосева // Вестник Коммунистической Академии. 1930. 37/38.
13. «Генератор». Газета рабочих, научных сотрудников и служащих ВЭИ. Год изд. 2-й. 23 февраля 1931 г. №4 (7).
14. *Голицын С.М.* Записки уцелевшего. М., 1990.
15. [Дед безбожник]. Сонное царство // Безбожник. 1928. август. № 16.
16. Документы и фотоматериалы. М., 1996.
17. *Кольман Э.* Политика, экономика и... математика. (Доклад на заседании Общества математиков материалистов-диалектиков от 29 ноября 1930 года) // За марксистско-ленинское естествознание. 1931. №1.
18. «Московский журнал». 1992. №10.
19. Ордер №3120 // Центральный архив ФСБ РФ. №513621.
20. П.А. Флоренский. Арест и гибель. Уфа, 1997.
21. П.А. Флоренский. Pro et contra. Изд. 2-е. СПб., 2001.
22. «Плуг и молот». 1928. 1 июля, №51 (422).
23. *Половинкин С.М., Флоренский П.В.* Второй арест // П.А. Флоренский. Арест и гибель. Уфа, 1997.
24. Протокол // Центральный архив ФСБ РФ. 513621.
25. Пять лет работы Нижегородской Радиолaborатории Народного Комиссариата Почт и Телеграфов. 1918–1923. Нижний Новгород, 1923.
26. *Розанова Т.В.* Из воспоминаний // Вопросы литературы. 1990. №10.
27. *Росси Ж.* Справочник по ГУЛАГу. Ч.2. М., 1991.
28. Русская Православная Церковь и коммунистическое государство. 1917–1941. Документы и фотоматериалы. М., 1996.
29. «Социалистическая реконструкция и наука» (СО-РЕНА). вып.4. 1932.
30. *Урсынович С.* Предисловие // Н. Костомаров. Бог и его подвижники. Центральный совет союза воинствующих безбожников СССР. М.: Изд-во «Безбожник», 1930. Тираж 20000.
31. *Фридман В.Г.* Теория относительности и антирелигиозная пропаганда. М., 1932.
32. *Шенталинский В.* Удел величия // «Огонек». 1990. №45.
33. *Шитц П.П.* Дневник «Великого перелома» (март 1928–август 1931). Париж, 1991.
34. XVI съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б). Стенографический отчет. М.-Л., 1930.
35. XV съезд ВКП(б). 2 декабря – 19 декабря 1927 г. Стенографический отчет. I. М., Партиздат ЦК ВКП(б). 1935.

РЕЛИГИОЗНАЯ ФИЛОСОФИЯ И ПРОБЛЕМЫ ИСКУССТВА

УДК 1 (470)

К.В. Зенкин

Московская государственная консерватория (университет)
имени П. И. Чайковского
kzenkin@list.ru

ПОНЯТИЕ ПРООБРАЗА ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ФОРМЫ В ПРАВОСЛАВНОЙ ФИЛОСОФИИ XX ВЕКА И СПЕЦИФИКА МУЗЫКАЛЬНОГО ИСКУССТВА

Аннотация. Рассматриваются философско-эстетические теории отца Павла Флоренского, Вячеслава Иванова и монаха Андроника (Алексея Лосева), по-новому освещающие понятие прообраза художественной формы в его соотношении с воплощенным образом. Особое внимание уделяется идеям Лосева, осуществившего синтез идей Платона и Бергсона о становящемся, развивающемся прообразе, а также о прообразе как символическом тождестве идеи и материала. Освещается специфика понимания образа, а, с другой стороны, специфика действия семиотики применительно к музыке. В свете отмеченных особенностей музыки рассматриваются явления музыкального авангарда второй половины XX века.

Ключевые слова: христианство, православие, образ, прообраз, имя, эйдос, лик, икона, форма, музыка, Флоренский, Вяч. Иванов, Лосев.

Следует сразу уточнить, что в данном случае имеется в виду под словосочетанием «православная философия». Это, конечно, не православие как таковое, не религия, не мифология и не богословие, то есть не их некая «философия» в обыденном, широком и неспециализированном смысле. Это даже не религиозная (православная) философия, хотя и она, безусловно, тоже. Аналогично тому, как известный эстетик В.В. Бычков разделяет христианскую культуру и христианскую религию (первая, по его диагнозу, умерла, вторая – нет [4, с. 10]), возможно разделить собственно православие как религию и те явления, которые образуют внецерковную православную культуру: быт, мораль, искусство, философию. И, коль скоро Бычков полагает, что христианская культура закончилась вместе с XX веком, то есть в течение нескольких последних веков была отнюдь не церковной, а преимущественно светской, то и под православной философией возможно видеть не только собственно философию православия, но и ту философию, для которой православные догматы составляют аксиоматику и естественную основу.

Исходные аксиомы философских систем формулируются всегда осознанно, иначе эти системы не были бы философскими. Однако другие

ветви культуры могут пользоваться религиозными идеями и мифологемами бессознательно. Так, идея Прообраза, Первообраза, Абсолюта буквально пронизала собой все европейское искусство от античности до авангарда включительно, и только постмодернизм сознательно от нее отказался, что, пожалуй, и поставило точку в процессе умирания всей христианской культуры (если, конечно, согласиться с мнением Бычкова).

Идея прообраза имела, как известно, дохристианское происхождение и свое ярчайшее в истории философское утверждение получила у Платона, а затем в многовековом течении неоплатонизма. Для Платона и его последователей вопрос о соотношении образа и прообраза решался ясно и логично: раз высшие ипостаси посредством эманации (истечения) определяют низшие, то низшие, безусловно, несовершеннее, в них идея все более затемняется материей. Поэтому искусство для Платона ниже реальной действительности: если последняя – это тень бестелесных «умных» (то есть находящихся в Мировом Уме эйдосов), то искусство – «тень тени».

Усматривать исток искусства в горнем, небесном мире – едва ли не ведущая идея всей европейской культуры, получившая особенно интенсивное раскрытие в искусстве романтизма и

символизма. Вячеслав Иванов в работе «О границах искусства» довел эту идею до своеобразного теоретического и даже схематического изложения, связав с процессом зарождения и созревания художественного замысла. Понимая зачатие произведения искусства как линию восхождения, Вяч. Иванов выделяет в ней фазы «дионисийского волнения» (собственно устремление ввысь), «дионисийской эпифании» и «катарсиса, зачатия» («интуитивное созерцание или постижение» – как бы предощущение образа, но еще не сам образ). Рождение же художественного произведения связывается Вяч. Ивановым с нисхождением, на котором происходит обретение прообраза формы («аполлонийское сновидение») и при дальнейшем нисхождении «художественное воплощение» – реализованная форма. Так, прообраз предстает в виде *процесса* «дионисийского воления», начавшегося в вершинной точке «катарсиса – зачатия» (когда сам замысел пока как бы умещается в одной нерасчленимой точке), развернувшейся затем в более или менее детализированную мысленную картину, которая, в свою очередь, обретает «плоть и кровь» в произведении [6, с. 201–203].

Новоевропейское классическое понимание искусства как чрезвычайно высокой области бытия и познания, можно сказать, и явилось одним из тех неосознанных (или полусознанных) последствий христианства, о которых шла речь. Христианство, будучи по ряду основополагающих принципов в полном несогласии с платонизмом (согласно воззрениям христиан, мир возникает не в процессе эманации, а как результат личного творчества), во многом сходилось с ним: это касалось признания Первообраза, противопоставления идеи и материи, души и тела. Соотношение образа и первообраза обрело в христианской культуре более сложный и напряженный вид. Идея превосходства прообраза над образом (воплощением) оказалась неистребимой в условиях христианской культуры, постулировавшей падшее состояние сотворенного мира. В особенности здесь вспоминается томление романтиков по недостижимому идеалу и трагедия невозможности полного выражения замысла (Гофман, Тютчев). Примечательно однако что сама идея полного, адекватного выражения прообраза провозглашена в качестве идеала, а не отвергнута как абсурдная априори. Ясно, что возможность упомянутого провозглашения была предоставлена самой сущностью христианской культуры.

Ряд ключевых для христианства истин (единственность ипостасей Троицы, Боговоплощение, Богоявление, пресуществление хлеба и вина в плоть и кровь Христа) по-новому, совсем не в платоновском духе, трактовали соотношение образа и Прообраза. Православная мысль об искусстве прошла долгий, тернистый путь, чтобы в XX столетии философски выявить все своеобразие в наследии о. Павла Флоренского и монаха Андроника, более известного под именем А.Ф. Лосева.

Флоренский подчеркивал, что прообразом иконного образа является не просто лицо святого, а его *лик*. Лик, согласно Флоренскому, выражает личность во всей ее полноте и глубине, лицо может отступать от идеальной сущности, реагируя на минутные преходящие состояния реальной жизни, личина искажает суть личности, извращает и портит ее [см.: 15, с. 54].

Тогда получается, что искусство – уже не «тень тени», а путь к высшему свету и «рассеивание теней» реальной действительности, ее *преображение*. Следует подчеркнуть, что уже в античности (Аристотель, Плотин) именно так понималась концепция мимесиса – как подражания не реальным вещам, а их вечным идеям – эйдосам. Идеализация реальности – основа основ и античной, и новоевропейской классической эстетики, а затем и романтической. Флоренский идет еще дальше, утверждая, что *иконы – это сами святые*: «Где бы ни были мощи святого и в каком бы состоянии сохранности они ни были, воскресшее и просветленное тело его в вечности есть, и икона, являя его, тем самым уже не *изображает* святого свидетеля, а *есть* самый свидетель» [15, с. 190]. В сноске о. Павел добавляет: «Образ оказывается тождественным первообразу, что категорически отвергали преп. Иоанн Дамаскин, преп. Феодор Студит и другие защитники иконопочитания» [Там же].

Здесь не место рассуждать, какие последствия данное тождество имеет для религиозного сознания – отметим лишь, что столь резкое его постулирование оказалось возможным и необходимым в имяславском контексте. Имяславие было в начале XX века квалифицировано как ересь, как теперь выясняется, в основном из политических соображений. Не стоит забывать, что официальная православная мысль находилась под сильным влиянием западного теологического дискурса и «проглядела» наиболее специфичное для Восточной церкви учение, восходящее к исихазму и фи-

лософии Григория Паламы.

Нам гораздо важнее сейчас понять, *что* отмеченное тождество образа и первообраза дает эстетике и искусствоведческим наукам. Если первообраз выражен полностью, «без потерь», значит, физическая материя, из которой сделано произведение, не затемняет идею, а, напротив, создает условия для отождествления, слияния с ней. Тем самым создается важное методологическое обоснование понимания всех материальных элементов художественной формы как осмысленных, обладающих той или иной символической выразительностью.

Следующее важное следствие касается соотношения понятий «образ» и «имя», что приносит семиотическую проблематику. Приведенный тезис Флоренского («иконы – это сами святые») однозначно отсылает к имяславскому положению «Имя Божие есть сам Бог» (хотя Бог не есть имя). Тем самым образ приравнивается Флоренским к имени, рассматривается как одна из его многочисленных возможных форм. Имя – это, прежде всего, слово, именно так оно понималось изначально. В византийском православии имя отличается от образа и играет несравненно большую роль. В. Бычков, комментируя текст IX века «Житие Константина», резюмирует: «Надпись на иконе идентифицировала изображение, утверждала однозначность соответствия между образом и оригиналом и тем самым как бы удостоверяла истинность изображения. Подобие облика и тождественность имени – вот в общем случае главные признаки адекватности образа для византийских иконопочитателей» [5, с. 11].

Сам Флоренский не оставил детально разработанной философии имени – это сделали о. Сергей Булгаков и Лосев. Последний, опираясь на учение Григория Паламы об энергиях сущности, на постановления Четвертого Константинопольского собора 1351 года о Фаворском свете [11, с. 85–86], на приведенные выше положения Флоренского, анализирует имя как концентрацию смысловых энергий сущности, направленную на встречное понимание извне – со стороны воспринимающего сознания. Лосев не сводит имя только к слову как обозначению, но выделяет в слове-имени как смысле следующие слоги: схему (число), логос (собственно слово как понятие), эйдос (понятие в его алогическом становлении – мысленный картинный образ, лик), символ и миф (по Лосеву, «развернутое магическое имя» [8,

с. 696–700].

Тем самым изображение и слово оказываются моментами имени в широком смысле – имени, полностью *выражающего* сущность и доносящего ее до нашего осмысления. Имя (а значит, и образ) трактуется Лосевым как арена встречи познаваемой сущности и познающего сознания. Ведь иконы, которые суть сами святые, все же были созданы людьми, а значит, не могли не отразить, помимо своих прообразов, мироощущения (духовной энергии) своих создателей. В самом деле – иконы менее всего похожи на фотографические изображения, они отражают коллективное религиозное сознание и видение эпохи, подчиняясь особому, специфическому стилю. Но духовная энергия средневековых иконописцев была направлена на то, чтобы не допустить в изображения иконных ликов ничего случайного, внешнего, преходящего, субъективного, отрешиться от самости, подчинить свое «я» высшей благодати. Все это не означает, что энергия личности иконописца не проявляется – напротив, проявляется максимально интенсивно, но не так, как у художника Нового времени, а в церковном жертвенно-подвижническом служении. Отказ от индивидуализма выразился в мифе о «явленных иконах». А чудотворные иконы могут служить прекрасной иллюстрацией действия образа как «развернутого магического имени» – так Лосев определяет миф в самом кратком варианте [9, с. 404].

В описанной ситуации жизненный реальный прообраз оказывается практически тождественным прообразу художественному. Именно поэтому Флоренский называет православную икону (как, впрочем, и древнегреческую статую) реалистическим искусством. Но когда индивидуальное видение берет верх, на первый план выступает прообраз специфически художественный – прообраз художественной формы, в котором все реальные прообразы могут подвергаться сильной стилизации и подчиняться оригинальной авторской концепции. Художественный прообраз (идея в уме автора) становится чем-то предельно неуловимым и виртуальным, даже в случаях, когда художник пишет с натуры, он властно подчиняет натуру своей собственной энергии. От натуры может оставаться только внешняя форма – например, когда прообразами некоторых мадонн Рафаэля служили известные куртизанки.

Слово «образ» также имеет двоякий смысл. Оно употребляется и безотносительно к искус-

ву, обозначая изображение чего-либо – реальное или мысленное (в представлении). Но, кроме этого, образ понимается как спецификум художественного мышления, его основа и «единица» и противопоставляется понятию как единице рационально-логического, научного и философского мышления. И опять же, в иконописи два значения слова «образ» – художественное и нехудожественное – совпадают. Не случайно «образ» стал синонимом слов «икона» и «лик». Но если лик стал пониматься как идеал, высшее выражение самой сущности человека и для Флоренского стал синонимом эйдоса, то слово «образ» имело значительно более широкое употребление. Образы могут быть самые разные: возвышенные и низменные, гротескные, смешные. В изобразительном искусстве и литературе художественные образы создаются в качестве своеобразных модификаций образов реальности – характер модификации определяется авторским видением и авторской концепцией.

Совсем иная ситуация и иное понимание категории образа в музыке. Прежде всего, художественный (и в том числе музыкальный) образ, в качестве смысловой «единицы», представляет собой нечто устойчивое, представление некоей «картины», что прямо противоположно природе музыки. Тем не менее, музыка, как теперь становится вполне ясно после знакомства с архаическими музыкальными практиками, с одной стороны, и с самыми новейшими явлениями, с другой, именно на классическом этапе своего существования обнаруживала наибольшую близость другим искусствам в плане бытия художественного смысла и его донесения до слушателя. Музыка именно этой эпохи (XVII–XIX веков) предполагала наличие некоего смысла, или, как часто говорят, содержания, выраженного при помощи ее собственных средств.

Мы настолько привыкли к бытию музыки в форме произведения – по сути дела, вещи, предмета, наподобие книги, картины, статуи или архитектурного сооружения, что с трудом можем вообразить какие-либо иные формы музыкального бытия. Определенность музыки получила символизацию сначала (с XVI века) в виде нотных изданий (те же книги), а с XX – и в виде пластинок. Также мы привыкли, что произведения-предметы делаются определенными людьми – композиторами, которые делают их затем, чтобы сообщить некие смыслы – *образы*. С самых первых

шагов музыки в качестве самостоятельного искусства, не зависящего от слова, танца или каких-то других явлений быта, она организовывала свои высказывания в значительнейшей части по образу и подобию словесных искусств, ориентируясь сначала на риторику (барокко и классицизм), затем на поэзию (романтизм). И только в конце XIX века, благодаря художественному перевороту символистов, подготовленному немецким романтизмом и Вагнером, музыка была признана высшей сущностью, которая не нуждается ни в каком образце для себя, а, напротив, сама является таким образцом для всех прочих искусств.

Обозначенная форма бытия музыки в классическую эпоху предполагала, что автор создает музыкальное произведение (как и литературное или живописное), руководствуясь той или иной идеей или образом, или же и тем, и другим сразу. Хотя слово «идея», казалось бы, более соответствует литературе, а «образ» – изобразительным искусствам, на практике в течение веков оба понятия применялись к любому виду искусств, в том числе к музыке. Это вполне понятно и обусловлено спецификой художественного мышления, которое также называют образным: идея и образ в искусстве всегда взаимопроникают друг в друга. Надо сказать, что это взаимопроникновение прекрасно отражалось в древнегреческом понятии «эйдос», которое означало и «идею», и «форму», и «лик», и «сущность».

На сегодняшний день у музыкантов нет общепризнанного понимания слова «образ», которое всегда активно используется исполнителями в педагогической практике, как и на уровне внеучебных разговоров о музыке (например, в популярных лекциях, эссе или на уроках музыкальной литературы). Но музыковедение «побаивается» этой фундаментальной категории – и неспроста. Исторически сложилось так, что образ стал категорией эстетики и теории любого искусства, но не музыковедения.

Перечислим основные варианты использования слова «образ» применительно к музыке. Нехудожественное понимание образа естественно приводит к тому, что о музыке говорят как об искусстве преимущественно без образов, имея в виду, что она не всегда, а скорее в виде исключения изображает некие предметы и явления.

Но если стоять на позициях классической эстетики, утверждающей, что любое искусство мыслит образами, то, что в таком случае следует

понимать под музыкальным образом? Нередко музыкальными образами называют те свободно-ассоциативные, субъективные немusикальные представления, которые сопутствуют слушанию музыки, как, например, стук капель дождя в известнейшей Прелюдии Шопена. И хотя такое понимание образа тоже возможно, но наиболее точно и корректно музыкальный образ будет понять как существующий в самой музыке, без привнесения субъективных ассоциаций, которые не являются необходимыми. В таком случае это будет существующий в сознании образ самого звучания, представление звучащей музыки.

Тогда под прообразом музыкальной формы будет пониматься предслышание (более или менее ясное) звучания, либо же некие немusикальные идеи или образы, так или иначе, на звучание влияющие. Говоря о «переводе» немusикального на язык музыки, на выражение в музыкальных знаках, символах, мы касаемся семиотической сферы. По словам Г. Орлова, «создание музыки является, говоря техническим языком, кодированием, а слышание – декодированием смысла, значения, духовных ценностей – всего того, что музыка говорит искушенному слушателю» [13, с. 261].

Сходные мысли высказывал и М. Г. Арановский. Написанное выдающимися музыковедами вполне можно принять в качестве метафоры и в самом общем плане: действительно, музыка в европейской классической культуре понимается как некое сообщение, ее звучания, несомненно, отражают некие реалии, а не замыкаются на самих себе. То, что слово «декодирование» в приведенной цитате Орлова является метафорой, подтверждается дальнейшим ходом мысли автора: «Семиотический подход к не собственно языковому, в частности, художественным явлениям оказался неспособным не только объяснить, но даже принять во внимание специфические и принципиально важные для них свойства» [13, с. 328]; «музыка не является ни надстройкой над естественным языком, ни знаковой системой» [13, с. 332].

Но если мы посмотрим на понятие «кодирования» с позиции композитора, сочиняющего произведение, а на понятие «декодирования» – с позиции слушателя, находящегося на концерте, то сразу увидим существенные натяжки. Они особенно заметны при детализации и попытках развития упомянутых идей. Так, музыковед, анализируя труды Арановского, пишет: «Таким образом, мы можем вывести следующую логическую

цепочку: музыкальное мышление создает информацию, которая с помощью музыкального языка кодируется, облекаясь в некоторую материальную структуру, в качестве которой выступает текст музыкального произведения» [14, с. 7].

Но, сочиняя пьесу, обязательно ли композитор создает некую информацию (прообраз), чтобы ее закодировать с помощью музыкального языка? Занимается ли композитор «кодированием», то есть зашифровкой точно определенной, конкретной информации при помощи знаков с точно и однозначно определенными значениями? И тут дело не только в определенности информации и в однозначности значений, неизбежных при кодировании – это отдельная важная проблема. Сейчас вопрос нужно поставить несколько иначе: обязательно ли и так ли уж часто композитор, сочиняя произведение, отделяет «информацию» (да и в информации ли здесь суть?) от средств выражения?

Таким образом, от семиотики мы естественно возвращаемся к проблеме прообраза музыкального высказывания (формы) – вопроса необычайно сложного и деликатного, ибо, в отличие от самого высказывания (формы), музыкальный прообраз почти совершенно нефиксируем, неуловим и с трудом вписывается в круг фактически и налично данных явлений. В лучшем случае можно допустить его существование, но как изучать и описывать нечто еще не проявленное и поэтому неопределенное?

Сформулированная Флоренским с предельной резкостью идея тождества образа и прообраза получила богатое и оригинальное развитие у Лосева, создавшего в книге «Диалектика художественной формы» специальное учение о первообразе, которое рассеивает многие из распространенных заблуждений и представляет суть искусства более разносторонне и динамично, чем многие современные теории.

Говоря о первообразе, Лосев, в отличие от Флоренского, имеет в виду не его религиозное понимание, запечатлевшееся в иконописи, а чисто художественное. Далее Лосев пишет о первообразе не персонажа и даже не произведения, а художественной формы. При этом художественная форма понимается максимально широко – не в паре с понятием содержания (как у Гегеля), а в качестве высшего единства всех духовных и материальных составляющих. Говоря кратко, согласно Лосеву, «художественная форма – это личность

как символ» [10, с. 46–47]. При таком понимании художественной формы ее отличие от завершенного и зафиксированного произведения европейской классической традиции минимально, и им можно было бы пренебречь. Но произведение, как мы знаем, лишь частный случай среди возможных форм существования музыки, которая испокон веков бытовала в виде деятельности, открытого процесса. Произведения может и не быть, но художественная форма есть всегда: будь то форма импровизации, хэппенинга, обрядового действия или коллективного празднества. Форма, спонтанно рождающаяся во времени, изначально для временных искусств, и в законченных художественных текстах всегда запечатлевается и живет это изначально энергично-актуальное, действенное понимание искусства.

Итак, в системе Лосева художественная форма образует диалектическую пару не с содержанием, а со своим собственным первообразом, что существенно акцентирует процессуально-действенный, преобразующий аспект искусства.

Вслед за Флоренским Лосев утверждает диалектико-антиномический метод осмысления художественных реальностей. Так, согласно первому тезису, «художественная форма предполагает некоторый первообраз, независимый от нее и служащий для нее прообразом» [10, с. 79]. Но данному неоспоримому, с точки зрения привычных классических представлений, тезису тут же противопоставляется антитезис: «художественная форма не предполагает никакого предшествующего и предопределяющего ее первообраза, но сама впервые создает этот свой первообраз» [10, с. 81]. Такая точка зрения, в корне противоположная классической, утвердилась в начале XX века, и одним из ее инициаторов стал Анри Бергсон: «Как будто вещь и идея вещи, ее реальность и ее возможность, не создаются одновременно, если речь идет о подлинно новой форме, творимой искусством или природой!» [1, с. 92].

И это также неоспоримо: хорошо известно, какие подчас случайные и внешние импульсы выступали в роли первоначала выдающихся произведений. Часто автор идет не от идеи или образа, а от материала, послушно следуя его логике. Впрочем, важно подчеркнуть, что представленная антиномия завершается синтетическим обобщением: «художественная форма есть творчески и энергично становящийся (ставший) первообраз себя самой, или образ, творящий себя самого

в качестве первообраза, становящийся (ставший) своим первообразом» [10, с. 82]. Именно такой взгляд ближе всего к стихии реального художественного творчества.

Возможен вопрос: почему нельзя ограничиться только тем выводом, который дан в лосевском синтезе? Зачем нужно формулировать антиномию? Здесь стоит иметь в виду следующее. То, что замысел растет постепенно, можно утверждать с достаточной уверенностью. Но, если бы мы констатировали только рост и становление прообраза вместе с формой, то вынуждены были бы признать, что работа начинается со смыслового «нуля». Однако, даже начиная работу над произведением с какой-либо детали, автор не может не руководствоваться, пусть подсознательно, неким предощущением смысла целого. И вот именно этот целостный смысл как прообраз, данный в самом начале, растет вместе с формой – от смутного предощущения идеи до ее максимальной конкретизации.

Впрочем, в этом случае может возникнуть вопрос: если первообраз не предшествует художественной форме, а рождается и становится вместе с ней, тогда зачем вообще нужно это понятие? Все же практика художественного творчества показывает, что за понятием первообраза кроется та или иная реальность. Коль скоро искусство всегда имеет дело с символическим выражением личности, значит, всегда есть нечто выражаемое: это первообраз художественной формы. Но он сам становится вместе с формой, поэтому невозможно говорить, что в искусстве выражаемое можно отделить от выражающего: они рождаются и растут только вместе, нераздельно.

Но, что Лосев особо подчеркивает, именно первообраз выступает в отношении формы критерием и нормой, критерием адекватной выраженности смысла или, с другой стороны, полной осмысленности (преображенности) материи в искусстве. Иначе говоря, динамичный, развивающийся первообраз (в отличие от неподвижной модели или шаблона) составляет специфику художественного мышления и художественной деятельности. Музыка же эту специфику демонстрирует с максимальной откровенностью.

Далее Лосев детализирует антиномии первообраза, о которых скажем более кратко. Он говорит об антиномиях сознательного и бессознательного, свободного и необходимого, чувствую-

мого и нечувствуемого, невыразимого и выразимого в первообразе и его взаимоотношениях с формой, о тождестве первообраза и художественной формы и их различии.

Если проанализировать динамику становления первообраза, то мы увидим, что он соотносим с целым рядом совершенно разноплановых феноменов, среди которых назовем:

- первичное, невыразимое духовное движение, смутное предчувствие смысла; единовременное ощущение некоей цельности, пока еще нерасчленимой (то, что Вяч. Иванов называл «катарсисом-зачатием»);

- канон как предзаданная модель для музыкального выражения (в том числе словесные тексты, фигуры танца и т. п.);

- замысел;

- внешний повод, в том числе заказ;

- внемузыкальные факторы, в том числе явления окружающего мира или литературные произведения;

- материал;

- техника (как аспект композиционного метода);

- стиль;

- композиционный план;

- тематический материал;

- композиторское предслышание произведения или его фрагментов;

- исполнительское предслышание произведения как целого – поиск его художественно-смыслового инварианта – прообраз звучащего музыкального текста.

Как видно из приведенного самого предварительного и далеко не полного перечня, не претендующего на системность, с первообразом соотносятся явления глубоко внутренние, интимные, и предзаданные извне; явления, свидетельствующие об индивидуализированном смысле и – наряду с ними – явления самого общего, материального порядка. Каждый из них может выступить на первый план и стать определяющим в создании уникального образа. Иначе быть не может: художественная форма есть «становящееся (и, стало быть, ставшее), т. е. энергично-подвижное тождество смысловой предметности и качественной фактичности, или символическая структура» [10, с. 56]. (То, что Лосев называет смысловой предметностью, смыслом, обычно называют планом содержания, а фактичность, факт – план выражения, форма с точки зрения ее чисто мате-

риального состава). Коль скоро так, то и *в первообразе формы символически (неслиянно и нераздельно) соприсутствуют смысл и материал*. Традиционно-классические, привычные представления о прообразе произведения как только лишь о его «идее», во власти которых находился и Вяч. Иванов, грешат идеалистичностью и недооценкой силы и значения материала.

Также очевидно совмещение явлений, относящихся к различным этапам творческого процесса, что свидетельствует еще об одном существенном отходе от классических представлений: первообраз – это процесс, становление (Лосев синтезировал позиции Вяч. Иванова и Флоренского). Подчеркну, что данное положение справедливо даже в тех случаях, когда определяющим фактором первообраза является канон, например, слова с мелодией в григорианском хорале, знаменном роспеве или старинной народной песне (в последнем случае «канон» более условен и подвижен, но отрицать наличие определенного образца невозможно и здесь). Для современного музыканта возникает невольный соблазн сравнить данную ситуацию с исполнительским искусством. Например, для пианиста прообразом его исполнения является внутреннее интонирование фиксированного (а потому «канонического») нотного текста произведения. Но в отмеченных нами случаях как раз нотного-то текста и не было! Канон существовал исключительно в памяти людей и не в качестве текста-вещи, а в виде подвижного, динамичного представления. Феномен же одномоментного, единовременного представления целой композиции сложился довольно поздно, по предположению А.В. Михайлова, анализировавшего известное «письмо Моцарта», только в музыке зрелого классицизма конца XVIII века [12].

Невменная нотация, как это максимально точно показал Орлов, является лишь уточняющим дополнением к устной традиции и сопоставима с завязыванием «узелков на память». Конечно, в таких ситуациях следует говорить не об индивидуальной интерпретации авторского замысла (ибо автора еще не было), а о следовании прообразу («канону»), который живет «внутри» человеческого сознания, в коллективной и индивидуальной памяти, и следование это индивидуально по необходимости (иначе просто не может быть при отсутствии фиксированного текста) и по необходимости же – процессуально-действенно.

А вот одномоментное представление цело-

го произведения (результат композиции), которое звучит «как бы все сразу» – это заключительная фаза прообраза для композитора типа Моцарта, записывавшего всегда помарок и исправлений уже полностью составленный в уме текст. Следует подчеркнуть, что только к эпохе Моцарта сложилось чисто музыкальное понимание формы, а значит, и ее прообраза. В фольклоре, как и различных видах древнего (донотного) церковного пения, о композиции как планомерно выстроенном и схваченном сознанием целом можно говорить лишь условно, метафорически. Это подтверждают явления, которые, на первый взгляд, можно отнести к начальному этапу истории композиции, например, многоголосные мотеты XIII–XIV веков. Сам характер их многоголосия и ладового мышления свидетельствует о том, что в сознании первых композиторов еще не было представления о целостном, результирующем звучании всей звуковой ткани. Впрочем, представление о многоголосной фактуре, о вертикали как единстве установилось уже в XVI веке. А вот представление о композиции как заранее обозримом целом еще в эпоху барокко несло ощутимый след импровизационного подхода к музыке и музцированию. Как пишет Л.В. Кириллина, «нетрудно заметить, что форма и план выступают у двух авторов 1760-х годов (когда новая, классическая, «моцартовская» концепция формы еще только формировалась. – К.З.) как очень близкие понятия, но если план включает в себя две стадии (концепцию и процесс ее реализации), то форма возникает как результат. Поэтому неудивительно, что некоторые теоретики XVIII века описывали форму не как нечто твердое и устойчивое, а наоборот, как нечто случайное, поверхностное, изменчивое» [7, с. 115].

Здесь мы подходим к проблеме, чрезвычайно существенной для понимания прообраза художественной формы в классико-романтической европейской музыке, – проблеме предслышания, внутреннего интонационного представления музыки. С какого момента обычно говорят о сочинении музыки, о композиции? Вероятно, с интонирования – с момента, когда разрозненные «фонемы», например, ряд тонов, преобразуется в интонацию – музыкально выраженный смысл, по Б.В. Асафьеву. Интонация, согласно классическому убеждению, порождается сознанием человека и всецело ему подконтрольна. Но, как мы видели, так не всегда было, а XX век принес значитель-

ные перемены во всю систему привычных категорий. Надо сказать, что перемены оказались плодотворны, ибо позволили уточнить и осмыслить в новом свете положение дел в музыкальной классике. Один из ярчайших примеров такого рода – переосмысление Лосевым понятия прообраза художественной формы.

Но не в меньшей степени сама практика музыкального авангарда, неотделимая, впрочем, от теории, переосмыслила понятия материала и техники. Оказывается, что понимание материала в музыке всегда было весьма специфично и практически нематериально. В отличие от живописи, для которой в качестве материала выступают краски, холсты, а также линии, цвета и т.п., в музыке материал невеществен, по сути – виртуален. Это прежде всего ряд тонов, тембры инструментов, человеческие голоса, заполняемое музыкой время и пространство. Лады, тональности тоже возможно воспринимать как материал, но уже не столь «чистый», в значительной степени насыщенный смыслом – это материал, еще не несущий художественного смысла, но дающий его потенцию («этос лада») и «тронутый» техникой. Лад как система тяготений – одновременно материал и техника.

Но музыканты пошли еще дальше по пути проникновения материала в смысловую область. Так, принято выражение «тематический материал». Музыкальная тема соответствует тому, что в литературе безоговорочно относится к области смысла, содержания – ее нередко сравнивают с персонажем или, как уже говорилось, называют «музыкальной мыслью». И вот – мысль тоже становится материалом – материалом для развития и построения произведения (в этом отношении она является одной из многочисленных граней прообраза формы – причем именно с тематизма чаще всего этот прообраз становится фиксируемым и доступным для наблюдения).

Двадцатый век принес новое отношение к материалу. Принято говорить, что создание серии в додекафонной технике – это прекомпозиционный (докомпозиционный) этап работы, на котором отбирается и упорядочивается материал, но еще не всегда начинается собственно интонационная работа и интонационное предслышание. Но, собственно, приставка до- имеет смысл только с позиций классической музыкальной эстетики.

Следующий шаг – многопараметровые се-

риальные композиции, в которых ряд тонов уже невозможно воспринимать как материал – материалом становятся теперь еще более виртуальные феномены: отдельные параметры (границы) звука, а сами звуки выступают как результат пересечения этих параметров. И вот тут с интонационным предслышанием дело еще сложнее. Интонация начинает выходить из-под власти автора произведения, что красноречиво и правдиво отражает реальную ситуацию: человек больше не владеет смыслом, а обречен на его вечные поиски – в данном случае, поиски и обнаружение интонации.

Обозначенная тенденция пришла к своей кульминации в электронной музыке, весь пафос которой виделся во впервые представленной возможности, по словам Штокхаузена и Кейджа, изобретать сам материал, а не пользоваться только тем, что дали природа, изобретенные инструменты. Но если материал изобретается, то материал ли это в строгом смысле слова? Или уже во многом результат композиции? При этом композитор может синтезировать никогда не существовавшие звуки, опираясь на свою фантазию (предслышание несуществующего) – и тогда изобретенный материал уже будет воплощенным образом. Но возможен и часто применим другой вариант: композитор находит новые звучания, которые никогда не предслышал, не мог о них помыслить. Тогда мы опять приходим к ситуации поиска, одновременно с материалом, образа и смысла.

В описанных случаях первообраз произведения все больше погружается во внеинтонационную сферу – в его роли могут выступать математические построения, графики и диаграммы (в электронных композициях) или поэтические словесные описания, предполагающие звучания более или менее определенного характера, но неизвестно, какие именно (в интуитивной музыке). Прообраз фактически становится текстом произведения, далеко не всегда несущим интонационную конкретику и предполагающим различные интонационные воплощения.

В этой ситуации меняется значение композиторской техники. Техника, в традиционном классическом понимании, относится к дохудожественному слою музыки, это принципы упорядочивания материала идей и знак пространственно-временного порядка композиции в ее становлении. Но чем более материал становится образом, тем скорее техника дорастает до значения идеи произ-

ведения. Сама же музыка возвращает себе статус действия во времени, не обязательно отраженного в тексте-предмете, а ее первообраз с гораздо большей активностью, чем в музыкальной классике, внедряется во внеинтонационную сферу. Но если в допотопных традициях текст выступал как бы постфактум живого интонирования (принцип «узелков на память»), то в авангардной музыке он стремится остаться в роли первообраза (*при этом в различных произведениях графические тексты могут представлять совершенно различные стадии становления первообраза*), в котором интонационное воплощение не обязательно предслышится.

Что же тогда можно сказать о смысле произведения, его идее или, если угодно, передаваемой им «информации»? Вероятно, необходимо осознать, что суть теперь – не в передаче смысла (это частный случай в истории музыки), а в организации осмысленного проживания времени, что было и остается универсальной характеристикой музыки на все времена. Согласно Бергсону, предложившему принципиально антиплатоновское понимание формы, «форма есть всего лишь запечатленное движение» [3, с. 214]. Музыка – всегда действие во времени, и лишь на локальном этапе истории это действие захотело обернуться вневременной «идеей», «картиной», «симфонией», не переставая в то же время оставаться действием. Музыка – всегда средство воздействия, но иногда это воздействие подается в том числе и как сообщение смыслов.

Лосевское учение о прообразе художественной формы, обобщившее европейский опыт при аккумулировании специфически восточно-христианских традиций, наиболее универсально, ибо отвечает и принципам классического искусства, и арт-практикам совершенно иного рода. В наибольшей степени идеи тождества образа и прообраза, символического тождества художественного смысла и материала, отсутствия прообраза как неподвижной идеи и апология прообраза как процесса отвечают специфике музыки, в особенности, на новейшем этапе ее истории.

Библиографический список

1. Бергсон А. Из сборника «Мысль и движущееся». Введение. Часть первая. Возрастание истины. Возвратное движение истины / Анри Бергсон. Избранное: Сознание и жизнь / пер. и сост. И.И. Блауберг. М.: РОС-СПЭН, 2010. С. 83–98.

2. Бергсон А. Из сборника «Мысль и движущееся». Возможное и действительное / Анри Бергсон. Избранное: Сознание и жизнь / пер. и сост. И.И. Блауберг. М.: РОССПЭН, 2010. С. 151–163.
3. Бергсон А. Из сборника «Мысль и движущееся». Жизнь и творчество Равессона / Анри Бергсон. Избранное: Сознание и жизнь / пер. и сост. И.И. Блауберг. М.: РОССПЭН, 2010. С. 196 – 224.
4. Бычков В.В. 2000 лет христианской культуры sub specie aesthetica: в 2 т. Т.1. Раннее христианство. Византия. М.-СПб.: Университетская книга УРАО, 1999. – 575 с.
5. Бычков В.В. 2000 лет христианской культуры sub specie aesthetica: в 2 т. Т. 2: Славянский мир. Древняя Русь. Россия. М.-СПб.: Университетская книга УРАО, 1999. – 527 с.
6. Иванов В.И. Родное и вселенское / сост., вступ. ст. и примеч. В.М. Толмачева. М.: Республика, 1994. – 427 с.
7. Кириллина Л.В. Классический стиль в музыке XVIII – начала XIX века: в 3 частях. Ч. 2: Музыкальный язык и принципы музыкальной композиции. М.: Издательский Дом «Композитор», 2007. – 224 с.
8. Лосев А.Ф. Бытие. Имя. Космос / вступ. ст. А.А. Тахо-Годи; послесловия В.П. Троицкого, Л.А. Гоготшвили; коммент. И.И. Маханькова. М.: Мысль: Рос. открытый ун-т, 1993. – 958 с.
9. Лосев А.Ф. Диалектика мифа. М.: Мысль, 2001. – 559 с.
10. Лосев А.Ф. Диалектика художественной формы // Лосев А.Ф. Форма – Стиль – Выражение / послесл. В.В. Бычкова, М.М. Гамаюнова. М.: Мысль, 1995, С. 5–296.
11. Лосев А.Ф. Имя.: Избранные работы, переводы, беседы, исследования, архивные материалы / сост., общ. ред. и вступ. ст. А.А. Тахо-Годи. СПб.: Алетейя, 1997. – 614 с.
12. Михайлов А.В. Вольфганг Амадей Моцарт и Карл Филипп Мориц // Михайлов А.В. Языки культуры: Учебное пособие по культурологии / предисл. С. Аверинцева. М.: Языки русской культуры: Кошелев, 1997. С. 748– 757.
13. Орлов Г. Древо музыки / предисл. М. Друскина. Вашингтон-СПб.: Советский композитор, отделение Frager, 1992. – 408 с.
14. Полозов С.П. Понятие информации и информационный подход к в исследованиях М.Г. Арановского // Проблемы музыкальной науки. Уфа: УГАИ, 2012. № 1 (10). С. 6–11.
15. Флоренский П.А. Иконостас. СПб.: Общество памяти игумении Таисии, 2006. – 192 с.

УДК 1(09)

А.Е. Крикунов

Елецкий государственный
университет им. И.А. Бунина
akr1975@mail.ru

ПРОБЛЕМА ИЕРАРХИИ В ФИЛОСОФИИ П.А. ФЛОРЕНСКОГО: «ИЕРАРХИЯ НЕБЕСНАЯ» И «ИЕРАРХИЯ ЗЕМНАЯ»*

Аннотация: Статья посвящена рассмотрению представлений об иерархии в философии П.А.Флоренского. Привлекая широкий круг источников, автор предпринимает попытку выявления оснований представления об иерархическом устройстве мира. Также утверждается необходимая взаимосвязь онтологии и гносеологии Флоренского с предполагаемой им моделью социальной иерархии.

Ключевые слова: онтология, иерархия, тождество, государство.

Проблема иерархии, то есть особого способа организации сложных многоуровневых систем, обычно не рассматривается в качестве одной из центральных проблем в русской философии. Вызвано это, впрочем, не столько отсутствием соответствующего комплекса рассуждений, сколько тем, что означенная тематика всегда тем или иным образом вплетена в рассмотрение проблем куда более аутентичных: личности, Абсолю-

та, Софии, всеединства. Тем не менее, иерархия все же является некоторым особым, отдельным сюжетом в русской философии. Хотя бы потому, что мы можем наблюдать не только дискуссию о реальности/нереальности иерархического отношения, тематизируемую, например Лосским и Бердяевым, но и целый набор онтологических схем, неотъемлемой частью которых является то или иное решение относительно характера отно-

* Публикация подготовлена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (грант РГНФ 13-16-48011 «Проблема иерархии в философско-педагогическом контексте (на материале русской философии конца XIX – первой половины XX вв.)»).

шений между уровнями, а также, и это наиболее существенный момент темы, то или иное решение относительно перспектив иерархии в истории.

Пожалуй, у нас нет основания считать работы Флоренского действительной вехой в истории рассуждений об иерархическом устройстве мира в русской философии конца XIX – начала XX века. Общая «космологическая» направленность не отменяет ряда особенностей философии Флоренского, сделавших появление тщательной разработки этой темы маловероятным событием. Во-первых, следует говорить об особенностях философского стиля Флоренского. Там, где речь заходит о метафизике, ясность его культурологических работ уступает место образности формулировок, отражающих целую совокупность разноплановых тенденций. С другой стороны, там, где у Соловьева, задавшего в русской философии безусловный «стандарт» аналитики иерархии, речь идет о собственно онтологических соотношениях, у Флоренского на первый план выходит теория «групп» и разного рода функциональные зависимости, перевод которых на язык традиционной онтологии, характерный для всей дискуссии об иерархии в этот период, весьма затруднен. Наконец, вычлечение собственно философского содержания работ Флоренского далеко не тривиальная задача, выполнение которой осложняется существенными богословскими амбициями автора, всегда создающими опасность перехода на «чужую территорию», вынесение суждений относительно которой, безусловно, находится вне нашей компетенции. В конечном итоге, «небесные иерархии передают друг другу свет божественного откровения, всегда истинный, всегда самооткровенный, но умягчающийся в своей яркости при каждой последовательной передаче» [6, с. 213].

Обратимся к первому непосредственному разговору об иерархии, который мы находим в раннем тексте Флоренского «О цели и смысле прогресса». Симптоматично, что заявленная тематика этого небольшого сочинения связывает проблему иерархии с проблемой развития и истории, то есть проблемой онтологической перспективы иерархического мироустройства.

Основной тезис явным образом отсылает нас к соловьевской аналитике Второго Абсолюта. Во всяком случае, мы можем констатировать, что оба автора видят проблему схожим образом. В обоих случаях наличие у каждого существа индивидуальной идеи не является основанием представле-

ний об иерархии, а, скорее, включено в них в качестве дополнительного, хотя и совершенно необходимого элемента. Впрочем, если Соловьев подчеркнул дедуктивно строил свое рассуждение, отталкиваясь от интуиции Абсолюта-сущего, то началом рассуждения Флоренского выступает специфическое представление об альтернативах общественного устройства. Наиболее интересна в данном случае четко фиксируемая Флоренским взаимосвязь построения общества на основе цели и его иерархической организации социальных связей в нем. Текст фрагментарен и, разумеется, не содержит развернутого обоснования этой взаимосвязи, но интуицию обозначает совершенно четко. «Единство закона, определяющего деятельность, – пишет Флоренский, имея в виду “нравственный закон”, – т. е. закона второго типа (*ratio entis*), есть принцип иерархического строя общества; за общие его тенденции его можно называть еще богочеловеческим и феократическим» [4, с. 197]. После чего следует характерная эстетически окрашенная ремарка: «Общая черта иерархического строя – внутренняя стройность, многообразие в единстве» [4, с. 198]. Напротив, «общая черта анархического строя – внутренняя нестройность, однообразность в подробности» [4, с. 198].

Формулируя наиболее существенный момент своего понимания иерархии, Флоренский утверждает, что принцип иерархичности «заключается в том, что каждый член общества добровольно действует для поддержания и сохранения некоторого общественного закона, некоторой нормы, сознаваемой всеми и каждым, как безусловная правда и безусловное добро» [4, с. 199]. В свете его более поздних сочинений стоит предположить, что «безусловность», о которой говорит Флоренский, не следует понимать социологически или культурно, то есть как некоторый принятый в конкретный момент истории характер «нормы». Скорее, это действительный разговор об Истине как Истине, предельной и абсолютной, что, фактически, отрицает какой-либо историзм и одновременно делает мнимыми всякие параллели с гегелевской диалектикой истории. Флоренский хорошо понимает, что свободное подчинение нормам как закону удается непротиворечиво легитимировать только путем признания ее абсолютной и воплощаемой Богом. Собственно иерархия и возникает из естественного различия отношения каждого члена общества к этой единой норме.

Воспроизводя сюжет, подробно развиваемый Соловьевым в «Чтениях о Богочеловечестве» [1, с. 51–71], Флоренский замечает: «Различие в природе членов делает необходимым каждого члена на своем месте, как не могущего быть замененным никаким другим членом общества. Отсюда – единственная возможная координация членов в единстве их отношения к одному безусловному закону. Это и есть иерархия» [4, с. 199]. Тем самым, подобно Соловьеву, Флоренский определяет индивидуальность «топографически», понимая ее, прежде всего, как нахождение некоего «места» в мировой системе, прочитывая ее онтологически. В философии Соловьева, для которого история имела куда большее, чем для Флоренского, значение, это вело к перспективе постепенного упорядочивания системы в процессе исторического развития. Системность и, следовательно, иерархичность сами по себе не составляли проблемы. Проблемой был хаос, нарушения и ошибки в построении иерархии.

Соответственно этому максимализму противостоящая иерархия сила выглядит, в интерпретации Флоренского, совершенно inferнальной, определяясь им как неустранимо присутствующая в человеке «любовь к злу». Тем самым, с одной стороны, конфликт иерархии и анархии возводится на религиозный уровень, с другой стороны, он же дает повод говорить об отношении, которое, пользуясь термином, характерным для более поздних текстов Флоренского, следует определить как «антиномическое». Антиномия иерархии и стремления к злу, принимаемая Флоренским как неискоренимая в человеке, не позволяет считать, что исторически возможным является действительное установление подлинной иерархии, в результате чего мы неизбежно вынуждены представлять себе космологию Флоренского как некоторую вариацию на тему платоновского идеализма с его тщательно воспроизводимым противоречием между миром идей и материальными вещами окружающей нас человеческой реальности, «иерархией небесной» и «иерархией земной»: «Поэтому борьба между добром и злом не угасает, а обостряется; она и не может кончиться и не может, по-видимому, не кончиться» [4, с. 200].

У Флоренского есть свое оригинальное прочтение еще одной темы, имеющейся у Соловьева. Последний предполагал, что социальную иерархию порождает не только различие между

индивидуальными идеями, но и степень воплощения конкретной идеи. К своеобразному аналогу этого концепта Флоренский приходит, рассуждая о возможности математических аналогий применительно к характеру «возрастания личности».

Небольшая работа «О типах возрастания» предлагает необычную попытку применить математический инструментарий для решения присутствующего уже у Соловьева противоречия между раскрытием в личности всей полноты абсолютного и необходимой ограниченностью индивидуальной идеи личности как таковой. Фактически, это основное противоречие, связанное с иерархией, фиксируемое в русской философии и многократно воспроизводящееся самыми различными авторами с использованием самой разнообразной терминологии. Флоренский пытается его разрешить, используя математический инструментарий. Отталкиваясь от теории «групп» и понятия функции, он пытается осмыслить различие в типах развития личности, то есть буквально, в типах «обожения», поскольку пределом развития в любом случае мыслиться именно бесконечность.

Надо признать, что при всей неочевидности используемых Флоренским математических аналогий они предлагает довольно удачную схему. Симптоматично, что при всем различии с позицией, продемонстрированной в работе «О цели и смысле прогресса», их объединяет необходимость задающей способ ранжирования «нормы». «В вопросе о развитии личности, – пишет Флоренский, – независимое переменное – время. ... Время – группа, необратимая по природе своей, и тем самым элементы его уже расположены по рангу. Зависимым переменным, в нашем вопросе, является раскрытость личности; состояния же духа, подвергнутые оценке непосредственного самосознания, определенные по своим отношениям к нормам, тоже выстраиваются в необратимый ряд по достоинству, и “лучше и хуже” является признаком, устанавливающим ранговое отношение» [3, с. 286]. Показательным образом статья завершается весьма мрачной констатацией, заставляющей вспомнить известные обвинения Бердяева. Отождествление развития личности с математической функцией делает тип личности неизменным: «Железные рельсы проложены несокрушимо. ... Свобода в движении по траектории, но не в создании произвольной новой» [3, с. 305].

«Столп», метафизика которого вообще остается достаточно неопределенной, дает нам не слишком много. Единственное, что мы можем утверждать, это устойчивое видение его автором мира как иерархически устроенного. Соответственно, подчеркнуто иерархически видится Флоренскому и Церкви. Единственное, о чем здесь следует упомянуть, это воспроизведение странной идиосинкразии к независимому иному, которая многократно проявляется в текстах русских религиозных философов и служит одним из необходимых и наиболее важных коррелятов рассуждений о единстве мира.

Речь не о четкой метафизической оформленности этого феномена, а, скорее, о постоянно возникающей неприязни к внешнему, указание на всегда связанную с ним опасность, заставляющую искать предостоящее опознание различия как внутреннее, онтологическое совпадение. Вот Флоренский пишет о любви: «Я не могу любить то, что не есть Я, ибо тогда допустил бы в себя нечто чуждое себе. Но, вместе с тем, любя я хочу не того, что сам я емь: в самом деле, на что же мне то, что у меня ужé есть» [7, с. 351]. Несколько ранее в «Столпе» даже более определенно: «Данность сознание воспринимает, как что-то внешнее для себя, принудительное, механическое, напирющее, слепое, тупое, наконец, неразумное, а потому условное. Разум не видит внутренней необходимости своего восприятия, а только – необходимость внешнюю, т. е. насильственную, вынужденную» [7, с. 49]. Поэтому Флоренский в каждом единичном подчеркивает не столько момент уникальности, сколько момент кошунственного отрицания всего остального, сопровождающего обязательную для Флоренского самотождественность единичного, неизбежное $A=A$. Он очевидным образом восстает против всяческого гипостазирования сущности в ее единичности.

Но в то же время сама возможность такого гипостазирования, или даже необходимость его, увязана с его же неприятием единичного, которое для него всегда выглядит пустым. Само выявленное им противоречие оказывается одновременно и не рационально, и не персоналистично, одновременно отвергая не самотождественность только, но саму оппозицию тождественного/не-тождественного. Вместо нее вводится оппозиция самотождественного, с одной стороны, и являющегося частью связного, единого мира, который последовательно определяется как системный и

иерархически организованный, с другой. В письме о грехе: «Грех – в нежелании выйти из состояния само-тождества, из тождества “Я=Я”, или, точнее, “Я!”». Утверждение себя, как себя, без своего отношения к другому, – т. е. к Богу и ко всей твари» [7, с. 160].

Тот же момент обязательной иерархии – один из существенных в известной заочной полемике с Хомяковым. Хомяков считает основным принципом католицизма принцип иерархичности и подчинения авторитету Церкви. Для Флоренского, напротив, важно отстоять тот же принцип как всеобщий, показать, что его значение не может быть связано только лишь с католицизмом, которому если и принадлежит что-то, то только лишь неверное «внешнее» истолкование авторитета. О полемике, начатой Хомяковым: «Выпалывающая плевелы Католицизма, не рискует ли такая полемика вырвать из почвы и пшеницу Православия, хотя бы, например, своим отрицанием авторитета в Церкви, якобы не имеющегося в Православии, а вместе с ним, следовательно, и начала страха, начала власти и обязательности канонического строя» [5, с. 151].

Флоренский утверждает, что мысль Хомякова, наполненная «эластичными формулами» [5, с. 153], «бежит онтологической определенности» [5, с. 159]. Поэтому главный упрек в адрес русского славянофила состоит в том, что он пытается построить церковь как следствие единства людей, и в этом смысле скорее социален, нежели онтологичен. Естественным образом церковная иерархия католического типа, которая для Хомякова являлась препятствием для соборного творчества, не может играть такую роль в системе взглядов, предлагаемой Флоренским. Для него важно именно онтологическое условие церковности, «столп» Истины, относительно которого «кушитство» действительно выглядит предпочтительнее в качестве и церковного устройства, общего принципа построения культуры и общества. Едва ли можно однозначно говорить о том, что опыт использования концепта соборности применительно к социальности, то есть экстраполяция принципа общинного устройства на другие социальные сферы, оказался столь же успешен, как опыт его использования для прояснения сути церковности. Флоренский однако видит проблему именно таким образом, делая иерархию основой и церковного, и социального авторитета.

При всем том, что социальная философия

никогда не была основной темой Флоренского, проблематика иерархии, как мы видим, всегда в той или иной степени прочитывалась им социально. Он вполне ясно высказывается о своем отношении к характеру социального устройства и в работах, рассматривающих различие между средневековой и возрожденческой культурами. Основной противопоставление здесь сосредоточено именно вокруг эгалитаристских тенденций Возрождения, с одной стороны, и подчеркнутой иерархичности средневекового общества, с другой. Но наиболее полно, насколько здесь вообще можно говорить о полноте, социально-философские взгляды Флоренского представлены в позднем сочинении, озаглавленном «Предполагаемое государственное устройство в будущем» [2]. Обстоятельства написания этой работы, конечно, весьма специфичны и, безусловно, должны приниматься во внимание. Тем не менее, нам представляется, что в ней нет значимых противоречий с теми идеями, которые высказывались Флоренским в сочинениях, написанных ранее. Это своеобразная версия платоновского государства, и этот платонизм вновь подтверждает вполне органичное соответствие идей «Предполагаемого государственного устройства» и философии Флоренского в целом. Хотелось бы верить, что это сочинение весьма далеко от реальной истории развития государств, хотя бы потому, что Флоренский с неуместной легкостью предлагает простые и в этой простоте крайне неочевидные решения сложных социальных проблем. Например, проблемы разграничения частной жизни и политики. «Идеальное государство» Флоренского предполагает безусловное различие между отдельными элементами государственного организма, строгую иерархию, культ сильной личности, провидчески прозревающей задачи государства. Наконец, вполне логичную в системе взглядов Флоренского, представленных в этой книге, и совершенно непонятную применительно к его учению о целостности мира, изоляционистскую полити-

ку. Флоренский даже своеобразным, почти комическим образом встраивает в представления о государстве свою давнюю идею о типах возрастания личности, которые соответствуют характеру и степени ее обожения. Он говорит о том, что заработная плата в большей степени зависит не от должности, а от того, насколько продвинулся человек в процессе своего совершенствования [2, с. 15]. Фундамент всего этого социального устройства – верная интуиция истинного и вера в то, что такая интуиция вообще возможна. Вот эта связь между иерархической организацией социальной жизни, оправдывающей устройство общества сверху-вниз, и идеалистическим представлением о возможностях верной мистической или, допустим, рациональной интуиции, действительно наиболее важный вывод, который позволяет сделать философия Флоренского.

Библиографический список

1. Соловьев В.С. Сочинения: в 2 т. Т. 2. Чтения о богочеловечестве. Философская публицистика. М.: Правда, 1989. – 664 с.
2. Флоренский П.А., свящ. Предполагаемое государственное устройство в будущем: Сборник архивных материалов и статей / сост. игумен Андроник (Трубачев). М.: Издательский Дом «Городец», 2009. – 208 с.
3. Флоренский П.А., свящ. О типах возрастания // Флоренский П.А., свящ. Сочинения: в 4 т. Т. 1 / сост. и общ. ред. игумена Андроника (А.С. Трубачева), П.В. Флоренского, М.С. Трубачевой. М.: Мысль, 1994. С. 281–317.
4. Флоренский П.А., свящ. О цели и смысле прогресса // Флоренский П.А., свящ. Сочинения: в 4 т. Т. 1 / сост. и общ. ред. игумена Андроника (А.С. Трубачева), П.В. Флоренского, М.С. Трубачевой. М.: Мысль, 1994. С. 196–204.
5. Флоренский П.А. Около Хомякова // Символ. № 16. 1986. С. 141–226.
6. Флоренский П.А., свящ. Собрание сочинений. Философия культа (Опыт православной антропологии) / сост. игумена Андроника (А.С. Трубачева); ред. игумен Андроник (А.С. Трубачев). М.: Мысль, 2004. – 685 с.
7. Флоренский, П.А. Столп и утверждение Истины: Опыт православной теодицеи. М.: ООО «Издательство АСТ», 2003. – 640 с.

ИКОНА КАК ФЕНОМЕН ХРИСТИАНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

УДК 75.05

И.А. Едошина

Костромской государственный
университет им. Н.А. Некрасова
entelehia@ksu.edu.ru

ПОТЕНЦИАЛЬНОЕ В ИКОНОПИСИ

Аннотация. В статье дается понимание сущности «потенциального» как порождающей силы, оказывающей значительное влияние на формирование иконописи в России. Обосновываются причины утраты духовного содержания в иконописи, его влияния на русское самосознание. Описываются два подхода к иконе: духовный и светский (искусствоведческий).

Ключевые слова: икона, потенциальное, искусство, образ, лик.

*Необходимого нельзя мерять на мелкую мерку полезного;
от великого предприятия нельзя ожидать мгновенных плодов.
Наконец, когда дело идет об земле Русской, невозможно
определять наперед даже приблизительно результатов какого
бы ни было нововведения, как бы оно ни было необходимо.*

А.С. Хомяков

Начну со слова, от которого образовано «потенциальное», – со слова *potentia*. Это латинское слово, будучи аналогом греческого *δύναμις* – сущ. жен. рода ‘сила, могущество’, сохраняет те же грамматические признаки и значение. Образовано от *potens* ‘имеющий, способный, овладевший’, в свою очередь, возникшее на основе присоединения *potis* ‘могучий, сильный’ к глаголу *sum* ‘быть, существовать’. Следовательно, словом *potentia* обозначается то, что обладает мощной способностью порождения, возможность которой подчеркнута грамматикой рода. Потенция в принципе перекликается с тем, что именуется как *επετεγεία* и определяется Иоанном Дамаскиным как «естественная сила, которую изъясняется каждая сущность» в природе, «энергия есть деятельное движение природы» [7, с. 173, 174]. Разница заключается в том, что потенция подчеркивает порождающие силу и мощь Творца мира. Потенция есть вечная возможность бытия в его многообразности.

Избранное мной слово «потенциальное» – субстантив прилагательного среднего рода, рода неопределенного, размытого, умозрительного. Через родовую непроясненность открываются разные варианты проявления потенции, присущие иконописи – иконе и фреске. Потенциаль-

ное, подобно увеличительному стеклу, приближает или удаляет сущность изображения.

Что должно изображать на иконе и фреске определяется Священным Писанием, VII Вселенским Собором, Стоглавом, потому иконописец обязан соблюдать канон, сущность которого заключается в видимом доказательстве онтологической вечности сверхчувственного мира. Взирая на образы, пишет Феодор Студит, человек «преправляет в Боге, в небесных созерцаниях, в райских красотах, в вечных обителях, в ангельских чинах» [17, с. 221].

Но процесс изображения ставит перед иконописцем вопрос, сформулированный Дионисием Ареопагитом, – как неподобное передать подобными средствами? Византийский богослов дает ответ: «Для невидимого более подобает разъяснение через неподобные изображения» [5, с. 19]. В оригинале автор буквально нанизывает слова с отрицанием, ибо «по отношению ко всему божественному, то есть ко всему после Бога умопостижаемому, отрицания истинны, а утверждения несообразны» [5, с. 19]. Вот это отрицание/утверждение, присущее процессу создания и восприятия иконы, может быть определено как проявление потенциального, порождающее соответственные формы, но им неравнозначное.

Потенциальное скрыто, не явлено, потенциальное есть возможность бытийствования, но не собственно бытийствование. Всякая форма (икона в том числе) бытийствует, является. Но является уже через человека. Потому в иконе образы подчинены либо неподобию миру – и тогда на первый план выступает духовное содержание, либо его одухотворению – и тогда на первый план выступает антропоцентризм. Вот эти два варианта и являются предметом моей статьи.

Потенциальное в иконописи одновременно влияет и на сущность образа, и на процесс его создания, воздействия и восприятия. Сущность образа вечна и неизменна – свидетельствовать о реальности Бога. Обратная перспектива включает молящегося перед образом в эту реальность, наделяя потенциальное неприродной ему телологической функцией. (Замечу, с большей силой подобного рода вхождение осуществляется в исихазме, когда созерцательный разум с помощью Божией путем деятельности побеждает страсти и видит Бога. Правда, по Григорию Синаиту, здесь проявляется *energeia* в смысле различительной функции [4, с. 37]).

Как известно, истоки русского православия располагаются в Византии, откуда явилась в отечество наше иконопись. Образцы иконописи были усвоены и развиты, породив феномен под названием русская иконопись. Но раньше собственно русской иконописи появились на Руси русские храмы: Спас на Нередице в Новгороде, Спасо-Преображенский в Переславле, Дмитриевский во Владимире, Покрова Богородицы на Нерли в Боголюбском. За исключением Дмитриевского собора, храмы эти ничем особенно не были украшены, их однокупольная строгая форма устремлена от земли к небу, троичная идентичность фасадов утверждает незыблемость Троицы – Отца, Сына и Святого Духа. Кажется, их потенциальное как утверждение в камне, как в вечности, незыблемости веры было развернуто в будущее – трагические времена татаро-монгольского нашествия.

Расцвет русской иконописи приходится на XIV – XVI века, когда симфония русской духовной жизни достигла своего апогея, отражая высочайший уровень стояния мира перед образом, их равночестие, запечатленное в иконах и фресках Феофана Грека, Андрея Рублева, Даниила Черного, Дионисия. Это время преподобных Сергия Радонежского, Нила Сорского, Авраамия Чухлом-

ского, Иакова Железоборовского, Сильвестра и Павла Обнорских, Кирилла и Ферапонта Белозерских, Дмитрия Прилуцкого и др. Потенциальное («свет неизреченный») реализовывалось в иконописи только потому, что русский иконописец и русский святой в жизни являли единство в вере, преодолевая проблему неподобия средств Божественному образу. Яркие примеры – преп. Сергий Радонежский и Андрей Рублев, преп. Нил Сорский и Дионисий. Краски были подспорьем, не более. Главное – «се бо почesty иконная на первообразное восходит, и в иконах и иконами почитается и поклоняется истина», как писал преп. Нил Сорский [цит. по: 16, с. 302].

Всякое изменение жизни не рождается вдруг, вызревая внутри предшествующего времени. Потому потенциальное могло противостоять иконописным образам. В этом отношении показательным является «Хождение» игумена Даниила (начало XII в.), где описываются храмы Вифлеема, их убранство. Даниил стремится как можно точнее обрисовать внешнюю сторону, совершенно уходя от ее религиозного содержания. Так происходит своеобразная подмена сущности внешней формой ее выражения, то есть подобное выступает на первый план. Потому справедливо В.В. Бычков видит в Данииле предтечу русского искусствознания [2, с. 137]. (Да, надо сказать, что и сам В.В. Бычков в книге «Русская средневековая эстетика» вполне солидарен с игуменом Даниилом, сведя христианскую мысль к эстетической проблематике). «Хождение» есть одно из ранних свидетельств реализации потенциального в качестве светски-художественного как основного.

В итоге уже в период высшего расцвета русской иконописи потенциальное определяет единство образа с его христианским смыслом, антропоцентризм – их разделение. Эта своеобразная двойственность, поначалу едва заметная, заявит о себе во второй половине XVI века, когда, как замечает В.А. Котельников, «господствующим становится “уставное” или “обрядовое” благочестие, с которым нередко соединялся упадок духовности не только среди мирян, но и, отчасти, в церковной среде. Дело доходит до того, что в некоторых ситуациях оказывается возможным сочетание “обрядового” благочестия с жестокостью и моральным безудержием; так было при Иване Грозном, когда и опричнина замышлялась как монашеский орден» [9, с. 69]. Форма окончательно победит первенство духовного содержания.

Потому явление Симона Ушакова обнаруживает не только влияние западных традиций, о чем обычно пишут, но свидетельствует о глубочайшем кризисе самой веры. «Телесность» иконы (как ранее ее отсутствие) оказывает мощное влияние на молящегося человека, формирует его, образуя сродство с душой его. Духовное содержание иконы будет в прямом смысле уничтожаться на протяжении XVII – XIX веков: старые иконы сжигаются, записываются, стенопись соскабливается и закрашивается. Только благодаря старообрядцам, свято хранившим старинные иконы с двоеперстием, удаленности от центра «захудалых» храмов, деятельности музейных работников и реставраторов иконописи XIV – XVI веков удалось частично сохраниться.

В течение XVII – XVIII веков «отелесненная» иконопись вообще не привлекала внимания образованной части общества, которая (вместе с народом) созерцала в храмах привычный антропоморфизм изображений, утяжеленный стилистикой немецкого барокко. Потенциальное противостоит чуждым внешним формам, выдавая явный упадок религиозного мирозерцания, о чем и сокрушается протопоп Аввакум: «Пишут Спасов образ Еммануила; лице одутловато, уста червонная, власы кудрявые, руки и мышцы толстыя, персты надутые, тако же и у ног бедра толстыя, и весь яко немчин брюхат и толст учинен, лишю сабли при той бедре не писано» [6, с. 102].

Но уже в XIX веке начинает возрождаться интерес к национальной культуре, который неизбежно религиозно окрашивается. «Велению Божию, о муза, будь послушна», – закликает поздний Пушкин, чуть ранее перелагая молитву Ефрема Сирина. Внемлющей Богу пустыне Лермонтова вторит Тютчев: «Пошли, Господь, свою отраду / Тому, кто в летний жар и зной, / Как бедный нищий, мимо саду, / Бредет по жесткой мостовой». Но это лишь примеры отдельных штрихов, не меняющих общей картины. Потому с глубочайшей грустью замечает Иван Киреевский, что «уважение к Преданию, которым стояла Россия, нечувствительно для нее самой перешло в уважение более наружных форм его, чем его оживляющего духа» [8, с. 225]. Как следствие приведу два восприятия Нилосорской пустыни в XIX веке.

Побывав в этих местах в 1847 году профессор Императорского Московского университета С.П. Шевырев пишет: «Дико, мрачно и пустынно

то место... Речка Сорка... не вьется, а тянется по этому месту и похожа более на стоячее болото... Можно себе представить, какая была здесь глушь в конце XV и в начале XVI столетия, когда жил Нил Сорский. ... редко бывает, чтобы место внешним видом своим так изображало мысль того, кто его избрал для своего пребывания, как это здесь случилось» [19, с. 313, 316].

Приехавший в Нилосорскую пустынь в 1854 году религиозный писатель А.Н. Муравьев делится своими впечатлениями: «... малопроезжая дорога... по течению смиренной речки Сорки... По мере того, как мы углублялись в чащу леса, привлекательнее представлялась нам сия дубь и понятнее влечение Нила в его пустыню. Уже слышно было тихое журчание Соры, из ручья образовавшей речку по зеленой поляне, испещренной весенними цветами, между расступившегося с обеих сторон леса, и эта поляна все расширялась, под ропот растущей реки, которая далее уже шумела, вращая колеса уединенной мельницы, и привела нас наконец к самой обители» [13, с. 284–285].

В этих двух, столь разных впечатлениях от Нилосорской пустыни проявилось, в первую очередь, различие в мировоззрении. А.Н. Муравьев, религиозный писатель, член Синода, близкий знакомец Митрополита Московского Филарета (Дроздова), был человеком глубоко верующим, воцерковленным, а потому в природе, окружавшей Нилосорскую пустынь, ему открывалась красота уединенного религиозного созерцания Бога. С.П. Шевырев едет той же дорогой, видит те же монастыри, он, конечно же, человек тоже верующий, но в обычном для своего времени смысле (крещение, венчание, отпевание, праздники). Как признается уже на первых страницах С.П. Шевырев, во время путешествия все войдет в его рассказ: «живые речи простолодинов, местность природы, впечатления городов и сел, памятники Древней Руси, монастыри, храмы, иконы и хартии, деятельность России новой, обычаи и нравы, предания, язык народный и его физиогномия» [19, с. 9]. (Замечу, точно так – винегретно – и сегодня большинство людей путешествует). Но при всей разнице в путешествии Муравьева и Шевырева есть общее – живой интерес к русской жизни. Этим же интересом вызваны стремление князя В.Ф. Одоевского сохранить традиции русского знаменного распева [о связи духовной музыки и иконостаса см.: 12, с. 206–217], постижение

А.С. Хомяковым сущности художественных требований русского духа, собрание В.И. Далем слов и создание «Словаря живаго великорусскаго языка», где в статье «Икона» раскрывается ее глубочайшая укорененность в русском самосознании [11, с. 148].

Именно в XIX веке начнется осмысление русской иконописи, в котором обнаруживается влияние потенциального (приоритет духовного в художественном образе) и противостояние потенциальному (приоритет изображения как искусства). Приоритет духовного, хотя и с определенными оговорками, намечен в трудах Ф.И. Булаева, приоритет искусства – в трудах его ученика – Н.П. Кондакова и его многих последователей по сегодняшний день.

Приведу пример того, как в наше время реализуется противостояние потенциальному в понимании иконописи в традициях Кондакова. Так, в альбоме «Иконы Ярославля 13–16 веков» читаем: «По композиции “Богоматерь Толгская” является поясным вариантом иконы из Третьяковской галереи. Контрастная живопись ликов с их резкими чертами лица, простота рисунка и безыскусность колорита свидетельствуют, что мастеру и... заказчику открыта эмоциональность образа была важнее совершенства живописных приемов» [3, с. 15]. Как видим, и в постсоветское время исследователь подходит к иконе только как к художественному произведению, которое должно обрести свое место в истории искусства. Потому, например, И.П. Болотцева (ее памяти посвящен уже названный альбом) гневается, что В. Никольский в «Истории Русского искусства» (Берлин, 1923) не упоминает о ярославской иконописи вообще, а «все искусство XVII века» сводится им «одной фразой к “заурядному ремеслу”» [1, с. 21].

Сам академик Кондаков советовал П.И. Нерадовскому, создателю древнерусского отдела в Русском музее Императора Александра III, при публикации икон ни в коем случае не разводить «семинарские разглагольствования об иконографии» [15, с. 81]. Глубочайшим неприятием отозвалась в Кондакове работа князя Е.Н. Трубецкого «Умозрение в красках». Читая «Умозрение...», он повсеместно ставил знаки вопросов, в итоге написав, что «все это глубокомысленный вздор и пустословие», а их автор – «футурист». Причина несогласия заключается в том, что икона, по мысли Кондакова, «не одно умозрение в красках, есть **содержание**. Есть искусство, не одно предание,

но история», а потому все сочинение князя «глупо» [цит. по кн.: 10, с. 40].

Но именно в работах князя Евгения Трубецкого раскрывается сущностная значимость потенциального как приоритета духовного в понимании иконописи. Этот аспект определит труды отца Павла Флоренского, отца Сергия Булгакова, графа Ю.А. Олсуфьева, искусствоведов Н.М. Тарабукина (прямого ученика отца Павла), позднего Г.К. Вагнера. В этом плане показателен опыт «колеблющегося» П.П. Муратова. В рецензии на первый выпуск журнала «Русская Икона» (1914) Муратов воссоздает специфику в описании П.И. Нерадовских иконы Бориса и Глеба: «“Чернышки” направлены по старому контуру; обводка радужной оболочки глаза с правой стороны – новая по старому следу; кроме мелких утраченных пятнышек по всему лицу, особенно в охрени на “скулках”, низ левой щеки, “скулки”, утрачен с грунтом...» С точки зрения Муратова, весь этот «музейный инвентарь» бесполезен «для журнала, призванного эстетически освещать древнюю икону». И далее звучит чрезвычайно важная, с моей точки зрения, мысль, которая объясняет сущность условно эстетического в иконе: «Есть прелесть старого русского слова в терминологии иконописцев, но правдиво оно звучит лишь в устах человека, ему сродного» [14, с. 348].

Проблема сродства (или его отсутствия) не утратила своей актуальности. Потенциальное в иконописи как приоритет духовного ставит подчас исследователей в тупик. Так, Е.В. Романенко, автор целого ряда публикаций о преподобном Ниле Сорском, задается вопросом, как представить образ Нила Сорского? И вот тут потенциальное как приоритет духовного начинает ей приоткрываться. Стремясь постичь существо иконы, автор приходит к мысли, что следует внимательно взглядеться в лики преподобных – созерцателей Божественных тайн на иконах и фресках. Лучше бы, конечно, сопровождать взгляды молитвой, но даже и через просто взгляды открывается: «Строгий образ Дионисия Глушицкого из Кирилло-Белозерского монастыря... Внутренняя сосредоточенность, беспощадная внимательность к своей душе, молитвенное горение характеризуют духовный облик святого. По внутреннему настрою чрезвычайно близок этой иконе образ святителя Николая, бывшей келейной иконой преподобного Сергия Радонежского». А далее автор в растерянности пишет: «Икона не отличается вир-

туозностью живописного исполнения, и остается совершенной загадкой, как ее художник сумел достичь подобной... выразительности» [16, с. 336]. Ответ на эту загадку она находит в статье «Моленные иконы преподобного Сергия» свящ. П.А. Флоренского: «Лик Николая “глазами своими бросает сноп умного света”. Это образ святого, который “усилием подвига” вырубает “себе в граните ступени восхождения”. “Божия благодать, даром даваемая, и человеческий подвиг духа, усилием завоевываемый, – таковы два духовных первообраза, две идеи, питающие созерцание, которые направляли внутреннюю жизнь древнего молебника”» [18, с. 403, 404, 405].

Иными словами, исследователь (в данном случае Е.В. Романенко), чью мысль изначально направляет священное слово (в данном случае преп. Нила Сорского), понять которое помогает религиозный мыслитель (в данном случае свящ. П.А. Флоренский), обязательно столкнется с формой- и смыслообразующим духовным содержанием как порождением потенциального в иконописи. Здесь, по отцу Павлу, находится исток онтологизма в искусстве: «открытие первообраза». Отсюда задача художника (добавлю, исследователя иконописи также) – расчистить «посторонние налеты его, “записи” духовной реальности. И в этой своей деятельности, как открывающей вид на безусловное, он сам в своем искусстве без условен: Человек безусловен в своей деятельности» [18, с. 383–384]. Только в этом случае потенциальное как духовное и потенциальное как искусство являются в образе симфонии бытия, ярким свидетельством которого была и остается русская иконопись XIV – XVI веков.

А в унисон Акафисту Богоматери, воплощенном в красках Дионисием, звучат строки Николая Рубцова:

В потемневших лучах горизонта
Я смотрел на окрестности те,
Где узрела душа Ферапонта
Что-то Божье в земной красоте.
И однажды возникло из грезы,
Из молящейся этой души,
Как трава, как вода, как березы,
Диво дивное в русской глуши!
И небесно-земной Дионисий,
Из соседних явившись земель,
Это дивное диво возвысил
До черты, небывалой досель...

Неподвижно стояли деревья,
И ромашки белели во мгле,
И казалась мне эта деревня
Чем-то самым святым на земле...

Библиографический список

1. *Болотцева И.П.* Ярославская иконопись второй половины XVI – XVII веков. Ярославль, 2004. – 176 с.
2. *Бычков В.В.* Русская средневековая эстетика. XI–XVII века. М., 1992. – 637 с.
3. *Горшкова В.В.* Ярославская иконопись XIII–XV веков // Иконы Ярославля 13–16 веков / гл. ред. Л.В. Нерсесян. М., 2002. С. 12–18.
4. *Григорий Синаит, преп.* Творения / пер., прим. и послесл. еп. Вениамина (Милова). М., 1999. – 158 с.
5. *Дионисий Ареопагит.* О небесной иерархии / подгот. древнегр. текстов, рус. пер. М.Г. Ермаковой. СПб., 1997. – 198 с.
6. Житие протопопа Аввакума // Пустозерская проза: Сборник / сост., предисл., коммент, пер. отд. фрагментов М.Б. Плюхановой. М., 1989. С. 38–93.
7. *Иоанн Дамаскин, св.* Точное изложение православной веры. Пер. А. Бронзова. М.; Ростов-на-Дону, 1992. – 446 с.
8. *Киреевский И.В.* Россия и Запад // Киреевский И.В. Духовные основы русской жизни. М., 2007. С.149–321.
9. *Котельников В.А.* Православные подвижники и русская литература. На пути к Оптиной. М., 2002. – 384 с.
10. *Кызласова И.Л.* История отечественной науки об искусстве Византии и Древней Руси. 1920–1930-е годы. По материалам архивов. М., 2000. – 238 с.
11. *Лепяхин В.В.* Икона в *Словаре* Даля и толковых словарях XX века / Лепяхин В.В. Икона и иконопочитание глазами русских и иностранцев. М., 2005. С. 148–207.
12. *Мартынов В.И.* Культура, иконосфера и богослужбное пение Московской Руси. М., 2000. – 224 с.
13. *Муравьев А.Н.* Русская Фиваида на Севере / биогр. очерк А.Н. Стрижев; прим. И.С. Борисов. М., 1998. – 526 с.
14. *Муратов П.П.* Петербургская русская икона // Муратов П.П. Древнерусская живопись. История открытия и исследования / сост., предисл. А.М. Хитрова. М., 2005. С. 348–349.
15. Письмо Н.П. Кондакова П.И. Нерадовскому от 17 января 1913 г. из Ялты / *Кызласова И.Л.* Древнерусские страницы в книге жизни Петра Нерадовского. Из истории отечественной реставрации и музейного дела. М.; СПб., 2012. С. 80–81.
16. *Романенко Е.В.* Преподобный Нил Сорский. М., 2008. – 367 с.
17. *Феодор Студит, преп.* Огласительные поучения. Пер. Паисия Величковского. Минск, 2007. – 399 с.
18. *Флоренский П.А., свящ.* Моленные иконы преподобного Сергия // Флоренский П.А., свящ. Сочинения: в 4 т. Т. 2 // сост. и общ. ред. игумена Андроника (А.С. Трубачева), П.В. Флоренского, М.С. Трубачевой. М., 1995. С. 383–408.
19. *Шевырев С.П.* Поездка в Кирилло-Белозерский монастырь. Вакационные дни профессора С. Шевырева в 1847 году. М., 2009. – 368с.

ПРОБЛЕМА ОПРЕДЕЛЕНИЯ РЕАЛИЗМА И НАТУРАЛИЗМА В ПРОСТРАНСТВЕ ИКОНЫ (П.А. ФЛОРЕНСКИЙ)

Аннотация: в статье «Проблема определения реализма и натурализма в пространстве иконы (П.А. Флоренский)» автор пытается решить проблему соотношения реализма и натурализма в искусстве. Даная проблема рассматривается в модусе философских идей П. А. Флоренского. Анализируя взгляды Флоренского на временные и пространственные координаты и на их роль в художественной культуре, автором статьи натурализм отождествляется с иллюзионизмом, а реализм с символизмом. В подобном контексте к высшему проявлению реализма в искусстве можно отнести иконопись XIV–XV вв. В качестве доказательства этой точки зрения на иконопись в статье анализируются тексты близких Флоренскому мыслителей: Н.М. Тарабукина, В.А. Фаворского, Л.Ф. Жегина, Л.А. Успенского, Вл.Н. Лосского. Автором статьи подчеркивается символический подход к изображению реальности в искусстве. Иконопись является примером символического искусства. В русле идей Флоренского икона рассматривается как часть культа. В контексте идеи культа иконописное пространство является проявлением высшей реальности.

Ключевые слова: реализм, натурализм, время, пространство, культ, иллюзионизм, символ.

Реализм и натурализм – два понятия, которые подчас отождествляются, или считается, что одно вытекает из другого. Это утверждение будет верным, если признавать за искусством реализма сотворение образа, подражающего видимой форме предметного мира. Но предметный мир не исчерпывается внешней формой, обладая еще и метафизикой, на что, в частности, обратили внимание П.А. Флоренский и близкие его кругу художники Серебряного века. В понимании Флоренского, проблема определения реализма и натурализма заключается в определении самой реальности и критериев реального мира: либо реальность мыслится только как видимый осязаемый образ, ограниченный пределами только видимого мира, либо принимается изначальная полнота реальности, не исчерпываемая границами сознания. Именно в этом утверждении локализуется проблема определения реальности в искусстве.

Семья Флоренских, по замечанию игумена Андроника (А.С. Трубачева), все время вращалась в художественных кругах: «несомненно, что П. А. Флоренский находился “среди художников” всю жизнь» [1, с. 8]. Принадлежность Флоренского к художественным кругам отмечается наиболее близкими ему по взглядам художниками – Л. Ф. Жегиним, В. А. Фаворским [1, с. 8, 5].

Значимым является тот факт, что Флорен-

ский с 1918 по 1920 годы был членом Комиссии по охране памятников искусства и старины Троице-Сергиевой Лавры, на Высших Художественных Мастерских (1921–1924) читал курс лекций «Анализ пространственности в произведениях изобразительного искусства», с 1921 года являлся сотрудником художественного журнала «Маковец». Как отмечает игумен Андроник (А.С. Трубачев), «“Маковец” объединил художников и литераторов, связанных творческими и дружескими связями в Московском училище живописи, ваяния и зодчества» [1, с. 5]. По направленности идей Маковец формировал понятие о реализме в контексте мыслей Флоренского. Важным представляется сам манифест «Маковца» – «Наш пролог» (1921–1922), в котором В. Н. Чекрыгин писал: «Так называемое современное искусство до последнего дня являлось лабораторией по выработке отдельных элементов формы, исчерпывающих узко материальные свойства профессионала-мастера (равно живописца или современного литератора), абсолютно исключая духовную сущность художника созидающего» [1, с. 5]. Иную направленность провозглашает новое искусство, призванное дать объективное видение реальности. Такое искусство «исходит из страстных потребностей души, которой приходится собирать одиночные лучи света, рассеянные рефлектирующим мозгом современности», поэтому художники направ-

ления «высшего реализма» отмечают «мы видим конец искусства аналитического, и нашей задачей является собрать его разрозненные элементы в мощном синтезе» [1, с. 5]. Выделенные Чекрыгиным идеи локализуются в поисках искусства рубежа XIX–XX века, ищущего онтологические оснований в понимании реальности. Проникшись идеями художников, анализируя сложившуюся обстановку в современной художественной среде, отец Павел Флоренский пишет статью «О реализме» («Маковец», 1923).

В этой статье Флоренский отмечает, что реализм – «такое направление, которое утверждает в мире и в культуре, в частности и в искусстве какие-то *realia*, реалии или реальности, противопологаемые иллюзиям» [12, с. 528]. В противопоставлении реализма и иллюзионизма содержится их основная проблема. Флоренский во многих работах исследует возможность передачи видимого мира во всей его полноте, собственно, к чему в идеале стремится натурализм, позиционирующий себя как реализм. Но идея путем иллюзионизма, художник видит только внешнюю форму вещей, не замечая внутреннего наполнения, изображает только «шелуху» реальности, видимую «кожу» действительности [10, с. 86]. Подобное изображение будет фрагментарным, «урезанным», неполным. Исследуя природу человеческого зрения, Флоренский приходит к выводу, что зрение – процесс синтетический, любой образ, впечатление от образа в нашем мозгу складывается из отдельных моментов его восприятия, на что указывает и бинокулярность зрительного процесса. Помимо этого, каждый предмет имеет свою особую толщину в пространстве, по указанию Флоренского, это временная координата пространства.

Подобное фрагментарное, «урезанное», отображение действительности не удовлетворяло Флоренского, поскольку основной чертой его мировоззрения составляет синтетичность, отождествляемая с понятием соборности. Так, по замечанию И.А. Едошиной, «реальность (реализм) понимается Флоренским как соборность: собранность в семью, род, народ, “соборуюсь до человечества и включая в единство человечности весь мир”» [3, с. 81]. Отмечая, что «акт соборования есть акт собирания», а «синтез... осуществляется движением, жизнью», Едошина подчеркивает синонимическую природу данных категорий. Анализируя понятие соборности, она отмечает, что наи-

более полно идея собирания и живого движения воплощается в символе. Рассматривая природу символа в контексте соборности, Едошина приходит к следующему выводу: «синтез понимается отцом Павлом как некий процесс, не имеющий итоговой формы, но всем своим содержанием к рождению такой формы направленный. Высшая задача синтеза – привести к полному единству “вещи и смысла, к культу, – к священной вещи”. А символ и соборность уже такое единство воплощают» во Христе [3, с. 82]. Отмечая ущербность иллюзионизма и натурализма, Флоренский подчеркивает целостность символического изображения мира, идентифицируемого им с «высшим реализмом».

По Флоренскому, символ – это, прежде всего, образ целостности мира, антиномичный по своей природе, где содержится все «да» и «нет», где соединяются в своем бытии мир тварный и мир идеальный. Флоренский подчеркивал, что символ – органическое целое, в котором важное место принадлежит энергийному факту, так как символ в конечном счете – «такая сущность, энергия которой, сращенная или, точнее, срастворенная с энергией некоторой другой, более ценной в данном отношении сущности, несет таким образом в себе эту последнюю» [11, с. 494]. Флоренский уверен, что видимый мир насыщен, наполнен ноуменами, непосредственно присутствующими в вещах. В любой видимой форме Флоренский усматривал наличие «высшей реальности».

Являясь метафизическим соединением или сращением двух миров, символ онтологически воплощает образ иного мира, составляя основу «ткани бытия». Уже в ранних работах, например в «Эмпирее и Эмпирии» (1904), Флоренский определяет символ как «органически-живое единство изображающего и изображаемого» [8, с. 178]. Игумен Андроник (А.С. Трубачев), подчеркивает, что символ, по Флоренскому, «не “знак”, не “обозначение чего-то”, не “указание на что-то”, символ сам обладает полнотой реальности, вмещающей в себя духовную основу и “пресуществленную” конкретно-телесную материю» [12, с. 719]. Именно в таком аспекте Флоренский рассматривает икону, которая, если содержит в себе Божественную энергию, является больше себя самой, если не содержит, то становится просто «доской» [9, с. 64], т. е. «доской» в метафизическом смысле, в аспекте закрытости такой иконы для Божественной реальности, что, конечно, не

противоречит пониманию данной иконы как произведения искусства.

Таким образом, Флоренский мыслит икону как явление наиболее реального искусства, причем тоже не всякую, а только ту, которая способна содержать в себе Божественную энергию и являть ее. Отсюда – значимость пространственного строения иконы. В этой связи обратимся к трудам известного художника-графика В. А. Фаворского, друга Флоренского.

Фаворский отмечает, что видимый мир «мы воспринимать не сразу, для восприятия нам необходимо движение. Мы смотрим вправо, влево, мы останавливаемся на первом плане, переходим ко второму, к третьему, выделяем нашим вниманием предмет, видим как он поглощается пространством» [7, с. 45]. Рассуждая о природе восприятия предмета в аспекте времени и пространства, Фаворский пишет: «все, что нами воспринимается в действительности, воспринимается нами в пространстве и во времени, и решительно ничего мы не воспринимаем только во времени, или только в пространстве» [7, с. 47].

Но что мы знаем о времени и о пространстве? Кроме того, что время длится, состоит из прошлого, настоящего, будущего, мы его ни в какой момент не можем уловить, измерить, остановить, осознать. То же в отношении пространства. Мы познаем реальность как пространственно-осязаемую данность. Но именно эта материальность и пространственность видимого мира скрывают от нас его сокровенную суть.

Ограниченность нашего сознания делает актуальной проблему реализма. Своей предпосылкой реализм имеет утверждение некоей высшей реальности, которую он должен воплощать, если же направление, считающее себя реализмом, отражает только видимый образ мира и притом неполностью, то такое направление становится близким иллюзионизму и натурализму. Искусство, создающее только подобие реальности, в своей основе лживо, обманчиво, потому реальность не только не открывает, а скрывает. Натурализм есть ложь в искусстве, хотя всеми силами стремится эту ложь, это подобие реальности выдать за правдивость. В русле идей Флоренского Вяч. Иванов отмечает: «мы защищаем реализм в искусстве, понимая под ним принцип верности вещам, каковы они суть в явлении и в существе своем» [4, с. 95]. Выделение проблемы подобия реальности и самой ее сущности позволяет Вяч. Иванову

осветить проблему реализма в религиозном ключе, ссылаясь на догматическую формулу триединства, утвержденную на Никейском соборе. Касаясь этой темы в беседе со студентом М. Альтманом, Вяч. Иванов ссылается на труд Флоренского «Столп и утверждение Истины», где касается важной темы «единосущия» и «подобосущия», явившихся краеугольным камнем в доказательстве триединства в тринитарных спорах и завершившихся вероопределением никейской формулы. «Церковь утвердила единосущие: Я и Отец одно. Вопрос о Едино- и Подобосущии не только, однако, теологический, – и Флоренский им отмыкает и замки логики любви. И вот <...> не нужно ли и “романтическую” проблему отмыкать этим ключом? Бог – Ens Realissimum – единосущий, первый же романтик – Змея, утверждающая подобосущие» [4, с. 95].

В таком случае проблема натурализма и реализма кроется не только в проблеме отражения реальности и в возможности подобного отражения. Проблема, прежде всего, раскрывается в религиозных установках искусства. Обращаясь к истории развития художественного творчества, важно отметить, что во эпоху древних цивилизаций, Средневековья целью искусства была прикладная функция служения определенной религиозной идее. Таково искусство иконописи. Об этом пишет Флоренский в работах «Обратная перспектива», «Иконостас», «Труды по искусству и археологии», «Моленные иконы Преподобного Сергия», «Храмовое действо как синтез искусств». Противопоставляя в «Иконостасе» искусство Возрождения – иконописи, Флоренский рассматривает два пути воплощения реальности. Творческий процесс представлен образом пути как дихотомия восхождения-нисхождения. По мысли Флоренского, на пути восхождения к эмпирической реальности художник должен руководствоваться соборным разумом, только тогда он достигнет высот ноуменального мира, а в нисхождении сможет в символическом ключе воплотить в своем произведении виденную им ноуменальную реальность. Если же художник совершает путь без разума руководителя, ведомый собственным субъективным познанием, то его сознанием могут завладеть прельстительные образы, не дающие ему двигаться дальше. Тогда художник воплощает лживые подобия реальности, творящие искусство иллюзионизма.

Главная функция иконы не эстетическая, а

литургическая. У иконы есть цель. Она путь, лестница восхождения к ноуменальному миру. Наиболее полно эти идеи Флоренского получили свое дальнейшее развитие в трудах Л.А. Успенского, Л.Ф. Жегина, Вл.Н. Лосского, Н.М. Тарабукина.

Обратимся к работе Н.М. Тарабукина «Философия иконы». Решая проблему реализма и натурализма, Тарабукин, следуя идеям отца Павла, подлинный реализм приписывает только иконе, а все остальное искусство определяет в негативных категориях натурализма.

Оторванное от религиозных корней, становящееся самодостаточным искусство превращается в чистое ремесло, технику, «циркачество». Искусство на грани натурализма лишается мировоззренческих идей и техника завладевает таким искусством. Как отмечает Тарабукин, при подобном понимании «искусство есть ремесло и техника, потерявшее свое оправдание, приобретшее самоовладевающее значение, подобно вращению махового колеса, лишенного приводного ремня» тогда искусство – это «холостой ход машины», своеобразный вечный двигатель, *regretium mobile* [6, с. 32]. Внутреннее опустошение искусства ведет к тому, что в нем исчезают авторство и правдивость. Искусство превращается в искусный обман-подмену. Уже на арене выступает не сам автор, а его маски, тогда, искусство – хорошо разыгранное лицедейство. В этом суть натурализма.

В качестве примера Тарабукин обращается к образам-символам: лицо и Лик, которые воплощаются в портрете эпохи Возрождения (лицо) и в иконописи (Лик). Как самостоятельный жанр искусство портрета развивается в эпоху Возрождения, когда идет активный процесс секуляризации сознания и техника приобретает главенствующий смысл [6, с. 35]. Лицо – это маска, личина, персона, неприкрытая субъективность и индивидуальность. «Лицо-портрет является в результате подчинения художника натуре. Лик-образ есть возвышение ума и сердца к трансцендентному и молитвенное прославление первообраза» [6, с. 80].

Проблема натурализма и реализма есть проблема различения лика и лица, сущности и маски, единосущия и подобосущия, что определяет разноплановость натурализма и реализма. Стремление отобразить только видимую реальность, придать ей натуральные очертания делает произведение искусства усложненным, чувственным. В свою очередь, ориентированность на ноумен-

альные твердыни придает иконописному изображению бесстрастность и сверхчувственность, граничащую с бесчувственностью. Можно сравнить натурализм и реализм с разговором в проявленности слова с молчанием, аскетической сдержанностью. Подобные сравнения находим у Иоанна Дамаскина в его словах на иконопочитание, в святоотеческом наследии Григория Нисского, Афанасия Великого, Дионисия Ареопагита, Мейстера Экхарта. В работе «О таинственном Богословии» Дионисия Ареопагита выделяются два типа богословия: апофатическое (отрицательное) и катафатическое (положительное). Апофатическое богословие определяется как более высокий уровень общения и единения с Богом, ибо для познания Бога необходимо отрешиться от видимого мира, от времени и пространства, уйти во «мрак незнания», как Моисей вступить «в глубину мистического Мрака неведения» [2]. Икона отражает путь апофатического богословия, а художество катафатического. По Дионисию Ареопагиту, катафатическое богословие соответствует пути нисхождения: от высших реалий и утверждений – к низшим.

Так, живописец признает объективную данность видимого мира, он ставит перед собой задачу его воплотить в двухмерной плоскости картины. Ясно, что при воплощении трехмерной реальности в двухмерном пространстве произойдет ее упрощение, усечение. Тогда живописец, действительно, двигается сверху вниз, потому, даже стремясь оказаться «над реальностью», он все равно остается в ее пределах. Процесс создания картины, по замечанию Флоренского, направлен от полноты, от чистого света, белого листа к постепенному выделению теней, к дробности и ограниченности образа.

Напротив, апофатическое богословие наиболее соответствует этапам создания иконы. Постепенно из «мрака», из «ничто» иконные образы просветляются, проявляются. Однако есть и иной путь, если бы икона была выражением только апофатического богословия, то неизбежно возник бы некий схематичный образ (черный квадрат) как символ Божественной непроявленной полноты. Этот возможный вариант иконы открыл Малевич, создавая так называемую «икону» XX века – «Черный квадрат». Отсюда – понимание Бычковым авангардного искусства как «апофатической бездны», хотя и оговорками, на которые сам же Бычков указывает. «Открыв *бездну*, аван-

гардное искусство не увидело ее ноуменальной проявленности, а потому оказалось оторванным от религиозного мира. Потому *бездна* авангардного искусства разворачивается не в вертикальном срезе (как в иконе), а в горизонтальном трансцендировании. В иконе же одновременно присутствуют два образа: и путь апофатического богословия, и путь катафатического богословия. Путь катафатического богословия оправдывает наличие образности в иконе.

Самая суть иконы – это воплощение Христа, его нисхождение, уничижение. Тогда путь иконы и путь высшего реализма, в концепции Флоренского, совмещает в себе два образа движения: восхождение и нисхождение. По отцу Павлу, такого рода движение идентично «умному восхождению», где художник руководствуется не собственным разумением, а является ведомым умом. Здесь суть соборности иконы.

Искусство, наоборот, принципиально разделяет художественные образы, рождая предметное и беспредметное искусство. Теоретиком беспредметной живописи, В. Кандинским, искусство иллюзионистическое или натуралистическое (предметное) определяется как чистый реализм, где форма и содержание определяются друг другом. Напротив, в образе беспредметного искусства, в чистой абстракции форма и есть содержание.

Задача иконы не эстетическая, поэтому икона в своей сущности не является произведением искусства. Главная функция иконы – литургическая функция, соединяющая мир горний и дольний. Не стремясь быть оригинальной, икона остается верна своему каноническому и догматическому пространству. Этим объясняется лаконичность и предельная простота ее образов, в отличие от сложности изощренности форм искусства.

В отличие от субъективной множественности форм современного искусства, наиболее ярко проявившихся в эстетике модернизма, икона – это путь отсечения всего лишнего, путь упрощения видимого мира и сведения его к единому символу. Образно эта тема раскрывается в «Переписке из двух углов» Вяч.И. Иванова и М.О. Гершензона. Вяч. Иванов утверждает значимость культурного наследия, а М.О. Гершензон тяготеет к нему, считая, что со временем истинная культура превратилась в некий суррогат правил, сводов, законов, утерев свою жизненную силу. В частности, он замечает: «почему же было так ярко чувство, почему мысль была так свежа и слово существен-

но – тогда, в четырнадцатом веке, и почему наши мысли и чувства так бледны, наша речь словно заткана паутиной?» [5, с. 22]. Рассуждая о природе культуры как о цивилизации уже состоявшейся, он сравнивает ее с кувшином теплой кипяченой воды. Такая «переваренная» вода не способна утолить жажды, в отличие от чистой холодной, родниковой воды. Именно в этой воде была «прохлада, и сладко было пить студеную чистую воду. Пусть я по воле судьбы, велением культуры живу в городе и сию в здравнице, в душевной комнате с окнами в стену, пью противную переваренную воду и отгоняю многочисленных мух, – могу ли я не помнить, что есть леса и прохлада, могу ли не тосковать о них?» [5, с. 70].

Конечно, представленные наблюдения относительно реализма иконописного пространства и натурализма светского искусства достаточно условны. Так, натуралистичной может быть икона (иконы Строгановской школы, иконы Симона Ушакова, новые неканонические изводы Троицы: Отечество, Спас Еммануил). В свою очередь, светское искусство может символично отражать высшую реальность и быть духовно ориентированным.

Библиографический список

1. Андроник (А.С. Трубачев), игум. Мыслитель и художник (1920–1928) (окончание) // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова Серия «гуманитарные науки»: Энтелехия / гл. ред. И.А. Едошина. Кострома, 2008. № 18. Том 14. С. 5–37.
2. Дионисий Ареопагит. Сочинения. Максим Исповедник. Толкования. СПб.: Алтейя: О. Абышко, 2002. – 864 с.
3. Едошина И.А. Понятие «синтез» в текстах священника П.А. Флоренского (к проблеме генезиса семантического поля) // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова Серия «гуманитарные науки»: Энтелехия / гл. ред. И.А. Едошина. Кострома, 2009. № 20. Т. 15. С. 79–84.
4. Иванов Вяч.И. Архивные материалы и исследования. М.: Русские словари, 1999. – 488 с.
5. Иванов Вяч., Гершензон М. Переписка из двух углов / Подг. текста, прим., ист.-лит. комм. и иссл. Роберта Берда. М.: Водолей Publishers; Прогресс-Плеяда, 2006. – 208 с.
6. Тарабукин Н.М. Философия иконы / Вступ. статья Г.И. Вздорнова и А.Г. Дунаева. Публ. и подг. текстов А.Г. Дунаева и Б.Н. Дудочкина. М.: Издательство Православного Братства Святителя Филарета Московского, 1999. – 204 с.
7. Фаворский В. А. О художнике, о творчестве, о книге. М.: Мол. гвардия, 1966. – 89 с.
8. Флоренский П.А. Вопросы религиозного самопознания. М.: ООО «Издательство АСТ», 2004. – 235 с.

9. *Флоренский П.А.* Иконостас / Вступ. ст. игумена Андроника (А.С. Трубачева), П.В. Флоренского; состав. текстов игумена Андроника (А.С. Трубачева), М.С. Трубачева, П.В. Флоренского; подгот. текста и коммент. А.Г. Дунаева. Москва: Искусство, 1995. – 256 с.

10. *Флоренский П.А.* Сочинения: в 4 т. Т. 3 (1) / Сост. игумена Андроника (А.С. Трубачева), П.В. Флоренского, М.С. Трубачевой; ред. игумен Андроник (А.С. Трубачев). М.: Мысль, 2000. – 621 с.

11. *Флоренский П.А., свящ.* Детям моим. Воспомина-

ния прошлых дней. Генеалогические исследования. Из Соловецких писем. Завещание / Сост. игумена Андроника (А.С. Трубачева), М.С. Трубачева, Т.В. Флоренской, П.В. Флоренского; предисл. и коммент. игумена Андроника (А.С. Трубачева). М.: Моск. рабочий, 1992. – 560 с.

12. *Флоренский П.А., свящ.* Сочинения: в 4 т. Т. 2 / Сост. и общ. ред. игумена Андроника (А.С. Трубачева), П.В. Флоренского, М.С. Трубачевой. М.: Мысль, 1996. – 877 с.

К 700-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ПРЕП. СЕРГИЯ РАДОНЕЖСКОГО

УДК 281.2

Т.В. Смирнова

Независимый исследователь
(Хотьково Моск. обл.)
smirnowatw@mail.ru

СКАЗКА ПРО МЕДВЕДЯ

Аннотация. В образной форме, следуя традициям народной культуры, автор излагает историю встречи преподобного Сергия Радонежского с медведем. Преподобный Сергей поделился с лесным зверем хлебом.

Ключевые слова: лес, избушка, медведь, Сергий Радонежский.

Ты просишь рассказать тебе сказку, сынок?
Хорошо.

Давным-давно родился в берлоге маленький медвежонок. Да, такой, как у тебя плюшевый. Ему было тепло в берлоге, а мамино молоко – вкусное-превкусное. Ты спрашиваешь, что такое берлога? Это медвежий дом. В нем медведи всю зиму спят. С осени найдут вывороченную бурей елку. Елку ведь сильный ветер с корнями выворачивает. Получается яма. Медведь подкопает яму поглубже, крышу сделает из корней, из веток. Да и заляжет на зиму. Ему во сне и есть не хочется. В такой берлоге и прожил медвежонок первые месяцы жизни.

Пришла весна. Вылезла из берлоги мама-медведица. Вывела детей. И стала их учить, как себя вести, где взять еду. Нет, милый, не в магазине. В лесу. Медведи едят разные корешки, а то и муравьев. А иногда у медвежат был настоящий праздник. Это когда их мама забиралась на дерево и вынимала из дупла соты с медом. В те давние времена в лесу много диких пчел жило. Они запасали мед в дуплах. Но Мишутке больше всего нравилась малина – сладкая-пресладкая. Малинник колючий. Поэтому он часто ходил с расцарапанным носом.

Пришла осень. Дни стали короче. А ночи становились все холоднее. И мама-медведица залегла с Мишуткой в берлогу. И опять у нее зимой родились детишки. Весной мама вывела их из берлоги. И сказала:

– Ты, Мишутка, теперь медведь-пестун. Смотри за маленькими, глаз не спускай. Чтоб волк их

не унес.

К следующей осени Мишутка так подрос, что стали его называть уже не Мишутка, а Миша или Мишка. И тут мама сказала ему:

– Ты теперь большой. Нам тесно в берлоге будет. Тебе, Миша, надо свою берлогу сделать.

И Миша пошел искать себе новое жилье. Устроился он на склоне небольшого холма, в пещерке. Только он уже очень хотел спать. Потому, наверное, поленился построить прочный домик. Среди зимы вдруг проснулся... Что такое? Весь он мокрый. А вода холодная. Всю мишкину берлогу залила. Что случилось, ты спрашиваешь. Оттепель зимой началась. Снег стал таять. И залила вода мишкино жилище. Еле выбрался он по склону наверх, мокрый и грязный. На ветру холодно. И есть хочется. Но не то, что малины, а вообще ничего съедобного не видно. Один мокрый снег кругом.

Смотрит Мишка – бежит Лисичка-Рыжая Шубка.

– Лисичка, Лисичка, где бы мне пообедать?

– А ты почему не спишь, медведь-шатун? Медведям зимой спать положено.

Объяснил Мишка свою беду. Лиса и говорит:

– Ну, тогда лови мышей, как я.

– А где мыши?

– Под снегом. У них под снегом такие ходы проделаны!

И побежала своей дорогой. Мишка понюхал, понюхал снег. Нет, не слышно мышьиного запаха. А есть еще сильнее захотелось.

Вдруг видит: бежит Зайчик-Короткий Хвостик.

– Зайчик, Зайчик, ты куда бежишь?

– От Волка спасаюсь.

– А где бы, Зайчик, мне пообедать?

– Не знаю. Медведи зимой спать должны.

– Сам-то ты, заяц, обедал сегодня?

– А как же!

– Что же ты ел?

– А я кору у осины погрыз. Попробуй и ты. И убежал.

Пошел Мишка в осинник. Отодрал кусок коры. Пожевал и выплюнул. Ой, горькая какая! Как только зайцы ее едят?!

Вдруг чувствует – что-то по спине легонько ударило. Оглянулся – нет никого. Только повернулся, опять... Смотрел-смотрел и видит: из-за ствола елки мордочка чья-то веселая выглядывает.

Это ты, Белка-Пушистый Хвост? Это ты за чем в меня шишками бросаешь?

Белка на ветку прыгнула, хвост распушила:

– Что ж, и поиграть с тобой нельзя?

– Да на пустой живот не поиграешь. А ты обедала?

– А я сейчас обедаю. Видишь – шишки? Я из них семечки выбираю и ем. Попробуй!

Взял Миша шишку, да не удержит никак в лапах. У Белки лапки маленькие, цепкие. А у Медведя – большие, косялапы.

Загоревал Мишка.

Вдруг видит – бежит Волк-Серый Хвост. Не хотел с ним Мишка разговаривать. Но Волк сам остановился.

– Эй, Михайло, ты тут Зайца не встречал?

– Встречал. Да убежал он давно. Не догонишь.

– Вот незадача. Без обеда я остался, – говорит Волк.

– Мне вот тоже нечем пообедать, – пожаловался Мишка.

– Слушай, – говорит Волк. – Ты знаешь новость какая в лесу?

– Какая?

– Здесь люди появились. На вершине холма. Двое. Деревья срубили. Избушку поставили. Потом один ушел, а другой остался. Мы хотим, чтобы и он ушел. Лес наш. Ночью воем, пугаем его. А он все не уходит.

– И всегда один?

– К нему еще какой-то человек приходит, молодой. Хлеб приносит.

– Хлеб? Что это такое?

– Это то, что люди едят. Самое главное. От хлеба у них вся сила.

– Вот бы мне кусочек! – говорит Мишка. – А где она, эта избушка?

– Человек печку топил. На запах дыма иди. А я побежал. Может, еще какого Зайца встречу.

Убежал. А Мишка пошел искать избушку. Шел, шел и вышел на полянку. Видит: стоит под елкой избушка. Только неверно сказал Волк. Не одна избушка, а две. На второй крест деревянный. Подошел Миша к избушке, где печка топится. Заглянул в окошечко. Видит: человек во всем черном, стоит на коленях, крестится, кланяется и что-то вслух говорит. А больше в избушке никого нет.

Ты ведь помнишь, сынок, как мы с тобой в церкви были? Видел, как люди молятся Богу. Так и тот человек молился. Мишка слов не понимал. Но слушал. Долго слушал. Ты говоришь, сынок, что ты бы понял? Да, ведь ты уже две молитвы знаешь: «Отче наш...» и «Богородице-Дево, радуйся...» Но Мишка человеческого языка не понимал. Постоял, постоял и отошел от окошка. Стало ему так грустно, одиноко. К вечеру подморозило. А шкура-то у него мокрая. На ветру мороз до костей пробирает. И в животе пусто.

Тут дверь избушки отворилась. Вышел человек. Хотел Мишка убежать, а лапы будто к снегу примерзли. Стоит – дрожит от холода. Посмотрел на него человек и вернулся в избушку. Скоро опять вышел. И в руке у него кусок хлеба. Положил он хлеб на пенек и отошел. Стоит и смотрит на Мишку, ласково так. Поборол Мишка страх. Подошел, съел хлеб. И весь как-то сразу согрелся. Подумал, подумал... Как поблагодарить человека? Вспомнил, что тот кланялся, когда Мишка на него смотрел в окошко. И поклонился. Всегда надо, сынок, благодарить за добро.

Что дальше было? Пошел Мишка искать новую берлогу. Нашел вывороченную елку. Только надо было подкопать яму. Копал, копал, устал. До утра пролежал на земле. Утром думает:

– Пойду-ка опять к человеку. Может быть, даст он еще хлеба.

Дождался, когда человек выйдет. А тот вышел и говорит:

– Прости, Медведь. Совсем мало у меня хлеба осталось. Вот скоро брат Петр придет, принесет хлеба. Тогда приходи.

– Ой, как же быть? – подумал Мишка. – Не

достроить мне берлогу на голодный живот. Пропаду...

Человек посмотрел, посмотрел на него. Вздохнул. И вынес кусок хлеба.

– Ладно, Медведь. Поешь. Последний кусок тебе отдаю.

Достроил Мишка берлогу. Проспал в ней до весны. Проснулся – солнышко светит, травка зеленая.

– Пойду, – думает, – к избушке, посмотрю, как там.

Пришел. Смотрит, а там не один человек, а много. Спрятался Мишка за куст. Стал считать. Считал, считал... Насчитал 12 человек. Одни избушки строят, другие полянку изгородью обнесут. Работают все дружно. И тот человек, который его от гибели зимой спас, тоже работает. Остальные называют его «Отче Сергей».

Не стал Мишка подходить близко. Еще испугаются люди. Решил уйти в дальний лес.

Жил он там долго и счастливо. Было у него много-много медвежат. И всем им он рассказывал про человека по имени Сергей, который спас

его, их папу. И не велел им людей трогать. И медвежата выросли добрыми, никогда людей не обижали.

Ты, сынок, хочешь побывать на той полянке, увидеть избушку под елкой? Нет теперь той избушки. И маленькой деревянной церкви с крестом тоже нет. На том месте вырос большой-большой монастырь. Называется он – Лавра. Стоят там белые каменные соборы с золотыми и голубыми куполами. А в одном из соборов – Троицком – стоит серебряная гробница под серебряной сенью. В ней покоятся мощи преподобного Сергия, великого нашего русского святого. Да, сынок, того, который отдал медведю последний кусок хлеба. Мы обязательно туда поедем. Вот ты перестанешь кашлять, и поедем.

Ты говоришь, дружок, что тоже будешь делать добрые дела, когда вырастешь? Обязательно будешь. А сейчас встань, налей Барсику молочка. Видишь, он об ножки твои трется, кушать просит.

А там и спать нам с тобой пора.

УДК 281.2

Н.Н. Павлюченков

Православный Свято-Тихоновский
Гуманитарный Университет
npavl905@mail.ru

СТАТЬЯ «ТРОИЦЕ-СЕРГИЕВА ЛАВРА И РОССИЯ» В РЯДУ ДРУГИХ РАБОТ СВЯЩ. П. ФЛОРЕНСКОГО

Работа «Троице-Сергиева Лавра и Россия» явилась выражением той позиции, которую священник Павел Флоренский занял в отношении революционных событий 1917 года. Она показывает, прежде всего, деятельное стремление о. Павла способствовать тому, чтобы Россия и Русская Церковь вышли из полосы очистительных испытаний с наименьшими потерями. Вместе с тем, эта работа содержит очень важный философский, богословский и исторический аспект, отражающий мировоззренческие взгляды и новые разработки русского мыслителя.

Ключевые слова: Троице-Сергиева Лавра, Россия, первофеномен, ноуменальный центр.

Как известно, непосредственным поводом для написания о. Павлом работы «Троице-Сергиева Лавра и Россия» явились революционные перемены, в ходе которых 20 января 1918 года Троице-Сергиева Лавра была национализирована и возникла реальная угроза фактического уничтожения этой вековой святыни русского и вселенского Православия. Флоренский принял активное участие в деятельности Комиссии по охране

памятников искусства и старины Троице-Сергиевой Лавры, которая под его непосредственным влиянием сформулировала свою основную задачу – «не дать ничему уйти за пределы Лаврских стен и по возможности сохранить строй Лаврской жизни» [1, с. 237]. В письме к вновь избранному патриарху Тихону в ноябре 1918 года Флоренский, в частности, писал, что в создавшейся ситуации «речь может быть не о том, что отнимут у

Церкви из лавры, ибо *все* отнято, но скорее о том, что удастся сохранить для Церкви на том или ином косвенном основании» [1, с. 237]. По большому счету, с таких позиций работа «Троице-Сергиева Лавра и Россия» была написана, как, впрочем, также целый ряд лекций, подготовленных и прочитанных о. Павлом в первые годы после революции. Флоренский не только учитывает расцерковление сознания российского интеллигента начала XX века; он обращается к людям, которые одержимы благим порывом изменить жизнь на земле к лучшему. Они хотят вытеснить, убрать с дороги все, что мешает им на пути к «светлому будущему», в числе этих препятствий, в их понимании, трагическим образом оказались религия и Церковь.

Отношение о. П. Флоренского к революции и к новой власти достаточно хорошо известно. Кратко, по совокупности свидетельств, можно сказать, что он, в числе многих других православных церковных людей того времени, конечно, видел и признавал те глубокие духовные причины, которые привели страну к революции и последующему за ней кровавому террору. Для Флоренского это было нечто подобное жесткой реакции живого человеческого организма на затянувшийся нездоровый образ жизни. Философ писал о кризисе, который должен очистить в духовном плане не только российскую, но даже и общемировую атмосферу [4, с. 409]. Именно здесь выявляется та позиция, с которой о. Павел смотрел на новую власть и происходящие в стране перемены. Он был убежден в том, что все это – лишь переходный период, после которого непременно дадут о себе знать плоды духовного очищения – возрождение церковности и восстановление самодержавной монархии, как результат готовности народа снова принять единственно необходимую «онтологическую» власть [8, с. 144].

Хотя Флоренский всегда был далек от политики и от деятельности различных общественно-политических движений, на тему государственной власти и государственного устройства он не мог не высказаться, поскольку в созданной им «символической онтологии» (или «конкретной метафизике») эти вопросы имели однозначное решение. Самодержавная монархия символически выражает на земле ту реальность, которая существует на Небе. При этом нужно иметь в виду, что в философии Флоренского символ действительно несет в себе реальность высшего мира; в

символе высший мир самым реальным, конкретным образом являет себя здесь, на земле. Поэтому подлинное монархическое устройство государства – это отнюдь не создаваемая людьми декорация и не результат каких-либо игр в политику. Это – реальное правление Бога на земле, устанавливаемое через богослужбное, культовое помазание избранного на царство правителя.

Из ряда записей о. Павла можно сделать вывод, что, по его убеждению, именно постепенное расцерковление российского общества привело к тому, что Царь был отнят от народа (именно отнят, а не отрекся в результате каких-либо тайных интриг или собственной будто бы слабой воли и т. п.) Теперь процесс должен неизбежно пойти в обратном порядке, но перед тем, как потерянное сокровище религии, Церкви и самодержавной монархии будет вновь по достоинству оценено, предстоит пройти через полосу испытаний. И нужно сделать все для того, чтобы выход из этой полосы сопровождался наименьшими потерями. О. Павел не надеялся, что преодоление будет достаточно быстрым, но, со своей стороны, вел работу именно в этом направлении. Статья «Троице-Сергиева Лавра и Россия» – часть этой работы.

Флоренский – уроженец Кавказа, приехавший в 18-летнем возрасте в Москву для учебы в университете (1900–1904) и затем на все оставшиеся годы связавший свою жизнь с Сергиевым Посадом и находящейся в стенах Троице-Сергиевой Лавры Духовной Академией. Троице-Сергиева Лавра открылась ему вовсе не только как древняя святыня, свидетельствующая о великом духовном прошлом русского народа. В тяжелейших условиях гражданской войны и победы богочерческой власти уже то было бы большим достижением, если бы на месте Лавры удалось устроить какой-нибудь музей или «культурный центр». Но Флоренский настаивает на том, что Лавра и преп. Сергий – менее всего достояние прошлого. Это единственно подлинное настоящее и будущее России. Лавра – «осуществление или явление русской идеи», «здесь Россия ощущается как целое» [6, с. 220], «чтобы понять Россию, надо понять Лавру, а чтобы вникнуть в Лавру, должно внимательным взором всмотреться в основателя ее» [6, с. 222]. «Лавра собою объединяет в жизненном единстве все стороны русской жизни» [6, с. 235]; здесь – «сердце русской культуры» [6, с. 233]. Но если есть само понятие культуры, то должна быть и та «абсолютная ценность», которая в этой

культуре воплощается. Культура невозможна, если жизнь, как среда, «насквозь чужда божественности» и не способна принять в себя и воплотить в себе «творческую форму» [6, с. 224].

Таким образом, о. Павел в немногих предложениях передает основные предпосылки и основные выводы своей «символической» онтологии (или «конкретной метафизики»), уже разработанной им к началу 1918 года. В ней равным образом невозможны как «чистый» материализм, не признающий сверх-земного образа существования, так и «чистый» идеализм, пренебрегающий вещественностью и жизнью на земле. Также в ней невозможны «растворяющий» Бога в мире пантеизм и такие верования, которые под видом утверждения монотеизма полностью выводят Бога из мира, делают мир абсолютно чуждым всякого причастия божественному. Божественное проявляет себя на разных уровнях, образующих концентрические феноменальные сферы, в которых интенсивность проявления духа возрастает по мере приближения к центру. Именно таким ноуменальным центром для России Флоренский опознает Троице-Сергиеву Лавру и преп. Сергия. «Ведь только тут, – пишет он, – у ноуменального центра России, живешь в столице русской культуры, тогда как все остальное – ее провинции и окраины. Только тут, повторяю, грудь имеет полное духовное дыхание, а желудок чувствует удовлетворенность правильно-соразмерным и доброкачественным культурным питанием. Отходя от этой точки равновесия русской жизни, начинаешь терять равновесие, и гармоническому развитию личности начинает грозить специализация и техничность» [6, с. 220].

Эти последние слова свидетельствуют, что, по убеждению Флоренского, в Лавре и самой Лаврой уже на практике явлен тот идеал «цельного знания», к которому он стремился, пытаюсь объединить в органическом синтезе богословие, философию и науку. Но если в Лавре сосредоточен ноумен России, то преп. Сергий – ее «первофеномен», т.е. первое, «чистейшее явление духовной формы, освобожденное от всех наслоений и временных оболочек, от всякой шелухи» [6, с. 221]. В антропологии Флоренского таковым является та вечная ценность, которой обладает каждый человек и которая, если только она не окажется сокрытой и подавленной «наслоениями» и всякой «шелухой», станет основанием вечной жизни в божественном бытии Св. Троицы. Это

бытие, по мысли Флоренского, прозревает преп. Сергий, а зримо, под влиянием преп. Сергия, раскрывает перед нами это бытие преп. Андрей Рублев на иконе Св. Троицы. И вся глубина этих слов о. Павла заключается в том, что мы уже призваны в этот мир божественной благодати, мы уже получили в нем неразрушимую онтологическую основу и она пребывает нашей, опять же, – если только временная «шелуха» не скроет это наше подлинное Я от нас самих. Поэтому и имеют глубокое философско-антропологическое значение такие слова о. Павла: «Лавра – это мы, более, чем мы сами, это мы – в наиболее родных и наиболее сокровенных недрах нашего собственного бытия. Вот почему мы несли и несем сюда не только задушевный трепет нашего сердца, но и все наше творчество, во всем его объеме, все наши культурные достижения и ценности: мы чувствуем в них какую-то неполноту, покада не соотнесли их с сердцем русской культуры» [6, с. 233].

И практически все, что о. Павел пишет о Лавре и преп. Сергии, имеет для него именно такое глубокое значение. Способный понять это – понимает, а для остальных – осуществляется апелляция к ценностям культурным и государственным, которые, будучи взяты сами по себе, не имеют вечного значения, но восприятие которых, в данном случае, может стать ступенькой восхождения к вечности. Именно на этом уровне о. Павел говорит о Лавре как об историческом музее русской архитектуры, о средоточии русской литературы, центре русского просвещения, русской хозяйственности, русской государственности, указывает на «красоту народного быта», которая сопровождает «праздник Троицы» и т. д. [6, с. 233].

Статья завершается практическими указаниями на то, как можно в новых условиях использовать это жизненное средоточие и «единство всех сторон Русской жизни» [6, с. 235]. По сути, это – проект создания на основе Лавры научно-исследовательского и производственного комплекса, занятого вопросами архитектуры, этнографии, антропологии, музыки, шитья, ювелирного дела, многого другого и даже тех новых дисциплин и сфер творчества, которые, как пишет о. Павел, могут возникнуть и наверняка возникнут после свершившегося «перелома мировой истории» [6, с. 236]. Понимание «перелома» приведено здесь же: это переход «от уединенного рассудка ко всенародному разуму», в ходе которого Лавра должна стать «живым музеем России, в котором ки-

пит изучение и творчество и где, в мирном сотрудничестве и благожелательном соперничестве учреждений и лиц, совместно осуществляются те высокие предназначения..., которые ждут творческого подвига от Русского народа». Эти «высокие предназначения» – дать «целостную культуру» и «воссоздать целостный дух» [6, с. 236].

Даже в своих работах, написанных в годы советской власти, Флоренский никогда не искажал свою позицию и свои убеждения. И в этой статье – «Троице-Сергиева Лавра и Россия» – ему удастся сказать очень много важного в философском, богословском, историческом планах, избегая при этом элементов церковной проповеди, которая могла бы вызвать лишь раздражение и обратную реакцию у новых властей. В добавление к вышесказанному достаточно указать еще на описание о. Павлом, как он выражается, «творческого содержания» иконы Св. Троицы [6, с. 228–230] и на его оценку значения принятия на Руси через преп. Сергия решений «паламитских» соборов XIV века [6, с. 226]. В обоих случаях речь идет о высшем смысле и значении христианской религии: возможности достижения человеком обожения после вочеловечения Бога. После Христа открывшийся человечеству путь спасения совпадает с путем обожения и он же, этот путь, ведет вообще к утверждению человека в единственно подлинном, реальном бытии.

К ноябрю 1918 года, когда о. Павел написал эту работу («Троице-Сергиева Лавра и Россия»), у него уже было подготовлено несколько лекций из цикла «Философии культа», в одной из которых прямо говорится, что без участия в богослужении и в «богоделании» («Теургии») на земле человек невозможен как таковой [2, с. 107]. В «Столпе и утверждении Истины» [5, с. 173] и в «Иконостасе» [3, с. 92] схожим образом указывается на последствия такого выбора (т.е. отказа от богослужения): жизнь человека «распыляется»; человек утрачивает внутренний стержень, дающий субстанциональное единство его самосознанию, и само его Я теряется в потоке различных эмоций, психических состояний. Поэтому, конечно, для о. Павла невозможно было мыслить Лавру без осуществляемого в ней богослужения. В богослужении восстанавливается, поддерживается и обновляется глубокая, органическая связь всего бытия с его ноуменальным центром, находящемся в Боге. Только так возможно любое творчество, в том числе и самое главное – участие

человека в обожении всего мира. Все проекты по созданию в Лавре универсального творческого и просветительского центра без богослужения для Флоренского, конечно, не имели никакого смысла.

«Средоточием же этой всероссийской Академии культуры, – пишет о. Павел, – мне представляется поставленное до конца, тщательно, с использованием всех достижений русского высоко-стильного искусства храмовое действо у священной гробницы Основоположника, Строителя и Ангела России» [6, с. 236], т.е. преп. Сергия. В другом месте (в самом первом своем докладе в Комиссии по охране памятников искусства и старины Троице-Сергиевой Лавры, прочитанном 27 октября / 9 ноября 1918 года) Флоренский уже отметил как лишенные здравого смысла, культурного и эстетического чувства, попытки организовать на месте Лавры чисто светский музей. «Я понял бы, – говорил он, – фактическое требование разрушить Лавру, так, чтобы не осталось камня на камне, – во имя религии социализма; но я решительно отказываюсь понять культуртрегерство..., ревностно защищающее икону, стенописи и самые стены и равнодушно к другим, несколько не менее драгоценным достижениям древнего искусства», главное же – не считающееся с высшей задачей искусств – их «предельным синтезом», каковым, как настаивает здесь о. Павел, является совершаемое в стенах Лавры богослужение [7, с. 213].

С не меньшей резкостью он утверждает, что даже замена в богослужении монахов на белое духовенство превратит Лавру в мертвый склад «более или менее случайных вещей» и называет подобный замысел «весьма непрониновенным и эстетически недочувственным» [7, с. 212]. В точном соответствии со своими убеждениями Флоренский не может себе представить человека культуры, который отрицает то, что является средоточием не только культуры, но и самой жизни, т.е. Христианского богослужения. Безусловно, воспринимая христианскую монашескую аскетику как высшее творчество, о. Павел в работе «Троице-Сергиева Лавра и Россия» имеет ввиду жизненную силу монашества, его необходимость для полноценного проявления ноуменального центра России в обители преп. Сергия.

Можно ли сказать, что деятельность о. П. Флоренского и всей вообще Комиссии по охране памятников искусства и старины Троице-Сергиевой Лавры не достигла своих целей? Ведь Лавру, в кон-

це концов, все же закрыли и богослужения в ней до 1940-х годов были прекращены. Можно не сомневаться в том, что Комиссия сделала все, что от нее зависело в тех чрезвычайно сложных обстоятельствах. Но при этом сам Флоренский не испытывал иллюзий по поводу масштаба и силы проявившегося в России после 1917 года общемирового зла. О. Павел относился к тем подвижникам Русской Церкви, которые не вышли из мира, где, как казалось, одержало победу воинствующее богочорчество и не спешили путем прямых обличений антихристианской деятельности новой власти принять мученические венцы. Они оставались в обществе, руководимом этой властью, для того, чтобы, если Бог откроет такую возможность, пытаться преобразовать это общество изнутри. Такой подвиг всегда сопряжен с возможным непониманием и даже неприятием тех, кто избрал другой путь – путь мученичества. Но этот подвиг дает свои плоды; достаточно вспомнить о тех, кто уже в годы Советской власти испытал на себе влияние о. Павла и по-новому оценил православную церковность как сокровище, которое в России так мало ценили в XVIII – XIX вв. и потому в начале XX века чуть было окончательно не потеряли.

В более позднее время многие представители советской интеллигенции, читая Флоренского, обращались к Церкви. Статья «Троице-Сергиева Лавра и Россия» – также одна из таких работ, спо-

собствовавших новому воцерковлению российского общества. Как представляется, если справедливо то, что новомученики и исповедники российские вымолили это новое духовное возрождение Русской Церкви и нашего народа, то справедливо также и то, что, по крайней мере, в восстановлении с 1940-х годов в Троице-Сергиевой Лавре богослужения и монашеской жизни, в новом открытии Духовной Академии есть доля и молитв священника Павла Флоренского.

Библиографический список

1. Андроник (Трубачев), игум. Примечания // Павел Флоренский, свящ. Избранные труды по искусству. М., 1996.
2. Павел Флоренский, свящ. Из богословского наследия // Богословские труды. Сб. 17. М., 1977.
3. Павел Флоренский, свящ. Иконостас // Павел Флоренский, свящ. Избранные труды по искусству. М., 1996.
4. Павел Флоренский, свящ. Сочинения: в 4 т. Т. 2. М., 1995.
5. Флоренский П.А. <Сочинения>. Т. 1 (1). Столп и утверждение Истины. М., 1990.
6. Павел Флоренский, свящ. Троице-Сергиева Лавра и Россия // Павел Флоренский, свящ. Избранные труды по искусству. М., 1996.
7. Павел Флоренский, свящ. Храмовое действо как синтез искусств // Павел Флоренский, свящ. Избранные труды по искусству. М., 1996.
8. Переписка свящ. П.А. Флоренского со свящ. С.Н. Булгаковым. Томск, 2001.

УДК 281.2

Т.А. Казначеева

Костромской государственный
университет им. Н.А. Некрасова
taleksta@mail.ru

СЕРГИЙ РАДОНЕЖСКИЙ – АНГЕЛ-ХРАНИТЕЛЬ РОССИИ, ТРОИЦЕ-СЕРГИЕВА ЛАВРА – GENIUS LOCI СЕРГИЕВА ПОСАДА

Аннотация. В статье автор рассматривает функциональность концепта «Genius loci» на примере Сергия Радонежского и Сергиева Посада. Культурные действия в Троице-Сергиевой Лавре с их сущностными характеристиками придают месту смысл историко-генетического развития художественной культуры, законов жизни человеческого рода. Отец Павел Флоренский представлен персонифицированным гением места.

Ключевые слова: место, культ, город, образ, личность, Павел Флоренский, Сергиев Посад, Троице-Сергиева Лавра, концепт «Genius loci», смысл, творчество, культура.

Будучи включенным в пространство, человек должен «найти свое место в жизни». От его гармоничных отношений с естественной средой, вовлеченности в социальную среду зависит со-

здание ландшафта культуры, а также общественный статус. Вторая природа – культура – стремится быть подобной первой. Собственно, эта идея заложена в основном принципе творческой

деятельности человека – мимесисе.

Место – это структурированный мир, где каждый элемент, каждая сторона и связь этой структуры несет смысловую нагрузку, поэтому утрата любого элемента оказывает влияние на всю структуру. Бывшее священным (культовым) место теряет свое качество, если культ теряет силу. Хотя природные внутренние свойства сохраняют силу во времени.

Город – это своеобразная модель, отражающая мировоззрение человека, парадигма его взаимоотношений в мире. Созданная человеком структура несет информацию о пространстве и его функциональных связях и предназначается для дальнейшего существования, для будущего. Как «усовершенствованная копия» первой природы городской ландшафт стремится обрести сакральный смысл, но он может стать профанным. В городе человек в высшей мере проявляет себя как строитель.

Индивидуальный образ города со своей судьбой рефлексивируется в художественной форме посредством чувственного измерения как реально собирающаяся личность в культурном тексте творца. Городской центр, по мнению архитекторов, помогает понять, как качество, свойство превращаются в смысловое значение места. Город, особенно его центр, разговаривает с нами на своем языке. С древних времен церкви, выполнявшие многообразные функции и являвшиеся «святынями» города, были главными зародышевыми клетками городской культуры. Церковь олицетворяла ценности, конкретизировала образ Божий. Кроме того, пространство храма выступало репрезентантом того, как общество представляло себе свое существование между небом и землей, то есть картину мира, интегрировавшую все центральные культовые и культурные функции.

Образ городских центров отвечает за ценностную ориентировку общества. Городские центры являются точками кумуляции нашей культуры. Запахи, краски, звуки, формы, свойства, вид, свет – все это создает образ, который воспринимается как целое и влияет на то, что люди чувствуют, думают, говорят, строят и творят на этом месте.

Жизнь отца Павла Флоренского связана с городом Сергиев Посад и Троице-Сергиевой Лаврой. В тяжелое для церкви время большевизма отец Павел вошел в Комиссию по охране памятников и старины Троице-Сергиевой Лавры в дол-

жности ученого секретаря и хранителя Ризницы. Как идейный манифест Комиссии Флоренским была написана статья «Троице-Сергиева Лавра», которую автор начинает отзывом о Лавре архидиакона антиохийского патриарха Павла Аллепского, который посетил ее 11 июня 1655 года и был восхищен этим «прекраснейшим местом всей земли» [2, с. 352]. Приведенное суждение свидетельствует об объективности дальнейших рассуждений Флоренского о «тонком очаровании» Лавры, которое, «как смутная память детства, уродняет душу Лавре» [2, с. 352]. По мнению о. Павла, «неотразимость этого очарования – в его глубокой органичности», подразумевающей эстетику, историю, «ощущение народной души» и «восприятие в целом русской государственности» [2, с. 353]. Флоренский наделяет Лавру ноуменальностью, объясняя это «всесторонним, жизненным единством» ее «микроскопом» со своей «микроисторией» [2, с. 353]. Целостность и всесторонность Лавры проявляется в образах, которые о. Павел создает для нее: «конспект бытия нашей Родины», «художественный портрет России в ее целом», «энтелехия русской идеи», «столица русской культуры». Этот образ притягателен своим равновесием и благоприятен для «гармонического развития личности» [2, с. 353]. Павел Флоренский, определяя феноменальность «местности, пронизанной духовной энергией Преподобного Сергия» [2, с. 353], «гениального открывателя Троичного культурного идеала России» [2, с. 361], обращается к античности, ее духу культуры. Представляется возможным употребить в данном контексте концепт «Genius loci».

Концепт «Genius loci» указывает на обладание каким-то местом собственным гением, который наделяет это место энергией добра, разума, красоты, потайной информацией, которой может оперировать не сознание, а подсознание человека в виде образов, аналогий, метафор, проявляющееся в интуиции, предчувствии. Незримый гений места воздействует на людей, которым суждено самим стать гениями, которые уловили сигналы, поступившие из неведомого, и совершили духовный подвиг. Гений места связывает интеллектуальные, духовные, эмоциональные явления с их материальной средой. Дух местности – источник взглядов, идей, ценностей, которые человек может как принять, так и отвергнуть. Исторически здания церковью возводились на местах со смысловым весом. Занимая географическое по-

ложение *Genius loci*, церковь является его материальным выражением. Образ города, в зависимости от описания, может в чем-то меняться, но, благодаря своему *Genius loci*, его сущность едина и целостна. «*Genius loci*» характеризуется гармонией, совершенством, стремлением к идеалу. Концепт «*Genius loci*» – один из ключевых концептов в культурологии, раскрывающий систему идентификации места и человека, утверждающий гармонизацию отношений природного и культурного ландшафтов, включающий смысловые ценности, подлежащие сохранению и передаче следующему поколению.

Все это воплощает в себе Троице-Сергиева Лавра с «художественно проработанными линиями духовного характера Руси» [2, с. 354], «исторический, художественный и метафизический уникум» [2, с. 365]. Согласно античным верованиям, гений определял характер и защищал от невзгод. Лавра выражает духовную сущность России, самосознание русского народа и призвана оберегать страну и ее жителей: «По творческому замыслу основателя ... храм, *гениально* [курсив мой. – Т.К.] им ... открытый, есть прототип собрания Руси в духовном единстве, в братской любви. Он должен быть центром культурного объединения Руси, в котором находят себе точку опоры и высшее оправдание *все* [курсив автора. – Т.К.] стороны русской жизни» [2, с. 360].

Преподобного Сергия Радонежского Флоренский называет «особым покровителем, хранителем и вождем русского народа», «Ангелом-Хранителем России» [2, с. 354]. По функциональности определение совпадает со значением концепта «*Genius loci*». Во-первых, о. Павел подчеркивает «особую творческую связанность Преподобного Сергия с душой русского народа» [2, с. 354], со всей его деятельностью, имеющей отношение к нравственной идее, государственности, живописи, зодчеству, литературе, школе, науке, что актуализирует деятельностный аспект концепта. Во-вторых, «мысль об ангелах-хранителях» близка идее о «сверх-эмпирической, выше-земной сущности» [2, с. 355] житетворчества и создания культуры, что предполагает воплощение в жизнь абсолютной духовной ценности мира. Конкретная местность вдохновляет человека на творчество, творческие силы раскрываются, показывают смысл, который первоначально наполнял местность. Если достигнута своеобразная гармония первой и второй природы и человека как по-

средника, то predeterminedный ход развития продолжается, стремясь к результативности. Причем сам процесс тоже наполнен смыслом как творческий акт в мире человеческой истории. Но, как отмечает о. Павел, «если жизнь, как среда, насквозь чужда божественности, то она не способна принять в себя, воплотить в себе творческую форму» [2, с. 357]. В-третьих, самоидентичность народа и человека, нашедшие отражение в концепте «*Genius loci*», Флоренский связывает с тем, что с помощью Преподобного Сергия «русский народ осознал себя, свое культурно-историческое место, свою культурную задачу ... себя» [2, с. 356]. При этом большое значение имеет память рода, транслирующая культурные ценности от поколения к поколению, почитание предков, «священнейшие вздыхания наших собственных глубин» [2, с. 365]. Флоренский называет Преподобного Сергия «вторым родоначальником» [2, с. 359] русского народа после Равноапостольного Кирилла. Познавая дух места, мы приближаемся к пониманию смысла существования человека, города, мира. Изучая эстетические, экономические, синтетические качества мест, связанные с их энергетикой, духом, можно понять с большей степенью достоверности смысл историко-генетического развития художественной культуры, законы жизни культурно-исторического организма человеческого рода. Вникая в образ Троице-Сергиевой Лавры, мы постигаем «первообраз русского духа и творческого его воплощения» [2, с. 365].

Как отмечает о. Павел, «идея Пресвятой Троицы для Преподобного Сергия была в порядке общественного строительства, заповедью общезжития» [2, с. 366], предполагающая «совместное житие в полной любви, единомыслии и экономическом единстве» [2, с. 367]. В связи с этим знакомыми являются слова Флоренского: «Чтобы понять Россию, надо понять Лавру, а чтобы вникнуть в Лавру, должно внимательным взором всмотреться в основателя ее». Здесь продолжается логическая цепочка, парадигма концепта «*Genius loci*», в которой отец Павел Флоренский является ее звеном. Священник Павел Флоренский выступал защитником Троице-Сергиевой Лавры, «образцового памятника и явленной исторически попытки осуществить верховный синтез искусств», о котором, по выражению Флоренского, «столь мечтает новейшая эстетика» [3, с. 371]. Флоренский призывает сохранить Лавру в ее первоначальной функции, с ее жизненным ду-

хом, чтобы сохранить «целостный организм храмового действия как синтез искусств» [3, с. 376]. К храмовому действию священник Павел Флоренский относит «искусство огня, искусство запаха, искусство дыма, искусство одежды», кроме того – «единственные в мире Троицкие просфоры с неведомым секретом их печения», «своеобразную хореографию, проступающую в размерности церковных движений при входах и выходах церковнослужителей, в схождениях и восхождениях ликов, в обхождениях кругом престола и храма и в церковных процессиях» [3, с. 378; подробнее см.: 1, с. 134–148]. Эти культовые действия с их существенными характеристиками, придающие месту глубинный смысл, прямо соотносятся с первоначальным употреблением концепта «Genius loci». Об этом пишет и сам Флоренский: «Вкусивший чар античности хорошо знает, до какой степени это все антично и живет как наследие и единственная прямая отрасль древнего мира» [3, с. 380]. Троице-Сергиеву Лавру – Флоренскому она представ-

лялась в будущем «русскими Афинами» [2, с. 369] – с ее значением в духовной жизни русского народа можно рассматривать как Genius loci Сергиева Посада и России в целом; а призывающего к «бесконечному вниманию и бесконечной бережности» по отношению к «этому целостному художественно-историческому и единственному в своем роде мировому памятнику» [3, с. 380] отца Павла Флоренского – персонафицированным гением места.

Библиографический список

1. *Едошина И.А.* Храм как воплощение синтеза искусств в концепции священника П.А. Флоренского // *Terplis Eiropas kultura. Daugavpils*, 2007. S. 134–148.
2. *Флоренский П.А., свящ.* Троице-Сергиева Лавра и Россия // *Сочинения*. В 4 т. Т. 2. М.: Мысль, 1996. С. 352–369.
3. *Флоренский П.А., свящ.* Храмовое действие как синтез искусств // *Сочинения*. В 4 т. Т. 2. М.: Мысль, 1996. С. 370–382.

АНТИНОМИИ КУЛЬТУРЫ

УДК 1(470)

Н.Н. Павлюченков

Православный Свято-Тихоновский
Гуманитарный Университет
npavl905@mail.ru

«ЭЛЛИНИЗМ» И «АНТИЧНОСТЬ» В РАБОТАХ П.А. ФЛОРЕНСКОГО

В статье представлены свидетельства того, что понятия «эллинизма» и «античности» в работах и записях священника Павла Флоренского выражают, прежде всего, основополагающую для него христианскую идею благодатного преображения человека. В этом новом состоянии для человека становится необходимой личной встреча с Богом, без которой невозможна реализация самой сути религии. Автор делает вывод, что Флоренский не «возвращался» из христианства в античность, а, напротив, рассматривал христианство как религию, в которой получили свое исполнение лучшие ожидания античности.

Ключевые слова: эллинизм, античность, христианство, обожение, благодатное преображение.

Из всего наследия священника Павла Флоренского можно сделать довольно обширную подборку материалов, в которых говорится об «эллинизме» или об «античности», причем не только и не столько в значении отдельных этапов древней истории человечества или развития древнегреческой философии. Чаще всего эти термины у о. Павла являют собой стремление русского мыслителя донести до читателя и слушателя некоторые определенные и очень важные для него идеи.

Глубокий смысл такого рода идей не всегда раскрывается прямо в том же месте, где «античность» или «эллинизм» («эллинизм») упомянуты, так что порой сама видимая их идеализация Флоренским, в сочетании с отождествлением духа «античности» с христианством, может приводить к некоторым недоразумениям. В этом отношении достаточно упомянуть давнее исследование С.С. Хоружиего, написанное в 1970-е годы еще по «самиздатовским» материалам и опубликованное полтора десятилетия назад (1999). В нем автор однозначно утверждает, что эллинскую и христианскую мистику Флоренский постоянно рассматривал как «метафизически идентичные», как варианты или как последовательное развитие «одной и той же самотождественной духовной традиции» [12, с. 103]. На этом же основании делаются выводы об отождествлении Флоренским существа античных мистерий и христианской литур-

гии [12, с. 114–118]. А поскольку богословского исследования лекций о. Павла по «Философии культа» с тех пор так и не было проведено, эти выводы, как безальтернативные, продолжают тиражироваться и появляются даже в учебной литературе (см., например [2, 263]).

Но так ли на самом деле был нечувствителен к новизне христианства о. Павел, с 1911 года предстоящий алтарю и испытавший на себе (как это можно видеть из записей и личной переписки) все свойственные священническому служению благодатные ощущения и переживания? Как же тогда быть с его же утверждениями о том, что христианство принесло «новый дух», который однако должен был воплотиться в уже созданной в язычестве «культурно-исторической плоти» [7, с. 232]? Как быть с его опознанием наличия в христианстве такой антиномии, когда эта новая религия и по форме, и по сути вовсе не выглядит чем-то новым, но вместе с тем являет собой радикальный, качественный скачок в историко-религиозном процессе [7, с. 430–431], разрушая преграду между «только-монотеистическим, трансцендентным миру, иудейством и только-пантеистическим, имманентным миру, язычеством» [8, с. 224]?

Учет подобных высказываний требует, по крайней мере, не упрощать ситуацию с «эллинизмом» Флоренского и также, в числе прочего, не объяснять этот «эллинизм» целиком влиянием Вячеслава Иванова, которое могло иметь место,

но не оказалось, в конце концов, здесь определяющим. На самом деле, идеи «эллинизма» и «античности» в трудах Флоренского выражали себя на разных уровнях – от обыденного до метафизического (философского и богословского). В данном случае хотелось бы поставить задачу и указать на эти уровни, основное внимание сосредоточив на самом главном в них.

В своих «Воспоминаниях» о. Павел пишет, что в семье, в которой он вырос, был с детства сознательно изолирован от церковного учения и от русских народных сказок. Вместе с тем, такому, сугубо светскому, «современному» воспитанию, как считалось, не препятствовало знание детьми античной мифологии. Результатом, как пишет о. Павел, было то, что он «чувствовал себя древним эллином яснее, нежели русским, и фавнов и нимф любил и знал более, нежели леших и русалок» [5, с. 97]. Очевидно, что, как и вообще ко всему, что связано с религией, к античному мифу в светской среде отнеслись лишь как к экспонату из музея древностей; все это считалось «безнадежно умершим», т.е. не просто уже давно не актуальным, но в принципе никогда не имевшим никакого реального значения и реальной силы. Считалось, что это – «фантастическое отражение действительности» в головах древних людей, по своей наивности соответствующие примитивному уровню развития ума и т. д.

Как известно, отношение к мифу в научной среде в XX веке изменилось во многом благодаря работам М. Элиаде, а в философии существенные разработки в этом направлении были сделаны А.Ф. Лосевым. Но в начальный период своего творчества А.Ф. Лосев (как и С.Н. Булгаков, также писавший на тему мифа), испытал влияние Флоренского. Для Флоренского миф был реальным вследствие того, что, как он пишет, в детстве он жил в тех самых местах, где развивались «мифические» события. «Греческий миф, – пишет о. Павел в начале 1920-х годов, – мне был близок, а земля, по которой я ходил, пропитана испарениями античности». Фазис, к устьям которого совершали поход аргонавты, – это река Рион, в той же самой Колхиде. «И знал я также, что доселе стоит скала в Рионском ущелье, на которой был распят Прометей» [5, с. 97].

Вот это слово «распят» вместо ожидаемого «прикован» употреблено здесь Флоренским совсем не случайно. В 1920-е годы Флоренский фактически снова повторяет то, что было высказано

им в ранней работе («реферате») 1906 года («Догматика и догматизм») и затем (до некоторой степени) развито в «Столпе и утверждении Истины». Это – восприятие мифа о Прометее как выражение глубинных поисков человеком возможности реализации цели своего существования. Эти поиски суть «глубинные» в том смысле, что они определяются самим онтологическим устроением человека. Человек ощущает идущий из самой основы своего существа запрос на личную встречу с Богом, без которой на самом деле не может быть никакого истинного богопочитания и, фактически, не может состояться религия как таковая. Имея пред собой Бога как понятие, как отвлеченную идею, располагая, пусть даже самым возвышенным и совершенным *учением о Боге*, человек не может удовлетворить требования своей природы и в те моменты, когда эти требования явно дают о себе знать (т.е. проявляют себя на уровне эмпирического сознания), человек становится «богоборцем», поднимая бунт против навязываемых ему религиозных представлений¹.

Сама суть проявляемого такого «богоборчества», по мысли Флоренского, становится понятной только после Христа, и только в христианскую эпоху эта глубинная борьба против неподтвержденного опытом образа Бога становится «узаконенной». Обновленный человек, – пишет Флоренский, – требует нового качества религиозного опыта; его не может больше удовлетворить встреча с Богом, не носящем «в Себе Самом Своего оправдания» [10, с. 444]. Но это не только требуемый признак Абсолютности и Святости. «Этот запрос – поклоняться Богу как Истине, удовлетворится в непосредственных переживаниях Бога человеком, потому что в них только Бог может быть дан как реальность, и ... только в самой реальности, а не в понятии, нами созданном, открывается сущность Бога, *implicite* содержащая в себе и данные для оправдания Его. Только стоя лицом к лицу пред Богом просветленным сознанием постигает человек правду Божию, чтобы благословить Бога за все» [10, с. 447]. «Христианство... ставит лицом к лицу с Самой трансцендентною Личностью Божией», без удостоверения в которой «возрожденное сознание останется вовсе без Бога» [10, с. 446–447].

Сближая идею мифа о Прометее с тем переверотом, который в человеке осуществляет Христос, Флоренский выражает, в наиболее концентрированном виде, свое понимание «античности».

Прометеев огонь – это благодатный огонь преображения всего человеческого существа. Это он разжигает в человеке требование встречи как высшего «оправдания» Бога и реализации конечной цели – обожения. Христос действительно приносит этот огонь, и «богоборчество» Прометея становится «богоискательством» в самом высшем, онтологическом смысле этого слова. «Античность» в данном случае – это то, что содержит в себе эти истины, поддерживает во все времена человеческой истории этот единственно подлинный, ничем другим незаменимый дух настоящей Религии. В частности, именно поэтому у Флоренского «античным» вдруг оказывается все, что связано с деятельностью в России преп. Сергия [8, с. 220–221], и в самой Троице-Сергиевой Лавре он обнаруживает желание создать «живой музей», именуемый им «русскими Афинами». Это, как он замечает, помогло бы «воссоздать целостный дух античности, явить новую Элладу» [8, с. 236].

Таким образом, «Эллада» у Флоренского менее всего географическое понятие. Ощущая себя гораздо более «эллином», чем «русским», о. Павел в зрелые годы своей жизни никогда не стремился не только в Грецию, но даже на Кавказ, столь дорогой ему по воспоминаниям детства и по тем «испарениям» античности, которые он там ощущал в детстве и в юности. Он на всю жизнь связывает себя с Сергиевым Посадом и наблюдает здесь даже не просто полноценное преемство от Византии, но сам чистый, незамутненный никакими историческими искажениями, «эллинизм», «теплый еще и полный внутреннего трепета и света» [6, с. 257]. Древняя Русь, по Флоренскому, возжигает «прометеев огонь Эллады» [8, с. 222]; «вся Русь, в метафизической форме своей сродна Эллинству», а ее духовный родоначальник – преп. Сергий – воплотил в себе «эллиническую гармонию совершенной... личности» [8, с. 221].

Вряд ли теперь, с опорой на какие-либо исторические документы, возможно уверенно утверждать, что до преп. Сергия, живущего в глухих радонежских лесах, дошли решения «паламитских» соборов, проходивших в XIV веке в Византии. Как известно, эти соборы, в конце концов, догматически выразили христианский религиозный опыт непосредственной встречи человека с Богом, такой встречи, которая преображает все человеческое естество и приводит к обожению как к высшей цели существования человека. Из-

вестно также, что сам свт. Григорий Палама объяснял, что никогда не решился бы на попытку оформить догматическими понятиями эту священную тайну христианства, если бы не невежественное вторжение в нее ученого грека Варлаама. Наверное, любой историк признает практически невероятным знакомство современника событий преп. Сергия со всеми подробностями этого спора свт. Григория Паламы с Варлаамом, и тем более невероятным, чтобы преп. Сергий во всем этом разбирался. Но соображения «здорового смысла» никак не руководят Флоренским, т.к. он, очевидно, имеет в виду не философско-богословские способности радонежского подвижника, а единство опыта, единство того духа, который связывал преп. Сергия и свт. Григория Паламу. Флоренский, как кажется, не обращая никакого внимания на отсутствие исторических данных, уверенно утверждает, что преп. Сергий не просто интересовался происходящим на «паламитских» соборах², но и прямо лично «посылал в Константинополь своего доверенного представителя» [8, с. 226].

Соборы XIV века для Флоренского были «последним словом» Византии, после которого, очевидно, дух эллинизма в ней угас. Но этот огонь разгорелся далеко от нее на севере, в русских лесах и там достиг своего «воплощения». Русь в лице преп. Сергия приняла задачу «культурного воплощения» огня Прометея. Это приложение новых усилий к тому, чтобы христианская истина обожения не оставалась отвлеченным понятием, мертвым догматом. Ведь «эллинизм» для Флоренского – не просто идея, но и ее реализация в каждой конкретной, может быть, далеко не лучшей среде.

«Античность» – это еще и «священная трагедия», которой так восхищался о. Павел (см., например [9, с. 221]). В одном из писем из Соловецкого лагеря, адресованных дочери Ольге, он пишет (10–11 марта 1936), что «греческая трагедия – самая поучительная, самая глубокая и самая совершенная часть мировой литературы». «У меня, – добавляет он, – от нее всегда было чувство абсолютного совершенства: лучше быть не может – достигнут идеал». В данном письме речь идет о трагедии несоответствия между личными поступками (или проступками) человека и его личной участью, а также о том, что даже в своих личных поступках человек на самом деле может быть не свободен, а обусловлен своими наследственными свойствами, «роковой виной» своих предков.

Античная трагедия получает свою завязку в «трагической вине», т.е. в такой вине человека, которая содержится в самом его существе и не зависит от его личной доброй или злой воли [3, с. 315].

Представляется, что таким образом о. Павел пояснил, насколько это было возможно в письме из советского лагеря, суть того, что в христианской догматике известно как «первородный грех» и что в расцерковленном обществе уже давно перестало быть предметом живого опыта. Он полагал, что в античной трагедии эта реальность была глубоко прочувствована и были заданы такие вопросы, которые теперь не возникают там, где христианские догматы воспринимаются как отвлеченные понятия. При этом нужно иметь в виду, что в одном из предыдущих писем отца (в январе 1936) Ольга уже читала сравнение античной трагедии с Шекспиром: у Шекспира «океан, то бушующий, то мирно-плещущийся, принимающий все возможные цвета» и охватывающий «весь мир человеческих возможностей, все оттенки чувства». «Но над этим бушующим океаном не носится луча просветления, который так ясен в античной трагедии. Тут много благородства, но нет святости, как новой по качеству силе, активно переустраивающей... Воли без конца, воли избыток – и все-таки эта воля пассивно берет жизнь, как данную, не ставит себе задачей преобразования и просветления ее». По мысли Флоренского, Шекспир выражает «самую суть новой, возрожденной культуры», в которой человеческое самоутверждение оборачивается тем, что человек теряется в мире, «смотрит на мир через замочную скважину» и не имеет иных корней, кроме стихийных. Потому человек здесь «играло место стихий во всем: в нравственности, в личной жизни, в семье, в государстве, в обществе, в экономике и даже в познании и искусстве» [3, с. 311].

Контекст этих утверждений о. Павла представляется очевидным: «античность» в древнегреческой трагедии – это то, что дает человеку «исход» к самому себе, просветляет и преображает его бытие. Священный огонь Прометея загорается в самой гуще тьмы безысходности и человеческой беспомощности. В этом смысле, если и есть что-то до конца «античное», то это, конечно, та онтологическая перемена, принесенная в мир Христом. И, конечно, во Христе, в этом высшем выражении «античности», открывается такая любовь к человеку, которая любит не «издалека», не откуда-то «с небес», а снисходит в самую пучину

исковерканного человеческого бытия для того, чтобы преобразить это бытие изнутри.

Не случайно, что на келейной иконе преп. Сергия – Божией Матери Одигитрии – Флоренский улавливает такой признак «античности» как «духовный отклик на жизнь», мотив «умудренной зрелости и величавого достоинства мысли, знающей жизнь не в мечтательных образах, а в ее растленности и порче и все же, при глубоком знании нецельности жизни, – в себе хранящей бодрую надежду и спокойное и мирное “да” бытию» [6, с. 263]³. В этом «да» бытию, конечно, звучит, как можно догадываться, то самое «да» земле, которое выражено в словах Христа: «Огонь пришел Я низвести на землю и как желал, чтобы он скорее возгорелся» (Лк. 12, 49).

В начале XX века Флоренский был одним из первых наших философов и богословов, которые активно стали разрабатывать тему обожения как причастия человека Божественному огню и свету. Образы огня и света, как известно, достаточно широко употребляются в христианском Священном Писании и в христианской святоотеческой литературе для того, чтобы показать реальность благодатного преображения человека, испытавшего встречу с Богом. Флоренский обращается к этим источникам в «Столпе и утверждении Истины», книге, которая изучалась и изучается с самых разных позиций, но до сих пор, к сожалению, обделена вниманием наших богословов. (По всей видимости, диссертация о. Андроника 1984 года [1] остается в этом отношении до сих пор единственной). Для многих богословов эта книга о. Павла, очевидно, оказалась «заклейменной» присутствующей в ней софиологией и из нее (из этой книги) не рассчитывают почерпнуть что-то ценное. Но это существенная ошибка, поскольку, как бы ни были замечательны, спорны, важны или несущественны все другие главы «Столпа», основным его смыслом остается вовсе не София как таковая, а вопрос о поиске и обретении человеком *достоверности* своего знания о Высшей Реальности. Это вопрос реального внутреннего опыта, когда «палящий огонь Прометея», «идет изнутри», из самого человеческого Я, требующего «не-условного знания» [11, с. 37]. Флоренский утверждает, что такое знание не только возможно, но и жизненно необходимо; обретается оно только в непосредственной встрече и совершенно не зависит от человеческой субъективности. «Истина сама себя делает Истиной» [4, с. 822],

и не человеческий разум путем постепенного развития приходит к ней, а она сама, являясь человеку, прекращает всякие сомнения и делает Себя его достоянием.

Существенно то, что все эти вопросы Флоренский обсуждает, в конечном итоге, в связи с той переменной, которую во внутренний мир человека вносит Христос. Вне Христа, согласно Флоренскому, возможно только видение Божественного Света, но не его реальное усвоение. Это, если можно так сказать, «встреча» без последствий, «встреча», которая не обоживает, а потому и встречей в подлинном смысле считаться не может. Это – «античность» неосуществленная, еще остающаяся лишь с далекими проблесками, «зарницами» огня Прометея.

Все приведенные свидетельства, как представляется, показывают, что Флоренский отнюдь не «возвращался» из христианства в античность, а, напротив, дохристианскую античность пытался подвести под идею всеобщего, сознательного или несознательного, ожидания Христа. Идеал «античности», как ее понимал русский мыслитель, реализован в христианской практике благодатного, обоживающего преображения человека и всего мира.

Примечания

¹ На самом деле, это – весьма важное наблюдение. И актуально оно не только для того времени, – начала XX века, – когда Флоренский обращался к этим темам. Достаточно часто, даже «верующий, церковный» человек, сталкиваясь с такими поворотами в своей жизни, которые не входили в его планы, поддается настроению явного или скрытого ропота на Бога. И это, на самом деле, – хорошее средство для самопознания, т. к. обличает еще чисто интеллектуальный уровень веры, не получивший еще основания религиозного *опыта*. Это показывает, что главный запрос человеческого бытия еще не удовлетворен. В предельном своем заострении, как известно, эта тема поднята в библейской книге Иова и там же, на все

времена, обозначено решение встающего здесь вопроса – личная встреча, дающая действительное *знание* Бога и «оправдание» всех Его действий в отношении мира и человека. Флоренский не касается книги Иова, хотя она могла бы быть хорошей иллюстрацией его мысли. И здесь, в данном случае, можно было бы сказать, что окончательно, во всей своей полноте, суть пережитого Иовом стала понятной только в христианскую эпоху, после Христа.

² При желании, конечно, и историк может предположить, что преп. Сергей был в курсе происходящего в Византии через Московского Митрополита святителя Алексия, к которому преп. Сергей ходил в Москву из радонежских лесов.

³ Ср.: «Одигитрия глубоко антична» [6, с. 266–268].

Библиографический список

1. Андроник (Трубачев), игум. Теодицея и антроподицея священника Павла Флоренского. Томск, 1998.
2. Василенко Л.И. Введение в русскую религиозную философию. М., 2006.
3. Павел Флоренский, *свящ.* Все думы – о вас. Письма семье из лагерей и тюрем. 1933–1937. СПб., 2004.
4. Павел Флоренский, *свящ.* Вступительное слово перед защитой диссертации на степень магистра книги «О Духовной Истине» // Флоренский П.А. <Сочинения>. Т. 1 (2). Столп и утверждение Истины. М., 1990.
5. Павел Флоренский, *свящ.* Детям моим. Воспоминания прошлых дней. М., 1992.
6. Павел Флоренский, *свящ.* Моленные иконы преподобного Сергия // Павел Флоренский, *свящ.* Избранные статьи по искусству. М., 1996.
7. Павел Флоренский, *свящ.* Собрание сочинений. Философия культа (Опыт православной антроподицеи). М., 2004.
8. Павел Флоренский, *свящ.* Троице-Сергиева Лавра и Россия // Павел Флоренский, *свящ.* Избранные статьи по искусству. М., 1996.
9. Павел Флоренский, *свящ.* Храмовое действо как синтез искусств // Павел Флоренский, *свящ.* Избранные статьи по искусству. М., 1996.
10. Флоренский П.А. Догматизм и догматика // Флоренский П. Христианство и культура. М., 2001.
11. Флоренский П.А. <Сочинения>. Т. 1 (2). Столп и утверждение Истины. М., 1990.
12. Хоружий С.С. Мирозозерцание Флоренского. Томск, 1999.

АНТИНОМИЧНОСТЬ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО БЫТИЯ В ФИЛОСОФИИ П.А. ФЛОРЕНСКОГО

Аннотация. В статье рассматривается проблема двойственности человеческого бытия в философии П.А. Флоренского. Показано, что эта проблема анализируется П.А. Флоренским с религиозно-этической и мистико-онтологической позиций. Задачу философской антропологии философ определяет как необходимость раскрытия человека как целостности. Преодоление антиномичности человеческого бытия, считает Флоренский, осуществимо на религиозном пути, дающем возможность личности духовного самопознания и саморазвития.

Ключевые слова: П.А. Флоренский, философская антропология, антиномичность, духовность, личность.

В современной философии проблема личности, проблема человеческого «Я» является одной из основных. Но что такое человеческое – именно человеческое, «чисто человеческое» Я? Чем или кем оно определяется? Для русской философии эта проблема была центральной. И как бы ни менялось лицо современной философии и ни устанавливались новые догмы или отрицались старые, поиски истоков «человеческого», «установление» его будут продолжаться.

В отечественной философии сущность человеческой природы традиционно понимается как двойственный союз внешнего и внутреннего человека. При этом акцентирование внимания делается не на внешнее бытие, а именно на внутреннее содержание. Человеческая личность понимается с точки зрения ее духовного содержания, когда жизнь человека подчиняется стремлению к высшим ценностям Добра, Блага, Красоты, Истины. Такое понимание человека укоренено и в религиозной традиции российской ментальности – в православии. Внутреннее содержание, духовная жизнь человека определяется многими параметрами, главным из которых представляется способность личности к духовному росту, творческому саморазвитию. Духовное развитие, по мнению многих отечественных философов, обеспечивается религиозной верой и не мыслится вне ее. Например, Н.А. Бердяев подчеркивает: «Творческое развитие, творческое движение в мире не только возможно, но и неизбежно, потому что человек несет в себе образ Творца, Его свободы и творческой силы. Происходит творческое раскрытие того, что потенциально заложено

в глубине свободы, в глубине духа» [2, с. 197].

Постмодернистская традиция говорит о том, что личность постепенно теряет свою уникальность, «свое лицо», становясь унифицированным элементом бессмысленного калейдоскопа масок, становится объектом среди объектов. Но с этим не хочется соглашаться. Ведь личностное бытие настолько сложное и многоаспектное явление, в нем скрыто столько потенциального (явного и неявного) что невозможно говорить о нем как уже потерявшем свое «лицо». Одним из явных аспектов личностного бытия – является, конечно, его антиномичность.

Антиномичная природа личности в антропологическом учении Флоренского объясняется наличием в ней двух сторон бытия: идеального момента и момента реального – наряду с живым бытием личности существуют идея о личности как о «трансубъективной реальности».

Описанию человеческой природы (естества и личности) посвящено письмо IX книги «Столп и утверждение Истины», символично названное «Тварь». Отчаявшийся в духовных поисках автор письма, потерявший надежду, вдруг прозревает: «Неужели же тебе не стыдно, несчастное животное, ныть о своей судьбе? Неужели ты не можешь отрешиться от субъективности? Неужели ты не можешь забыть о себе? Неужели – о позор!, – неужели не поймешь, что надо же отдаться объективному? Объективное, вне тебя стоящее, выше тебя стоящее» [5, с. 222]. Таковым для Флоренского является Божественное бытие и «Бого-зданная тварь». Именно в этом бытийственном пространстве обретает человек самого себя, свободного

от тщетных усилий жить в субъективных условиях своего существования.

Трагичность же человеческого существования, по Флоренскому, заключается в том, что искаженная грехом человеческая природа не позволяет самому человеку понять свою греховность и прозреть в себе – «испоганенной твари» – «иную, высшую природу», потому выйти за пределы своей субъективности практически невозможно. Осуществить это может лишь подвижник, решающий задачу «восстановления уцеломудренной личности», то есть духовной личности.

Образ Божий в человеке существует «неслиянно и нераздельно» с телесной природой человека, в разной степени уподобляющегося этому образу. Тело для Флоренского не просто «вещная» физическая оболочка человека, а это «устроенность его как целого» [5, с. 223].

Философии тела у П.А. Флоренского уделено много внимания. Ей присущ особый мистикомировоззренческий пафос. Начатая П.А. Флоренским в «Столпе» философия тела разрабатывалась, по сути, на протяжении всего дальнейшего творческого пути. Задачу философской антропологии философ определяет как необходимость раскрытия человека как целого, выявления связности его органов, проявлений и определений [6, с. 36]. Единство тела, таким образом, это не просто органическая физиологическая связь, это мистическая наполненность смыслом каждого органа, каждого ощущения и восприятия и их мистическое единство. Тело человека тоже обладает двойственностью. Есть внешнее тело – онтологическая поверхность, и есть тело внутреннее – «онтологическое средоточие», «корень единства тела», «тело в теле» [5, с. 224]. Это второе – и есть «истинное тело», изучение которого должно осуществляться мистическим способом. Флоренский, разделяет «истинное тело» на три части: «голову, грудь и живот». На этом основании утверждает, что человек, уделяя внимание развитию этих органов, может увлечься и выбрать не тот путь. «Нормальная» мистика, по Флоренскому, это мистика «груди», мистика сердца. Только мистика средоточия человеческого существа, мистика первым делом открывающая доступ в человека благодати, питающей недра его, только эта мистика исправляет личность и дает ей возрастая от меры в меру» [5, с. 225]. «И чтобы восстановить целомудрие личности – необходимо восстановить, прежде всего, телесный порядок – «устроенность

его как целого». Человеческая плоть здесь представляется не совокупностью химических элементов и физических состояний, а онтологическим единством, укорененным в сердце человека. «Сердце – средоточие тела», центр духовной жизни [5, с. 228]. Увлечение «мистикой головы» или «мистикой чрева» не решает задачу восстановления целостности личности. «И там и тут личность не является целью, но – раздробленной и извращенной, без центра» [5, с. 230].

Возможность «очищения», «устроения» сердца дает общение с высшей Истиной, с Богом, и оно одухотворяет личность подвижника. Причем «свет Божественной любви освящает и границу личности, тело, – отсюда излучается во внешнюю для личности природу». Тело – эта общая граница человека и прочей твари соединяет их воедино. В человеке заключается полнота мира. Искажение человеческой природы влечет за собой извращение всей твари, а устроение человека, соответственно, – устроение всей твари.

Итак, спасение дарует путь исправления, подвижничества, путь мистики сердца. Это не мистика головы с ее горделивой рассудочностью и претензией на всезнайство, не мистика живота (чрева) с ее органическими потребностями и желаниями. Подвижник «бывает весь во глубине Духа», питается через сердце высшей благодатью. «Он преобразается, и все свойства естества его меняются». Христианское подвижничество есть самоконтроль, борьба с низшими, греховными сторонами своего «Я», аскеза духа». Истинная же духовность – «восхищение» – воспарение над самим собой, над своей эмпирической природой, желаниями и потребностями. Это уже то, что называют святостью, «Христианский святой – тот, кто в наибольшей мере свою личную волю и всю свою эмпирическую личность непрерывным и неослабным подвигом преобразовал до возможно полного проникновения волею Божией» [4, с. 71]. Он не выделяется внешне, но «духом веет от него, от каждого жеста, от каждого слова».

А как быть всем остальным? Приближать момент «возрастания», момент преобразования своей личности, то есть действовать. Но деятельность эта тоже должна быть религиозной (но не формальной рассудочной – а должен быть живой опыт приобщения к религиозным ценностям). Этот опыт не может осуществляться без взаимодействия с другими людьми.

Здесь отметим, что деятельность – это та

сфера, где должен и способен человек проявлять себя как личность. Важнейшими характеристиками личности являются ее способность и готовность действовать, а также способность переживать и со-переживать. Осуществление деятельности не может быть без развития самосознания и не может не привести к процессу самопознания, поскольку постигаются новые истины, смыслы, контексты. В этом процессе человек не только реализует какую-либо конкретную цель, хотя это и есть его задача, но задача внешняя, он еще творит себя, а это – уже реализация его внутренних потенций. Те условия, которые побудили личность к активности, актуализируют потенциальное бытие личности, оно начинает проявляться, функционировать и в ходе этих процессов развиваться и превращаться в актуальное.

Духовное саморазвитие, духовное самотворчество потенциально присуще личности ярчайшим образом может реализоваться, по Флоренскому, именно в религиозной деятельности. Участие в литургической жизни обязательно приведет к «бесконечной острой жалости и трепету благоговейной любви ко всему “первородному Адаму”» [5, с. 241]. Флоренский утверждает, что без Любви не может быть познания высшей Истины.

Через Любовь человек получает себя «обновленным, утвержденным, углубленным в другом, т.е. он удваивает свое бытие». Это не альтруистическая и не физиологическая любовь. Истинная Любовь означает выход из субъективного эмпирического бытия и переход в иное состояние, иную реальность. Эта истинная Любовь может появиться только в сердце подвижника, в сердце человека, пережившего борения и смятения, преодолевшего их в себе, совершившего подвиг веры. Такое духовное взросление дает возможность понять и принять антиномичность бытия.

Самым ярким проявлением Любви Флоренский называет Дружбу. Ей уделяется много внимания, она становится главной в деле духовного преображения, она имеет и онтологический и гносеологический характер. Дружба – та среда, где личность избавляется от эгоизма и замкнутости, между друзьями размываются границы самостей. Подчеркивая огромное значение дружбы в деле самопознания и познания, Флоренский оказывается близок мыслителю другой эпохи М.М. Бахтину, исследовавшему проблему диалогического общения. Подлинная жизнь личности

доступна только диалогическому проникновению в нее, «которому она сама ответно и свободно раскрывает себя» [1, с. 69]. Бахтин, как и Флоренский, утверждает нереальность самости в своем эгоизме, мыслители сходятся в понимании уничижения, «обнищания» своего «Я» ради Другого. Но Флоренский как религиозный мыслитель, вводит в отношения «Я» и Другого третью личность – Божественную. Бахтин остается верен принципу диалогизма.

Дружба требует проникновения в бытие друзей, требует со-преживания вместе. Такое понимание дружбы, видимо, не случайно, оно имеет личный характер. Большая дружба связала одноклассников 2-й Тифлисской гимназии Павла Флоренского, Владимира Эрна и Александра Ельчанинова. Подружившись в гимназии, они и потом были рядом, даже разделенные большими расстояниями и превратностями судьбы, они сохранили этот особый тип дружбы-слиянности, где «Ты» есть «Я». Они делали одно дело, шли одним путем в поисках одной цели, которую определили еще в гимназии призывом отправиться к кумиру молодежи – Владимиру Соловьеву, философу, искавшему путь к всеобщему знанию, синтезу понимания Истины, Добра и Красоты, и который вслед за своим учителем искали и они. Друзья сохраняют верность избранному пути к всеобщему знанию, стремление воплотить в своей деятельности единство мысли и дела.

В представлении Флоренского и его друзей, ученый и мыслитель – это не затворник в «башне из слоновой кости», взирающий на мир и людей с высоты своего знания, не только «*homo sapiens*» – «человек мыслящий», но и «*homo faber*» – «человек делающий». Ни сам Флоренский, ни его ближайшие друзья юности этому принципу не изменили¹.

Проблема личности в философии это, прежде всего, вопрос о том, какое место занимает человек в мире, причем не только, кем он фактически является, но и кем он может стать, может ли он «сделать» самого себя. На этот же вопрос с позиций религиозной философии и пытался ответить П.А. Флоренский. Мыслитель ставит перед человеком цель – преодолеть субъективность собственного бытия, «устроить» себя и «взрасти» духовно. То есть понять и раскрыть в себе смысл высшего предназначения своего бытия и стать тем, кем должно стать. Преодоление антиномичности человеческого бытия осуществимо на ре-

лигиозном пути, дающем возможность познания себя как целокупной твари – единосущной целостности тела и духа.

Примечания

¹ Н.К. Боневская отмечает: «В своей философской антропологии Флоренский осмыслил и “оправдал” существование двух собственных ипостасей – “инженера” и священника. “Человек” учения Флоренского – это человек технических эпох, пытающийся приобщиться и к сфере священного... в жизни и творчестве самого Флоренского его внутренние “homo faber” и “homo liturgus” протягивают друг другу руки; пути “технический” и “литургический” в его личности своеобразно сблизились и пересеклись» [3, с. 109].

УДК 1(091)

Библиографический список

1. Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. 4 изд. М.: «Советская Россия», 1979. – 320 с.
2. Бердяев Н.А. Философия свободного духа. М.: Республика, 1994. – 480 с.
3. Боневская Н.К. «Homo faber» и «homo liturgus» (Философская антропология П. Флоренского) // Вопросы философии. 2010. №3. С. 90–110.
4. Булгаков С.Н. Героизм и подвижничество // Пути Евразии. Русская интеллигенция и судьбы России / сост. И.А. Исаев. М.: Русская книга, 1992. – 429 с.
5. Флоренский П.А. Столп и утверждение Истины: Опыт православной теодицеи. М.: АСТ, 2005. – 633 с.
6. Флоренский П.А. У водоразделов мысли (Черты конкретной метафизики) // П.А. Флоренский. Имена. Сочинения. М.: ЭКСМО-Пресс; Харьков: Изд-во Фолио, 1998. – 912 с.

А.А. Гришин

Православный Свято-Тихоновский
Гуманитарный Университет
wickeddar@yandex.ru

«ЛЮБОВЬ К КОРНЮ»: ПОЛ, СЕМЬЯ И РЕЛИГИЯ В ПЕРЕПИСКЕ В.В. РОЗАНОВА И О. ПАВЛА ФЛОРЕНСКОГО

Аннотация. Статья посвящена анализу взглядов В.В. Розанова и о. Павла Флоренского на вопросы пола, семьи и их соотношение с религией. В.В. Розанов рассматривается как один из первых мыслителей, задумавшихся об этих вопросах как о краеугольных для человеческого существования. В свою очередь, о. Павел Флоренский, по мнению автора статьи, одним из первых глубоко воспринял открытия Розанова и попытался осмыслить их с точки зрения традиции православного христианства и осуществить «воцерковление пола», как в своей мысли, так и в личной жизни. Как представляется, и в наше время подход к мысли Розанова для православного сознания возможно в наибольшей степени уместен через обращение к мысли и личности о. Павла Флоренского. Также в статье затрагиваются проблемы соотношения христианства и содомии, активно обсуждавшиеся в этой переписке.

Ключевые слова: В.В. Розанов, о. Павел Флоренский, любовь, пол, семья, религия, христианство, античность, фалл, кровь, семя, мужское, женское, эрос, содомия.

Кроме семени и крови все на свете скучно и все предназначено только для обслуживания того и другой. То, что между ... семенем и кровью – это изолирующая прокладка, мешающая соединению +электричества с -электричеством.

Письмо П.А. Флоренского к В.В. Розанову от 15–26 апреля 1909 г.

В современном мире сферы семьи, рода, быта в целом являются глубоко профанированными. Все эти явления воспринимаются как нечто мешающее «своей жизни», которая практически всегда воспринимается как существующая вне указанных сфер¹. Подобное восприятие до-

минирует не только в массовом сознании, носители которого противопоставляют семейной жизни краткие моменты наслаждения, но и в среде более интеллектуальной. Так, профанной сфере семьи, деторождения, быта, как своего рода небытию, противопоставляются моменты предпо-

лагаемого истинного бытия – например, в храме, за книгой и т.д.². Таким образом, повседневная жизнь людей объявляется не подлинно сущей, тогда как настоящей жизнью начинают именоваться лишь отдельные моменты человеческого существования. Происходит своего рода поругание семьи, рода и быта – всего того, что для человека традиционного общества представляло собой область непосредственного общения с сакральным.

Результатом (а может быть и причиной) подобного положения вещей следует признать недостаток рефлексии над этими темами в русской философии. Немного лучше дело обстоит в современной православной мысли. Таким образом, философия и религия, которые могли бы способствовать возвращению в повседневность вертикального измерения, наделению простых вещей сокровенными смыслами, не выполняют этой своей задачи и, в сущности, признают сложившееся положение вещей. Напротив, и в философии, и в богословии существуют мощные традиции, представители которых воспринимают сферы пола и семьи как практически исключительно профанные, не благословляемые, но в лучшем случае лишь попускаемые Богом, скверные и нечистые. Рассмотрение этих направлений мысли не является задачей данной статьи, однако надо отметить, что подобная линия, связанная, по-видимому, с воздействием неоплатонизма, существует в святоотеческой традиции³. Также подобный взгляд присутствует и в русской философской мысли, в частности, у таких известных философов, как В.С. Соловьев и Н.А. Бердяев. В данном случае, помимо влияния неоплатонических идей, вероятно, имело место воздействие гностицизма.

В результате приходится признать, что до сих пор едва ли не единственным в русской философии мыслителем, попытавшимся взглянуть на сферы пола, семьи и быта с точки зрения их соотношения с сакральным, их связи с религией остается В.В. Розанов, в творчестве которого эта тема, несомненно, является ключевой. Если же говорить о трудах о. Павла Флоренского, то до недавнего времени нельзя было сказать, что этот вопрос имеет сколько-нибудь серьезное значение для его мысли. Между тем публикация новых источников позволяет взглянуть на эту проблему глубже. Одним из ключевых памятников, дающих обширный материал по рассматриваемой теме, яв-

ляется переписка В.В. Розанова и о. Павла Флоренского [12]⁴. Пол, семья, религия и их соотношение – центральная тема этой переписки. И, как это может быть ни парадоксально, именно в рассмотрении этой темы два столь, казалось бы, разнонаправленных мыслителя демонстрируют поразительное единомыслие. Между тем, конечно, единомыслие это не является чем-то предзаданным, но обретается в процессе крайне интенсивного диалога, часто переходящего в напряженную дискуссию. Каждый из мыслителей подходит к теме пола глубоко индивидуально, исходя из устройства собственной личности и особенностей своего опыта, тем более ценны те мысли, к которым авторы приходят в процессе диалога.

Вопрос соотношения пола, семьи и религии был ключевым в мысли Розанова на протяжении двух десятков лет – с конца 1890-х до самой смерти в 1919 года. Нельзя сказать, что на протяжении всего этого времени этот вопрос разрешался им однозначно. Так, в статьях сборника «Религия и культура» (1899)[7] Розанов не видит неразрешимого противоречия между полом в человеке и христианством, пытается соотнести эти сферы, призывая Церковь освятить брак не внешне и формально, а в самом его существе, в совокуплении и в зачатии. Результатом такого освящения, по Розанову, должна стать «религиозно текущая семья», питающаяся от этих живоносных источников мироздания, которая заменит собой подточенную в самом своем основании современную семью, столь ярко и страшно описанную Л.Н. Толстым в «Крейцеровой сонате». Отчасти подобный взгляд он сохраняет и в книге «В мире неясного и нерешенного» (1901)[9]. Однако затем, столкнувшись с трудностями такого соотнесения и, в первую очередь, с неготовностью и нежеланием современной ему церковной иерархии обратиться к нуждам мира, Розанов начинает склоняться к невозможности сочетания христианства и полноценной жизни пола, отчего рождается жесткая критика христианства. Своего апогея эта критика достигает в книге «В темных религиозных лучах» [9], которая была запрещена цензурой в 1909 и вышла в виде двух книг «Темный лик: метафизика христианства» и «Люди лунного света: Метафизика христианства» в 1911 году. Как раз к этому периоду относится начало активной переписки Розанова с Флоренским. И возможно, наряду с личным опытом (болезнь жены) диалог с Флоренским явился одной из причин смягчения по-

зиции Розанова по отношению к христианству, нашедшего выражение в «Уединенном» (1912) и других книгах, написанных в жанре «листвы» [13]. Как известно, в своей последней книге «Апокалипсис нашего времени» (1917–1918) [8] Розанов продолжает и усиливает критику христианства, однако умирает примиренным с Церковью, исповедавшись и причастившись Святых Тайн. Как думается, в значительной мере это заслуга Флоренского. Так, Флоренский для Розанова становится одним из немногих людей, благодаря которым он сохраняет связь с Церковью.

Основной вопрос в размышлениях Розанова, пожалуй, можно сформулировать следующим образом: как соотносится пол в человеке с религией (христианством)? И возможен ли собственно христианский брак? Если учитывать тот факт, что Розанов одним из первых задумался над этими вопросами, усматривая в них краеугольные вопросы для человеческого существования, то может стать более понятной та радикальность, которую он нередко проявляет в поисках путей их разрешению. Так, например, размышляя о семье с точки зрения христианства, он оказался лицом к лицу с двухтысячелетней монашеской традицией, в которой брак рассматривался далеко не всегда положительно. В этом смысле можно понять логику движения мысли Розанова: «что ж, если христианство не способно вместить семью и брак как сакральное, то значит это религия изуверская, человеку враждебная, и я никакой не христианин». По крайней мере, в нечестности Розанова здесь упрекнуть не удастся. Исходя из такой логики розановской мысли, делается вполне понятной его критика христианства и его феноменальный интерес к тем культурам, в которых (в действительности или как ему казалось) пол и семья воспринимались как пространство действия священных сил. В первую очередь, это были египетская, иудейская и иные ближневосточные культуры. Закономерно, что ознакомившись с содержанием этих культур, в особенности соприкоснувшись с фаллическими культами, обретя в них то, чего он не находил в христианстве, Розанов, со всей присущей его душе подвижностью, практически полностью отдался увлечению ими в противовес бесполому, как он считал, христианству. Думается, как раз в это время особенно важным для него было общение с Флоренским. В своих предсмертных словах, переданных его дочерью, Розанов следующим образом охарактеризовал значение

Флоренского для него: «если бы не о. Павел Флоренский, я бы весь погиб в половых извержениях. Он был истинный великий православный священник. Так это ему и передайте» []. Действительно Флоренский стал тем мостом, который соединял Розанова с Церковью. В значительной мере можно сказать, что и сейчас подход к мысли Розанова для православного сознания возможно в наибольшей степени уместен «через Флоренского». В этом смысле сложно переоценить значение переписки двух мыслителей. Обратимся непосредственно к тексту переписки.

Уже буквально в первом письме к Розанову Флоренский совершенно не скрывает своего восхищения им, определяя его как «пророка в существенном смысле» и «гения от рождения», «подготавливающего скачок во всем мироздании» [12, с. 9–10]. Признание Флоренским принципиальной значимости идей Розанова проходит через всю переписку. В одном из последних писем Флоренский пишет Розанову: «Вы сделали великое дело, м. б., величайшее дело многих веков. ... выступили ... великим открывателем важнейшего начала мира и культуры. Но, зная все это, я не могу не видеть, что мы с Вами находимся под перекрещивающимися и со всех углов борздящими воздух злобными и ненавидящими взорами скопцов, как пауки ждущих пожрать нас и ненавидящих всем нутром своим. Все острее чувствую это, и знаю, что пока весь дух нашей культуры не переменится, это будет так. Но я с Вами, не в том смысле, что смею себя равнять Вам, а говорю про единомыслие, единочувствие, единовосприятие мира (Курсив мой. – А.Г.). ... я чувствую, что то главное, о чем говорили Вы, как то развернется впоследствии и у меня, и в каком-то смысле я продолжу Ваше дело – углубления мирочувствия» [12, с. 191].

По этим фрагментам можно однозначно сказать, что Розанов касается чего-то бесконечно важного и для Флоренского, но при этом отсутствующего в современной цивилизации. Что же это за «важнейшее начало мира и культуры», «великим открывателем» которого Флоренский называет Розанова, которое столь ненавистно «скопцам», и в каком направлении возможно это «дело углубления мирочувствия»?

В ответе на этот вопрос может помочь другая цитата из письма Флоренского к Розанову, в которой о. Павел говорит о главном критерии их схождения: «Вот, дорогой Василий Васильевич наше

сходство, глубочайшее, и наше расхождение, тоже глубочайшее. Наше сходство: это острая, до боли, любовь к конкретному, к сочному и, скажу определенно к *КОРНЮ*, – к корню личности, истории, бытия, знания. Думается, что *эта* любовь – костромская, ибо нет во всей России, а, м. б., и на земном шаре, никого более *коренного* по вкусам, по укладу, по организации души, чем костромичи, особенно заволжского района. И отсюда – органическая же нелюбовь ко всему, что безкоренно, что корни подьедает, что хочет расти не на корне, а “само по себе”. Но тут-то и расхождение. Чувствуя себя в литературе, “как дома”, Вы говорите все, что блеснет в душе; а *я не хочу* чувствовать себя дома нигде, кроме родной, *темной* колыбели-могилы в родимой земле, и свою боль и свою радость, в наибольших их точках, скажу лишь Матери-земле. Мне думается, что это тяготение к лону – тоже костромское: костромичи скрытны, и души своей не показывают» [12, с. 178–179].

Итак, «дело углубления мирочувствия», роднящее Флоренского с Розановым, связано с «острой, до боли, любовью к ... *КОРНЮ*». Что же это за корень?

Размышляя о соотношении мысли Розанова со взглядами Страхова, Флоренский пишет: «Общее Ваше – это общий угол зрения, под которым Вы мыслите все существующее, общая категория мысли. Категория эта – *жизнь (bios)*. “*Организм*” – вот что сплотило Розанова и Страхова, “*целесообразность*” – вот что их устремило к одной мечте. Это – положительная основа» [12, с. 121]. Можно определенно сказать, что это общее – тяготение именно к *живому, к жизни и организму* – является общим не только для Розанова и Страхова, но, несомненно, и для Розанова, и Флоренского. Итак, в первом приближении можно сказать, что «углубление мирочувствия» связано с вниманием к жизни и живому в противовес мертвенному механизму философии Нового времени. В качестве характерного примера подобного мироощущения можно привести восприятие Флоренским Костромской земли, родины своих предков: Кострома – «из фаллических фаллическая (“Кострома” – название фаллического божества), из блудливых – блудливая (“Кострома – блудливая сторона”), из церковных церковная и из монархических монархическая. Все это показывает, что она – с корнями в землю и с ветвями в небо, *т. е. живая* (Курсив мой. – А.Г.)» [12, с. 47].

Соотнося этот фрагмент с предыдущим,

можно прийти к выводу, что общим для Розанова и Флоренского является интерес к «живому корню», иначе – к «корню жизни». Но, в свою очередь, возникает вопрос, где концентрация и пульсация жизни и живого максимальна?

Ответ на этот вопрос прямо соотносится со столь значимой для Флоренского проблемой символа. Для иллюстрации этого достаточно привести одну цитату из его воспоминаний: «всю свою жизнь я думал только об одной проблеме, о проблеме СИМВОЛА. ... Я искал того явления, где ткань организации наиболее проработана формирующими ее силами, где проницаемость плоти мира наибольшая, где тоньше кожа вещей и где яснее просвечивает чрез нее духовное единство» [16, с. 153–154].

Возникает вопрос, что же это за «корень жизни», в котором «ткань организации наиболее проработана формирующими ее силами, где проницаемость плоти мира наибольшая, где тоньше кожа вещей и где яснее просвечивает чрез нее духовное единство»? Где в наибольшей степени концентрируется жизнь?

Закономерно предположить, что собственно в частях, связанных с зарождением жизни, в чреслах, в таинственных глубинах пола, а именно – в фалле. Эта любовь к живому вообще и непосредственно к фаллу как к максимально интенсивному проявлению живого составляет центр и сердцевину интереснейшего диалога двух мыслителей. Косвенно подтверждается это также рассуждением Флоренского, фрагмент которого вынесен в эпиграф. Ведь «место встречи» семени и крови – это именно фалл.

Итак, главное сходство Розанова и Флоренского – это любовь к корню и почве, к фаллу и лону. Так, в известной степени можно сказать, что между этими парами явлений и субстанций, фаллосом и лоном, которые, как думается, олицетворяют также и личности двух мыслителей, соответственно Флоренского и Розанова, строится вся рассматриваемая переписка. В этом контексте очень любопытна следующая мысль Флоренского: «Право я не знаю, что “приятно Богу”. Но я знаю, что для Розанова и для Флоренского *полезно* взаимное трение, ибо в этом трении они обретают себя самих» [12, с. 95]. Действительно, это «взаимное трение» «последнего эллина» Флоренского и «последнего египтянина» Розанова, помимо обретения авторами себя самих, также порождает небывалое количество смыслов, позво-

люющих несравненно глубже взглянуть не только на содержание истории человечества, но и на самые основания человеческого бытия в мире. Корень, или фалл, интересен, конечно, Розанову и Флоренскому, но восприятие его разное. «Вы не понимаете интереса к мужчине с точки зрения мужчины же ... Вы, как женщина, думаю и не поймете, что такое *реальность*: женщины живут в сфере субъективной», – справедливо упрекает Розанова Флоренский [12, с. 22]. Из контекста этого высказывания можно заключить, что Флоренский испытывает интерес к фаллу (шире – к мужскому в целом) как мужчине, Розанов же, будучи скорее «ктеистичным»⁵, куда в большей степени испытывает интерес к мужчине (фаллу) как женщине.

Таким образом, можно сказать, что мировоззрение и философия Розанова и Флоренского фаллоцентричны, однако восприятие фалла существенным образом различается. Если Розанову в фалле интересна рождающая мощь, собственно то, что интересно в фалле женщине – его семя, то Флоренскому в фалле куда в большей степени интересна пульсирующая в нем кровь, придающая ему форму и организованность. С этим соотносится также рассуждение Флоренского о том, что Розанову, как носителю женской психологии, интересны, в первую очередь, дети. Тогда как для мужчины главное в жизни – это дело [12, с. 55]. Если принять во внимание идеи Флоренского, развиваемые им в «Философии культа» [15], то становится ясным, что апофеозом мужской деятельности является деятельность жертвенная, жреческая, литургическая.

Итак, для Розанова средоточием его мысли становится фалл и, в первую очередь, его рождающие потенции. Для Флоренского этот пласт ничуть не менее значим (точнее становится таковым по мере переписки с Розановым и происходящих изменений в жизни – супружества). Но помимо этого, для Флоренского отнюдь не в меньшей и даже в большей степени значим Христос. Именно это – любовь ко Христу, значение Его для Флоренского да и сама Его личность являлись предметом непрекращающегося удивления для Розанова. Так, в одном из писем к Э.Ф. Голлербаху он писал о Флоренском: «Он о фаллизме все понимает, все и до глубины; и признает, ставит “полный плюс на фаллос”. Но как у него это сочетается с преданностью и церкви, и Христу – мне это совершенно непонятно» [10, с. 360]. Ду-

мается, один из возможных вариантов разрешения недоумения Розанова состоит в указании на обозначенное выше понимание Флоренским жертвенной, литургической, деятельности как сущности мужского.

Розанов, уверившийся (в известной мере небезосновательно) в том, что христианство фаллос перечеркивает, исполнился к христианству в целом и лично ко Христу существенной неприязни. Именно в этом – возможно или нет сочетание христианства и фаллизма, а если возможно, то как – состоял его вопрос Флоренскому. В значительной мере сама личность отца Павла, в которой любовь к семье столь органично сочеталась с иерейским служением, а также его идеи не позволяли Розанову в полной мере увериться в скопческом характере христианства. Так, можно сказать, что Флоренский не просто ставит на фаллос «плюс», но всей своей личностью, деятельностью свидетельствует о возможности и необходимости «воцерковления пола».

Итак, центральный вопрос переписки – вопрос о соотношении христианства (шире – религии вообще) и пола в человеке. Один из аспектов этого вопроса – вопрос о соотношении христианства и содомии. Как известно, одним из направлений критики христианства Розановым являлось обвинение его адептов (в первую очередь, монашествующих) в половой девиации, а именно в склонности к содомии. Об этом Розанов пишет, в частности, в письме Флоренскому от 20 ноября 1908 года [12, с. 195]. Флоренский, как апологет христианства, принимает вызов. Так складываются изначальные обстоятельства диалога двух мыслителей о христианстве и содомии. В ходе рассуждения в полной мере встает вопрос о соотношении христианства и античности. Так, Флоренский утверждает, что именно античность, в первую очередь, греческая – это «содомический цветок», тогда как христианство, напротив, «содомию мощно задержало» [12, с. 13–14]. Такова первая реакция П.А. Флоренского на тяжкие обвинения обретенной им веры в страшном пороке. Но это лишь первая реакция. Далее возникают следующие темы: христианство, античность, содомия и вопрос, как они соотносятся. В ходе переписки становится ясно, что разрешение этого вопроса далеко от довольно одномерной констатации «мощной задержки» содомии христианством. Для осмысления этого важны понятия «тенденции жизни» и «святой плоти», используемые Флорен-

ским.

Здесь надо отметить, что если в первых письмах Флоренский говорит с Розановым как бы извне, как внешний человек, то с определенного момента тональность переписки существенным образом меняется: с бодрых деклараций к Розанову Флоренский как будто бы переходит на тихий, почти исповедальный шепот. Как раз звук такого шепота (или тихого, сдержанного, но исполненного величайшей силы говорения) о «святой плоти» раздается со страниц писем Флоренского. Соотношение, о котором он пишет, выводимое из личного опыта, воистину феноменально и, думается, является одним из ключевых в теме пола и христианства в целом.

Для понимания соотношения христианства и содомии, обозначаемой в переписке буквой «S», существенно письмо Флоренского Розанову от 15–26 апреля 1909 года. В нем Флоренский, указывая на присутствующую в каждом человеке «особую тенденцию жизни» (иначе – «тип возрастания»), через которую «чтобы он ни делал, для него оно внутренне осмысливается чрез соотношение с этой тенденцией, этой красной нитью жизни» [12, с. 20]. Об обретенной «особой тенденции» в своей собственной жизни Флоренский пишет следующим образом: «Сказать если несколько образно, это будет “античная школа”. Вы окрестите это именем “S”. Имя это верно лишь в очень условном смысле, но пусть, называйте как хотите. Сущность же дела в тесном, до конца связанном чувствами, интересами, научными и жизненными задачами, влюбленностью взаимною и т.д. и т.д. кружке, замкнувшемся в себя и воспитывающем как своих членов, так и вновь входящих» [12, с. 20]. Об этой тенденции Флоренский пишет, что «извлечь ее – значит убить меня, даже разложить меня на атомы, ибо с каждым атомом моего существа срастворена эта органическая потребность. Символически она выражается в греческой скульптуре» [12, с. 20].

Флоренский размышляет далее о своего рода неразрешимом противоречии, антиномии, связанной с его «жизненной тенденцией»: «Моя “печаль” от того, что я не только убежден в необходимости этого, но и в *невозможности*. Это земное подобие безусловного, откровение в людях божественного порядка невозможно в силу человеческой природы. Если бы оно осуществилось, то люди поднялись бы до такого пламенения, до такого высокого подъема всех сил, до такого при-

лива творчества, что не выдержали бы восторга. Но они этого достигнуть и не могут, потому что с этим эросом неизбежно связана и тень его, – чувственность. ... беда в том, что чувственность, будучи удовлетворяема, губит эрос, а будучи не удовлетворяема – доводит до психического расстройства – доводит еще хуже губит эрос. И так, и иначе – эроса не спасешь» [12, с. 21]. «Заветная тенденция души и тела оказывается для меня невозможной. А т.к. все земное для меня получает вкус от *этой* тенденции, то земное, как священное, как пронизанное трепетом, оказывается невозможным. У меня подрезана связь с жизнью; ... Да, я внутренне отказываюсь от эроса для Бога. Но тем самым я умираю. Мне сладко умирать, я всегда радуясь. Но невозможно не быть *как бы* печальным, когда истекаешь кровью. Я не печален, а мне всегда больно» [12, с. 21].

И лишь во Христе возможно отдохновение: «Теперь о Нем. В том-то и дело, что с Ним мне тихо и хорошо. Он не осуждает меня, Он утешает он показывает, что умерев я могу воскреснуть ... С Ним отношения настоящие, – правдивые, чистые, нежные. Люблю и люблю» [12, с. 21]. И далее: «Только во Христе я вижу, чувствую, щупаю, вкушаю реальность, “транссубъективное”, а зачатки этой реальности нахожу в греческой скульптуре. Вы, как женщина, думаю и не поймете, что такое *реальность*: женщины живут в сфере субъективной. Но меня мучила потребность в твердой *опоре*, в *плоти*, и плоть я нашел, нахожу во Христе» [12, с. 22].

В другом письме, от 10 августа 1909 года [12, с. 29–30], продолжая говорить на ту же тему, Флоренский обращается к своему опыту переживания святости плоти в эстетическом аспекте. Начинает он это письмо описанием картины Веласкеса «Распятие». Флоренский пишет о переживании святости плоти, связанным у него именно с этой картиной. Повествование мерно течет, но вдруг словно бы меняется регистр и размеренная речь христианского мыслителя словно бы обрывается или претворяется, как будто бы повествование ведет не Флоренский, а один из героев Достоевского. Флоренский описывает сцену, пережитую им в публичном доме, куда он пришел в поисках близкого человека, прошедшего ночь в беспутстве кутежа и в объятиях блудницы. Но как это связано с картиной Веласкеса? Как это может быть ни парадоксально – связано именно опытом переживания святости плоти.

шет Флоренский: «Израиль мне не представляется иначе, как безликой и безличной стихией родительства, – чудищем с миллионами рук и ног и глаз, и носов и обрезанных гениталий и груди, которое копошится, липнет, ползет, захватывает все, что попадет» [12, с. 152]. Интересно, что еврейство воспринимается Флоренским как едва ли не сильнейшее выражение этого отталкивающего и пугающего женского: «В еврействе нет влюбленности, а есть липкость. Ничего твердого, ничего мужественного, ничего стоящего – а все мягкое, женственное, ползущее. Бабье мужского и женского рода, и чувства все бабьи и к бабам» [12, с. 152]. В этом контексте совершенно ясна позиция Флоренского в деле о ритуальном убийстве еврея русского мальчика Андрюши Ющинского: хотя в иной инструментовке, ему ясно слышалось звучание все той же, двухтысячелетней, да и больше, чем двухтысячелетней, темы вселенской трагедии, обретавшей страшную и кровавую актуальности накануне распытия России на кресте совсем уже близких революций и войн начавшегося XX века. Такими непростыми кругами в сознании Флоренского, казалось бы, по совершенно разным поводам осмысливается одна и та же идея.

И, наконец, уже в отраженном и преломленном сознанием Розанова виде тема соотношения мужского и женского предстает в иных образах: «Вы написали о “прекрасном юноше” (эллине): вообразите, эта “проклятая жидовка”, 4000-летняя старуха, ни мало не интересуясь его “Ликом”, который называет “мордой”, начинает костлявыми старыми пальцами перебирать у него в “лицах”, трогать ласково *carut membri*, и говорить деловито: – От Аполлона Бельведерского родится 7 сыновей и 5 дочерей. *Ей* больше ничего неужно, не интересно, “кудри” его она острижет» [12, с. 337]. На первый взгляд, образ «4000-летней старухи-жидовки» (она же – чудище с миллионами рук и ног – еврейский народ, по Флоренскому) не может не вызывать ужаса и страха, однако надо отметить, что Розанов в этом случае, как думается, всецело на ее стороне: ему и в самом деле весьма не слишком интересен «Лик» (или «морда»), но зато нет ничего важнее *carut membri* и содержащейся в этой *carut* потенции бесчисленных созвездий сыновей и дочерей, только и ждущей момента, чтобы наполнить собою всю вселенную.

В чем же тут дело и как можно симпатии к

подобному персонажу сочетать с христианством? В письме от 15–26 апреля 1909 года, Флоренский, размышляя о непонимании Розановым «святой плоти», Христа, а также греческой скульптуры, рассуждает о том, что он «хочет фаллоса, а не “лампады”» (речь идет о «Федре» Платона) [12, с. 22]. Думается, вопреки укорам Флоренского Розанов вовсе не чужд «лампады», но отнюдь не перед прекрасным юношей, а у изголовья брачного супружеского ложа и у колыбели младенца. Действительно, в любви Розанову к фаллу сомневаться не приходится, и вся его мысль об этой любви вопиет. Однако есть ли эта любовь самоцель, то ценен ли фалл для Розанова сам по себе? Как думается, нет (при всей склонности к любованию им), но, как и у описанного им персонажа, ему интересны те мириады людей, живых существ, которые из этого фалла произойдут.

Изначально для Флоренского прообраз святой плоти – это прекрасный юноша, перед которым хочется возжигать лампы эроса, запечатлением чего является фаллическая по своей природе греческая скульптура. Эстетически являться образ святой плоти может через одухотворенный эросом взгляд на предмет любви, а пространство чаемого достижения этого идеала – «античная школа», «кружок соединенных взаимной влюбленностью». Но как к этому может относиться Христос? Из рассмотренных выше писем можно понять, что Христос для Флоренского – это уже не есть только прообраз святой плоти, но Он дает верующему в Него *самую* святую плоть. Однако совместимо ли это с идеалом «античной школы»? Флоренский приходит к выводу, что не совместимо.

Для Розанова образ «святой плоти» – это фалл как потенция порождения, а «святая плоть» есть воплотившийся фалл – дитя, обрамление и место явления этой святости – религиозно текущая семья, освящаемая церковью в самом своем корне и существе – в совоплощении.

Как могут соотноситься два столь различных взгляда?

Время написания рассмотренных писем (1908–1909 годы) – кризисное время и период «тихого бунта» для Флоренского. Причины кризиса вполне очевидны по этим письмам: понимание невозможности следования обретенной им «тенденции развития» (тому, что он именует «античной школой») в существующей реальности, болезненный отказ от нее во имя воспринятого хри-

стианства, жертва, приносимая во имя Христа, с одной стороны. И нежелание вступать в брак, ставшее препятствием для принятия иерейского сана – с другой. Здесь сложно переоценить значение принятого Флоренским, в сущности, вопреки всему устройению своей личности, решения вступить в брак (воистину: «кто хочет душу свою сберечь, тот потеряет ее, а кто потеряет душу свою ради Меня, тот обретет ее»⁷ [2, с. 1491]).

Вся чуждость Флоренскому женского начала вполне очевидна из приведенных цитат. Однако принося эту жертву, кладя на алтарь брака всю свою жизненную тенденцию «античной школы», Флоренский парадоксальным образом, напротив, лишь обретает себя в максимальной полноте. Сколь бы странным это ни казалось, но, думается, эта «античная школа», любовь и возжжение лампад перед святой плотью в претворенном и очищенном виде дается ему в семье, в отцовстве – собственно в детях. И здесь нельзя не видеть, что отринутый античный идеал «кружка соединенных взаимной влюбленностью» претворяется в христианский идеал религиозно текущей семьи, которого столь жаждал Розанов. А желание «ставить лампады» перед прекрасным юношей претворяется в любовь к своим детям. Таким феноменальным образом отречение от своего прежнего, ветхого идеала дает возможность его истинного, полного раскрытия. Именно в семье и в отцовстве, возможно, кроется разгадка столь удивлявшего Розанова сочетание Флоренским понимания, полного признания фаллизма и преданности Христу и церкви. Не случайно именно семья становится для Флоренского основным полем деятельности в заключительный период его жизни, с семьей связаны основные его произведения этого периода – «Детям моим» и «Переписка с Дальнего Востока и Соловков» – книги, написанные, в первую очередь, для собственных детей, а также философия рода Флоренского. Несложно заметить, что в семье Флоренский, отрякаясь от своего изначального идеала, реализует уже идеал Розанова, содвывая его своим собственным.

Можно сказать, что изменение (или претворение) жизненной тенденции Флоренского запечатлели «лирические места» в двух его работах: «Столп и утверждение Истины» (начало «Письма первого: два мира») [18, с. 9] и «У водоразделов мысли» (главка «На Маковце», написанная на основе письма Флоренского Розанову от 20 мая–

4 июня 1913 года) [16, с. 32] [12, с. 125–126].

Одно из наиболее глубоких убеждений Флоренского, в том или ином виде повторяющееся во всем его творчестве, звучит следующим образом: «Писать можно о том, что пережито» [1, с. 13]. Так, в письме В.А. Кожевникову от 27 августа 1912 года Флоренский, пишет, что «лирика “Столпа”» его «художественная сторона, “фон”, сознательно антиципирующий дальнейшее», то есть «лирические места» – это «свирель и жалоба покинутого» [1, с. 13]. Вполне очевидно, что «лирические места» «Столпа» написаны вполне в духе той «жизненной тенденции» Флоренского – идеала «античной школы», «кружка соединенных взаимной влюбленностью»: «Мой кроткий, мой ясный! Холодом, грустью и одиночеством дохнула на меня наша сводчатая комната, когда я в первый раз после поездки открыл дверь в нее. Теперь, – увы!, – я вошел в нее уже один, без тебя. ... Все по-прежнему... Но нет тебя мною, и весь мир кажется запустелым. Я одинок, абсолютно одинок в целом свете. Но мое тоскливое одиночество сладко ноет в груди» [18, с. 9]. Именно таковы, думается, жизненные корни «Столпа», те переживания, которые легли в основу теодицеи.

Но в том же письме Кожевникову, сообщая о возможной дальнейшей деятельности – о планах антроподицеи, которые найдут потом свое воплощение в книгах «У водоразделов мысли» и «Философия культа», – Флоренский пишет: «Пока единственный зародыш у меня этого – цикл переживаний, благодаря которым и из которых сложилась моя семейная жизнь» [1, с. 13]. И совсем не случайно далее, продолжая тему настоящего и искусственного, Флоренский пишет именно о Розанове: «Для меня – и в жизни, и в литературе – самое отвратительное – имитация; потому-то я и привязан к В.В. Розанову, что он, talos qualos est (такой, какой есть), весь “настоящий”, и потому мне противен Мережковский, что в нем почти ничего нет порожденного из себя» [1, с. 13].

Характерно, что уже упоминавшееся вступление к книге Флоренского «У водоразделов мысли» является именно письмом к Флоренского к Розанову. В этом письме интереснейшим образом преломляется и претворяется тема все той же «античной школы» и «кружка соединенных взаимной влюбленностью», звучащая в «Столпе». Претворяется же она в росте и развитии того «зародыша», о котором пишет Флоренский, «цикла

переживаний, благодаря которым и из которых сложилась моя семейная жизнь»: «Потом мы стали ходить вечерами с А. Мы знали, что ангел несет нам радость, – нашего В. Утраченный Эдем, не дававшийся памяти, как-то вспоминался в В-е. И Звезда Вечерняя был наш мальчик, через океан света нисходящий к нам, “грядущий в мир”, и мальчик был Звездой Вечерней, носимой под сердцем. Мы подарили ему Звезду, и стала *его* звездой, но она оставалась и нашим сердцем. Прозрачная полумгла ниспадала на мир, но сгущаясь в сердце, уплотнялась там в Звезду Утреннюю, в жемчужину. В сыночке просвечивал потерянный рай; в сыночке забывалось тоскливое древо познания добра и зла» [16, с. 32].

Таким, думается, было для Флоренского обретение новой «святой плоти» – «Звезды Вечерней» своего сына, грядущего в мир, и новой лампадой перед этой святой плотью стала любовь, дарованная в отцовстве. Так «жизненная тенденция» «античной школы» претворялась в «закон возрастания» религиозно текущей семьи. Совершенно ясно, что все, происходившее с Флоренским, было отмечено печатью Промысла, но, думается, в обретении им семьи и Звезды Вечерней – любимого сына не последней была роль и диалога с Розановым, и его мысли о семье как пространстве действия, излияния и стяжания Божьей благодати.

Если же говорить о Розанове, то необходимо сказать, что ему в собственной семье своего идеала или жизненной тенденции семьи как религии достигнуть не удалось, печальная история разлада в его семье также содержится в переписке. Вопрос о том, с чем именно это было связано, требует отдельного размышления. Однако в этой связи вовсе нельзя сказать, что идеи Розанова о семье, браке и религии тщетны. Непосредственным свидетельством этого является как раз семья и мысль отца Павла Флоренского, в которой в полной мере сочетались почтение к полу (праведный фаллизм) и христианство. Можно сказать, что отец Павел, пожалуй, был одним из первых людей, сумевших и в своей жизни, и в мысли совместить православное христианство с восприятием и осмыслением семьи как религиозного явления.

Хотя со времени, которое охватывает переписка двух мыслителей, прошло уже почти сто лет, говорить о том, что в русской культуре произошла сколь-нибудь глубокая рецепция идей Розанова и Флоренского, к сожалению, не прихо-

дится. Хотя для издания, исследования их наследия делается достаточно много, можно констатировать, что в том главном, вокруг чего они строили свою мысль – в идее религиозно текущей семьи, а шире – в воцерковлении пола, в живом христианстве, выстраиваемом вокруг евхаристической чаши, их идеи оказываются неизвестными и не востребуемыми в обществе и Церкви. Это свидетельствует, что необходима колоссальная работа по изучению наследия Розанова и Флоренского и применению этого наследия к построению целостного христианского мирозерцания, в котором больше внимания будет уделено пути спасения в миру, и любящая семья (а не только монастырь), в основании своем освящаемая церковью, займет подобающее ей место. Представляется очевидным, что без обращения к осмысленному и живому христианству, без благословения Церковью пола и религиозно текущей семьи само дальнейшее существование русского народа кажется маловероятным. В этом смысле «дело углубления мирочувствия», которое осуществляли Розанов и Флоренский, представляется как нельзя более жизненно необходимым, требующим осмысления и продолжения.

Примечания

¹ Хорошей иллюстрацией восприятия рассматриваемой области жизни в современном обществе является книга [3], написанная по материалам социологического исследования указанной проблематики.

² В этом смысле характерно восприятие философии пола и семьи В.В. Розанова А.Ф. Лосевым. Для монаха Лосева мысль Розанова о семье, да и в значительной мере семейное бытие и деторождение вообще, – это не что иное как «мелкобуржуазная иудаистическая мистика» «щей, папирос и уборных», а совокупление и зачатие – отнюдь не космогонический момент, в который происходит нисхождение в этот мир Бога, творящего нового человека, а только «вульгаризация брака» [4, с. 101–102].

³ Своего рода компендиумом всего самого уничижительного и скверного, что было сказано о сферах пола и семьи в православной традиции является книга некоего монаха Максимиана (Архангельского) [5]. При всем том, что весьма тенденциозные выводы этого автора никоим образом нельзя в полной мере отождествлять с мнением Церкви (книга была издана автором без какого-либо благословения, в светском издательстве и получила ряд критических отзывов в православной среде), работа содержит в себе огромное количество достоверных цитат и ссылок на творения святых отцов и христианских мыслителей, поражающих восприятием всей сферы пола и брака как области скверны и нечистоты.

⁴ К переписке органически примыкает также обширное письмо о. Павла Флоренского к Розанову, которое при публикации получило наименование «Три вида мис-

тики» (подгот. текста, публ. и коммент. игумена Андроника (А.С. Трубачева), С.М. Половинкина) [14, с. 54–67].

⁵ От греч. *kteis* – этим термином в рассматриваемой переписке обыкновенно обозначается «женский фетиш», лоно.

⁶ В качестве другого примера можно вспомнить восприятие Флоренским младшей сестры Люси, нарушившей, как Флоренский пишет в своих воспоминаниях, отношения «безусловного отца» (отца П.А. Флоренского) с «безусловным сыном»: «Люся еще не рождалась или была совсем маленькой, у меня не было с ней столкновений, отец принадлежал мне всецело, и еще не было у меня с ним неприятностей из-за Люси, которые стали омрачать мое детство впоследствии и тем самым внести несколько отчуждения от отца. *Тогда единство сына и отца, в моем сознании, было безусловным, и самый отец был для меня безусловным отцом, а я – его безусловным сыном* (Курсив мой. – А.Г.)» [17, с. 36]

⁷ В другом переводе эта мысль звучит, возможно, еще более ясно и выразительно: «Кто хочет спасти свою жизнь, тот ее потеряет. А кто свою жизнь потеряет ради Меня, тот ее обретет» [Мф 16:25] [6, с. 46].

Библиографический список

1. Андроник (Трубачев), игумен. Путь к Богу. Личность, жизнь и творчество священника Павла Флоренского. Книга 1. М.: Издательский Дом «Городец», 2012.
2. Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. М.: Российское Библейское общество, 2008.
3. Забаев И.В. Семья и деторождение в России: Категории родительского сознания. М.: ПСТГУ, 2012.
4. Лосев А.Ф. Диалектика мифа. М.: Мысль, 2001.

5. Монах Максимиан (Архангельский). Тайна христианской любви и брака. М.: Спутник+, 2005.

6. Радостная Весть: Новый Завет в переводе с древнегреческого. Учебное издание. М.: Рос. Библейское о-во, 2009.

7. Розанов В.В. Религия и культура. М.: Издательство «Правда», 1990.

8. Розанов В.В. Собрание сочинений. Апокалипсис нашего времени. М.: Республика, 2000.

9. Розанов В.В. Собрание сочинений. В мире неясного и нерешенного. Из восточных мотивов. М.: Республика, 1995.

10. Розанов В.В. Собрание сочинений. В нашей смуте. Статьи 1908 г. Письма к Э.Ф. Голлербаху. М.: Республика, 2004.

11. Розанов В.В. Собрание сочинений. В темных религиозных лучах. М.: Республика, 1994.

12. Розанов В.В. Собрание сочинений. Литературные изгнанники. Книга вторая. М.: Республика; СПб.: Росток, 2010.

13. Розанов В.В. Собрание сочинений. Листва. М.: Республика, СПб.: Росток, 2010.

14. Флоренский П.А., свящ. Три вида мистики // Энтелехия / гл. ред. И.А. Едошина. Кострома. 2012 № 26.

15. Флоренский П.А., свящ. Собрание сочинений. Философия культа (Опыт православной теодицеи). М.: Мысль, 2004.

16. Флоренский П.А., свящ. Сочинения: в 4 т. Т. 3 (1). М.: Мысль, 2000.

17. Флоренский Павел, свящ. Детям моим. Воспоминания прошлых дней. Генеалогические исследования. Из соловецких писем. Завещание. М.: Моск. рабочий, 1992.

18. Флоренский П.А. Столп и утверждение Истины. М.: Издательство «Правда», 1990.

НАШИ ПУБЛИКАЦИИ

УДК 930.26 (470)

П.П. Резепин

краевед
prezepin@gmail.com

КОСТРОМСКОЙ НЕКРОПОЛЬ. ВТОРОЙ КРЕМЛЬ

Аннотация: Приводится список похороненных во втором костромском Кремле, его монастырях и кафедральных соборах.

Ключевые слова: некрополь, Кремль, Кострома, Успенский собор, Богоявленский собор, Крестовоздвиженский монастырь, Анастасиинский Ризположенский монастырь.

Принятые сокращения:

ГАКО – Государственный архив Костромской области

ГДУ – Галичское духовное училище

ИПМО – Императорское Православное Миссионерское общество

ИППО – Императорское православное Палестинское общество

ИЧО – Императорское Человеколюбивое общество

КАПБ – Костромское Александровское православное братство

КГВ – Костромские губернские ведомости

КГГ – Костромская губернская гимназия

КГОИАХМЗ – Костромской государственный областной историко-архитектурный и художественный музей-заповедник

КГСК – Костромской губернский статистический комитет

КГУАК – Костромская губернская ученая архивная комиссия

КДА – Казанская духовная академия

КДК – Костромская духовная консистория

КДС – Костромская духовная семинария

КДУ – Костромское духовное училище

КЕВ – Костромские епархиальные ведомости

КЕЖУ – Костромское епархиальное женское училище

КЛ – Костромской листок

КОО – Костромское общество образования

КПФСБ – Костромское православное Федорско-Сергиевское братство

КС – Костромская старина

КУКС – Костромской Успенский кафедраль-

ный собор

КЦИО – Костромское церковно-историческое общество

ЛДУ – Луховское духовное училище

МДА – Московская духовная академия

МДС – Московская духовная семинария

МДУ – Макарьевское духовное училище

РГАДА – Российский государственный архив древних актов

РГИА – Российский государственный исторический архив

СДА – Санкт-Петербургская духовная академия

СДУ – Солигаличское духовное училище

СПВС – Святейший Правительствующий Всероссийский Синод

СПФ ИРИ РАН – Санкт-Петербургский филиал Института русской истории Российской Академии наук

Некрополь второго Кремля, заложенного в 1416 году, в следующем столетии состоял из некрополей Успенского и Троицкого кафедральных соборов, Крестовоздвиженского мужского монастыря и кладбища между ними в Старом городе и Ризположенского девичьего монастыря и Никольской церкви в Новом городе, с севера пристроенном к Старому в 1619 году.

К тому времени шатровый Троицкий собор развалился и больше не восстанавливался. Крестовоздвиженский мужской монастырь после пожара 12 июля 1679 года был отдан «сорока безпоместным инокиням», а после пожара 18 мая 1773 года давно прекратил существование, зато под

названием Крестовоздвиженского в том же году был возобновлен упраздненный десятилетием ранее Ризположенский девичий монастырь. Кладбище, занимавшее третью часть Старого города и между соборами и монастырем прорезанное двухсаженной ширины проездами, в 1776–1790 годах было застроено Богоявленским собором с колокольней и святыми вратами.

Некрополь холодного Успенского кафедрального собора был перенесен из первого Кремля, однако его состав вследствие частых пожаров и утрат соборного архива позабылся. В результате одного из похороненных в соборе удельных князей первые костромские краеведы, а за ними и все остальные, отождествили с Василием Ярославичем (1241–1276), который являлся сначала удельным Костромским, а затем великим князем Владимирским, но будто бы так сроднился с Костромой, что перенес в нее великокняжеский престол, то есть сделал Кострому столицей Владимирской Руси и пр. похороненным в Костроме называет его и Русский провинциальный некрополь, хотя его составителям полагалось бы знать, что великий князь Владимирский похоронен во владимирском Успенском соборе, а в костромском Успенском соборе похоронен сменивший его племянник Василий Александрович, которого и летописи называют Василием Костромским.

На кладбище между Крестовоздвиженским мужским монастырем и соборами, предположительно, были похоронены костромские воеводы Петр Васильевич Засекин-Нагавица-Пестрый, погибший в июне 1536 года в сражении костромичей с казанскими татарами на реке Кусь, и сторонник Лжедмитрия I Дмитрий Васильевич Масальский-Горбатый, в начале декабря 1608 года восставшими костромичами четвертованный и утопленный в проруби.

В Крестовоздвиженском монастыре были похоронены архимандрит Геннадий, иеромонах и девять монахов, убитых 3 марта 1609 года захватившим Кострому польско-литовским отрядом во главе со сторонником Лжедмитрия II воеводой города Ростова Великого Иваном Федоровичем Наумовым.

Некрополь теплого Богоявленского кафедрального собора сложился после его возведения в 1790 году и включал захоронения как в скрипте, так и ограде.

Описания кремлевских некрополей так же, как и всех остальных, в краеведческой литературе

отсутствуют и в Государственном архиве Костромской области не сохранились, поэтому упоминания о местонахождении праха первых костромских князей и отдельных костромских иерархов из Русского провинциального некрополя всего лишь уточнены и дополнены метрическими и библиографическими сведениями, а также персоналиями тех соборных священнослужителей, погребение которых в Богоявленском соборе устанавливается по их некрологам и метрическим книгам, либо отсутствию их погребений в других местах.

Успенский собор (XV–04.08.1934)

АФАНАСИЙ (†11.06.1362). Епископ Владимиро-Волынский (май 1328). Участник архиерейского собора, разрешившего спор о принадлежности Червленого Яра не Сарайской, а Рязанской епархии, и закладки Троицкого собора Троицкого Ипатьевского монастыря в г. Костроме (март 1330), хиротонии епископа Новгородского (25.08.1331) Василия (Калики) (†03.07.1352) и погребения хиротонисавшего их и возглавлявшего костромской собор митрополита Киевского и всея Руси (1328–1353) святителя Феогноста (†11.03.1353). Управляющий делами Московской митрополии в г. Переяславле-Залесском (1353–1354, 1356), рукоположивший преподобного Сергия Радонежского (16.05.1314–25.09.1391) в чины иеродиакона и иеромонаха и возведший в сан игумена Троицкого монастыря (1354).

Лит.: Жития святых, на русском языке, изложенные по руководству Четьих-Миней святителя Димитрия Ростовского с дополнениями, объяснительными примечаниями и изображениями святых: в 12 кн. и 2 кн. доп. М., 1908. Кн. 1. С. 521; Полное Собрание Русских Летописей. СПб., 1841. Т. III. С. 343, 474; СПб., 1848. Т. IV. Ч. 1. С. 264; СПб., 1853. Т. VI. Вып. 1. Стб. 405; СПб., 1897. Т. XI. С. 1; Пг., 1921. Т. XXIV. С. 121; Полный православный богословский энциклопедический словарь: в 2 т. / изд. П.П. Сойкина. СПб., б.г. Т. 1. Стб. 546; Православная богословская энциклопедия, или Богословский энциклопедический словарь, содержащий в себе необходимые для каждого сведения по всем важнейшим предметам богословского знания в алфавитном порядке с иллюстрациями и картами: в 12 т. / под ред. А.П. Лопухина и Н.Н. Глубоковского. СПб., 1902. Т. III. Стб. 767; Православная энциклопедия / под ред. Патриарха Московского и всея Руси Алексия. М., 2001. Т. III. С. 708; Русский провинциальный некрополь. М., 1914. Т. I. С. 58; Словарь книжников и книжности Древней Руси. Л., 1988. Вып. 2. Ч. 1. С. 28; Булгаков С.В. Настольная книга для священно-церковнослужителей. Киев, 1913. С. 1397; Макарий [Булгаков М.П.], митр. История Русской Цер-

кви: в 12 т. СПб., 1866. Т. 4. Кн. 1. С. 183, 342; *Н. Дурново*. Девятисотлетие русской иерархии 988–1888. Епархии и архиереи. М., 1888. С. 27; *Строев П.М.* Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской Церкви. СПб., 1877. Стб. 1033; *Титов А.А.* Рязанские епископы [до 1700 г.]. М., 1891. С. 7; *Введенский С.Н.* Церковный собор в Костроме при митрополите всероссийском Феофане // Христианское чтение. СПб., 1914. Февраль. С. 235–245.

Арх.: РГАДА. Ф. 188. Оп. 1. Д. 107. Л. 33 об.

БОРИС АНДРЕЕВИЧ (†25.02.1303–8). Сын князя Городецкого (1259–1304) и Костромского (1277–1304) и великого князя Владимирского (1281–1283, 1293–1294, 1296, 1297, 1303–1304) Андрея Александровича (†27.07.1304–54). Князь Новгородский (1299) и Костромской (1302). Участник погребения архиепископа Новгородского и Псковского Климента (†22.05.1299) и избрания архиепископа Новгородского и Псковского (1299) Феофиста (†23.12.1310).

Лит.: Русский биографический словарь: в 25 т. СПб., 1900. Т. 2. С. 132; Русский провинциальный некрополь. М., 1914. Т. I. С. 97; Энциклопедический словарь / под ред. И.Е. Андреевского, К.К. Арсеньева и Ф.Ф. Петрушевского. СПб., 1891. Т. IV. С. 410.

ВАСИЛИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ (1241–1271). Сын князя Новгородского (1236–1251), Переяславского (1240–1251) и Тверского (1247–1251) и великого князя Владимирского (1252–1263) Александра Ярославича Невского (30.05.1220–14.11.1263). Князь Новгородский (1253–1257), разбивший литовцев у Торопца (1253) и отказавшийся платить дань татарам (1257), и Костромской (1271).

Лит.: Полное Собрание Русских Летописей. Л., 1982. Т. XXXVII. С. 165; Русский провинциальный некрополь. М., 1914. Т. I. С. 134; Энциклопедический словарь / под ред. И.Е. Андреевского, К.К. Арсеньева и Ф.Ф. Петрушевского. СПб., 1890. Т. I. С. 391; СПб., 1892. Т. V а. С. 593–594; *Экземплярский А.В.* Великие и удельные князья Северной Руси в татарский период с 1238 по 1505 г. СПб., 1889. Т. I. С. 284–286.

Кладбище

ЗАСЕКИН-НАГАВИЦА-ПЕСТРЫЙ ПЕТР ВАСИЛЬЕВИЧ († июнь 1536). Князь. Сын князя Засекина Василия Владимировича (?–?). Воевода в г. Стародубе (1521), Одоеве (1531), Белом Колодезе (1532), Коломне (1533), Себеже (1536), отстоявший город и обративший в бегство 20-тысячное войско киевского воеводы Немирова, и Костроме (1536). Убит в сражении костромичей с превосходившими их силами казанских татар на реке Кусь в Галичском у.

Лит.: Разрядная книга 1475–1598 гг. М., 1966. С. 67, 76, 77, 80, 82; Разрядная книга 1475–1605 гг. М., 1977. Т. I. Ч. II. Л. 153, 161, 168, 184 об.; Русский биографический словарь: в 25 т. Пг., 1916. Т. 7. С. 265; *Долгоруков П.В.*, *кн.* Российская родословная книга: в 4 ч. СПб., 1854. Ч. I. С. 147, 148, 161.

Арх.: РГАДА. Ф. 188. Оп. 1. Д. 107. Л. 32 об.; СПФ ИРИ РАН. Архив. Коллекция 115. № 603. Л. 35–36.

МАСАЛЬСКИЙ-ГОРБАТЫЙ ДМИТРИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ († декабрь 1608). Князь. Сын стольника (1613) князя Масальского Василия Ивановича (?–?). Участник Троицкого похода (1604). Первый воевода Лжедмитрия I в г. Калуге (1605) и Ливнах (1605–1606) и Лжедмитрия II в Рославле (1607–1608) и Костроме (ноябрь–декабрь 1608). Участник восстания Болотникова Ивана Исаевича (1606). Окольничий (1607). Восставшими костромичами во главе с именитым человеком Строгановым Петром Семеновичем (1583–24.03.1639) был четвертован и утоплен в проруби. Бездетен.

Лит.: Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археологической экспедицией императорской Академии наук: в 4 т. СПб., 1836. Т. II. С. 192. № 94.2; Дворянские роды Российской Империи / под ред. С.В. Думина. М., 1993. Т. 1. С. 121, 122. № 27; Разрядная книга 1475–1605 гг. М., 2003. Т. IV. Ч. 2. Л. 708; *Барсуков А.П.* Списки городских воевод и других лиц воеводского управления Московского государства XVII столетия. СПб., 1902. С. 193, 522; *Белокуров С.А.* Разрядные записи за смутное время (7113–7121). М., 1907. С. 7, 41, 80, 133, 136, 155, 205, 212, 1803; *Островский П.Ф.*, *прот.* Историко-статистическое описание Костромского первоклассного кафедрального Ипатьевского монастыря. Кострома, 1870. С. 13.

Крестовоздвиженский мужской монастырь (XV–1680)

ГЕННАДИЙ (†03.03.1608). Архимандрит Крестовоздвиженского монастыря (1598–1608). Вместе с иеромонахом и девятью монахами был убит захватившим Кострому польско-литовским отрядом во главе со сторонником Лжедмитрия II воеводой города Ростова Великого Иваном Федоровичем Наумовым.

Лит.: *Амвросий [Орнатский А.А.]*, *архиеп.* История Российской иерархии, собранная Новгородской семинарии префектом, философии учителем, соборным иеромонахом Амвросием: в 6 ч. М., 1812. Ч. IV. С. 865; М., 1815. Ч. VI. С. 1017; *Зверинский В.В.* Материал для историко-топографического исследования о православных монастырях в Российской империи, с библиографическим указателем: в 3 ч. СПб., 1890. Ч. 1: Преобразование старых и учреждение новых монастырей в 1764–1890 годах. С. 168. № 260; *Ратшин А.* Полное собрание ис-

торических сведений о всех бывших в древности и ныне существующих монастырях и примечательных церквах в России. М., 1852. С. 160, 161, 165; *Строев П.М.* Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской Церкви. СПб., 1877. Стб. 860; *Титов А.А.* Упраздненные монастыри Костромской епархии (С рисунком) / с предисл. Ан. Титова. М., 1909. С. 20; *Баженев И.В.* Сорок два старинных сборника Богоявленского монастыря // КС. 1897. Вып. IV. Приложения. С. 101.

Арх.: ГАКО. Ф. 558. Оп. 2. Д. 560. Л. 170.

Анастасиинский Ризположенский (1417–1763) и Крестовоздвиженский (1775–1863) девичий монастырь

ЕКАТЕРИНА (†1724). Игуменья Анастасиинского Ризположенского монастыря (1702–1724).

Лит.: *Амвросий [Орнатский А.А.]*, архиеп. История Российской иерархии, собранная Новгородской семинарии префектом, философии учителем, соборным иеромонахом Амвросием: в 6 ч. М., 1812. Ч. IV. С. 865; М., 1815. Ч. VI. С. 1017; *Баженев И.В.* Костромской Богоявленско-Анастасиинский монастырь. Исторический очерк с приложением рисунков. Кострома, 1895. С. 94; *Денисов Л.И.* Православные монастыри Российской империи: полный список всех 1105 ныне действующих в семидесяти пяти губерниях и областях России (и в двух иностранных государствах) мужских и женских монастырей, архиерейских домов и женских общин. С кратким топографическим, историко-статистическим и археологическим описанием, библиографическими примечаниями, статистической таблицей и четырьмя алфавитными указателями. С указанием ближайших к монастырям почтовых и железнодорожных станций. Со стадесятью рисунками в тексте и картой монастырей (в две краски) на вкладном листе. М., 1908. С. 330–333. № 348; *Зверинский В.В.* Материал для историко-топографического исследования о православных монастырях в Российской империи, с библиографическим указателем: в 3 ч. СПб., 1890. Ч. 1: Преобразование старых и учреждение новых монастырей в 1764–1890 годах. С. 73–74. № 12; С. 168. № 260; *Ратишин А.* Полное собрание исторических сведений о всех бывших в древности и ныне существующих монастырях и примечательных церквах в России. М., 1852. С. 160, 161, 165; *Строев П.М.* Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской церкви. СПб., 1877. Стб. 860.

СОФИЯ (Лизунова? Михайловна) (†20.09.1847–67). Уроженка Пензенской губ. Дочь дворянина. Послушница пензенского Троицкого (1793), послушница (1802) и постриженница (1806) нижегородского и казначая (1817) и игуменья (1829–1847) костромского Крестовоздвиженских монастырей.

Эп.: «Блажени мертвиі умирающи о Господь отнынѣ. Ей Глаголет Дух, да почиют отъ трудовъ своихъ. Подъ симъ камнемъ погребено тѣло въ

Бозѣ почившей незабвенной матери игуменіи Софіи Михайловны. Отъ юнаго возраста пламенно возлюбя Господа, поступила первоначально в Пензенский Троицкій монастырь 13 лѣтъ в 1793 году. В 1802 г. переведена в Нижегородскій Крестовоздвиженскій монастырь, гдѣ и пострижена в монашество в 1806 году. В 1817 г. вызвана для устроения общежитія в Костромской Крестовоздвиженскій дѣвичій монастырь с должностію казначей. В 1829 г. поставлена игуменію и за примерные труды и попеченія о благоустройстве обители оной в 1847 г. награждена наперснымъ крестомъ. Всего житія ея было 67 лѣтъ; скончалась сентября 20 дня 1847 г. Вся жизнь ея была посвящена на пользу обители; к сестрам любовь ея была истинною матернею любовію и она не иначе была называема как родною. Благоразудною мудростію и опытною духовною жизнію въяремое словесное стадо усердно вела к соединенію с Господомъ. Требующимъ совѣта была вѣрною наставницею, немощнымъ врачом и неусыпною попечительницею и всѣмъ была въярявшимся руководствомъ ея – о Господе родною матерію. Потребностямъ монастырскимъ заботливая была строительница во всѣхъ частяхъ потребныхъ общежитію. Господи упокой душу ея со святыми твоими!»

Лит.: Русский провинциальный некрополь. М., 1914. Т. 1. С. 815–816; *Амвросий [Орнатский А.А.]*, архиеп. История Российской иерархии, собранная Новгородской семинарии префектом, философии учителем, соборным иеромонахом Амвросием: в 6 ч. М., 1812. Ч. IV. С. 865; М., 1815. Ч. VI. С. 1017; *Баженев И.В.* Костромской Богоявленско-Анастасиинский монастырь. Исторический очерк с приложением рисунков. Кострома, 1895. С. XVI–XVII, 94; *Денисов Л.И.* Православные монастыри Российской империи: полный список всех 1105 ныне действующих в семидесяти пяти губерниях и областях России (и в двух иностранных государствах) мужских и женских монастырей, архиерейских домов и женских общин. С кратким топографическим, историко-статистическим и археологическим описанием, библиографическими примечаниями, статистической таблицей и четырьмя алфавитными указателями. С указанием ближайших к монастырям почтовых и железнодорожных станций. Со стадесятью рисунками в тексте и картой монастырей (в две краски) на вкладном листе. М., 1908. С. 330–333. № 348; *Зверинский В.В.* Материал для историко-топографического исследования о православных монастырях в Российской империи, с библиографическим указателем: в 3 ч. СПб., 1890. Ч. 1: Преобразование старых и учреждение новых монастырей в 1764–1890 годах. С. 73–74. № 12; С. 168. № 260; *Ратишин А.* Полное собрание исторических сведений о всех бывших в древности и ныне существующих монастырях и примечательных церквах в России. М., 1852. С. 160, 161, 165; *Строев П.М.* Списки иерархов и настоятелей монасты-

рей Российской церкви. СПб., 1877. Стб. 860.

СУМАРОКОВ НИКИТА (†1822–45). Священник Крестовоздвиженского монастыря.

Лит.: *Амвросий [Орнатский А.А.]*, архиеп. История Российской иерархии, собранная Новгородской семинарии префектом, философии учителем, соборным иеромонахом Амвросием: в 6 ч. М., 1812. Ч. IV. С. 865; М., 1815. Ч. VI. С. 1017; *Денисов Л.И.* Православные монастыри Российской империи: полный список всех 1105 ныне действующих в семидесяти пяти губерниях и областях России (и в двух иностранных государствах) мужских и женских монастырей, архиерейских домов и женских общин. С кратким топографическим, историко-статистическим и археологическим описанием, библиографическими примечаниями, статистической таблицей и четырьмя алфавитными указателями. С указанием ближайших к монастырям почтовых и железнодорожных станций. Со стадесятью рисунками в тексте и картой монастырей (в две краски) на вкладном листе. М., 1908. С. 333–334. № 349; *Зверинский В.В.* Материал для историко-топографического исследования о православных монастырях в Российской империи, с библиографическим указателем: в 3 ч. СПб., 1890. Ч. 1: Преобразование старых и учреждение новых монастырей в 1764–1890 годах. С. 73–74. № 12; С. 168. № 260; *Ратишин А.* Полное собрание исторических сведений о всех бывших в древности и ныне существующих монастырях и примечательных церквах в России. М., 1852. С. 160, 161, 165.

Арх.: ГАКО. Ф. 200. Б/ш. Д. 116. Л. 34 об.-35.

СУСАННА († февраль 1832). Уроженка Нерехтского у. Костромского нам. Дочь священника. Игуменья Крестовоздвиженского монастыря (1813–1829).

Лит.: *Амвросий [Орнатский А.А.]*, архиеп. История Российской иерархии, собранная Новгородской семинарии префектом, философии учителем, соборным иеромонахом Амвросием: в 6 ч. М., 1812. Ч. IV. С. 865; М., 1815. Ч. VI. С. 1017; *Баженев И.В.* Костромской Богоявленско-Анастасинский монастырь. Исторический очерк с приложением рисунков. Кострома, 1895. С. 94; *Денисов Л.И.* Православные монастыри Российской империи: полный список всех 1105 ныне действующих в семидесяти пяти губерниях и областях России (и в двух иностранных государствах) мужских и женских монастырей, архиерейских домов и женских общин. С кратким топографическим, историко-статистическим и археологическим описанием, библиографическими примечаниями, статистической таблицей и четырьмя алфавитными указателями. С указанием ближайших к монастырям почтовых и железнодорожных станций. Со стадесятью рисунками в тексте и картой монастырей (в две краски) на вкладном листе. М., 1908. С. 333–334. № 349; *Зверинский В.В.* Материал для историко-топографического исследования о православных монастырях в Российской империи, с библиографическим указателем: в 3 ч. СПб., 1890. Ч. 1: Преобразование старых и учреждение новых монастырей в 1764–1890 годах. С. 73–74. № 12; С. 168. № 260; *Ратишин А.* Полное собрание исторических сведений о всех бывших в древности и ныне существующих монастырях и примечательных церквах в

России. М., 1852. С. 160, 161, 165; *Строев П.М.* Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской церкви. СПб., 1877. Стб. 860.

Богоявленский собор (1790–08.06.1934)

БЕЛЯЕВ ИОАНН СТЕФАНОВИЧ (1801 – ок. 16.02.1866). Сын причетника Троицкой церкви с. Голов Солигаличского у. Степана Иванова (?–?). Выпускник СДУ (1818), КДС (1823) и СДА (1827). Кандидат богословия (17.09.1827). Учитель греческого языка ЛДУ (25.11.1827). Инспектор (20.05.1829) и смотритель (11.05.1831) ГДУ. Священник (01.01.1831) и протоиерей (01.07.1833) Спасо-Преображенского собора г. Галича. Протоиерей (01.07.1831). Присутствующий Галичского духовного правления (29.12.1833). Член Галичского тюремного комитета (01.05.1842). Цензор проповедей священников Галичского у. (15.12.1849). Протоиерей КУКС, член КДК и непреременный член КГСК (01.08.1857). Адресат благодарности правления КДС (01.10.1834, 12.12.1839) и епископа Костромского и Галичского (30.09.1835). Похоронен в Сергиевском приделе. Свояк ГОРСКОГО В.С. и КРАСОВСКОГО И.В.

Соч.: Статистическое описание соборов и церквей Костромской епархии, составленное на основании подлинных сведений, имеющихся по духовному ведомству, членом Костромского губернского статистического комитета кафедрального Успенского собора протоиереем Иоанном Беляевым. СПб.: Тип. Почт. деп., 1863.

Лит.: *Венгеров С.А.* Источники словаря русских писателей. СПб., 1900. Т. 1. С. 459; *Родосский А.С.* Биографический словарь студентов первых XXVIII курсов Санкт-Петербургской духовной академии. 1814–1869. СПб., 1907. С. 62; *Резепин П.П.* Замечательные выпускники Костромской духовной семинарии // Светоч: альманах. Кострома, 2007. № 2. С. 122.

Арх.: ГАКО. Ф. 27. Оп. 1. Д. 654. Л. 23 об.-24; Д. 770. Л. 6 об.-8; Ф. 200. Оп. 3. Д. 586. Л. 186 об.; Ф. 407. Оп. 1. Д. 132. Л. 562 об.-563; Д. 174. Л. 845 об.-851; Ф. 432. Оп. 1. Д. 417. Л. 90–91; Д. 928. Л. 46–47; Д. 1100. Л. 36–37; Д. 1146. Л. 13 об.; Д. 1365. Л. 21–23; Д. 3748. Л. 51 об.

ВИССАРИОН (Нечаев Василий Петрович) (15.03.1823–30.05.1905). Сын дьякона с. Коледина Крапивенского у. Тульской губ. Выпускник Тульской духовной семинарии (1844) и МДА (1848). Кандидат (1848), магистр (03.10.1850) и доктор (30.06.1894) богословия. Учитель логики и психологии Тульской (05.11.1848), церковной истории и археологии Вифанской (04.11.1849) духовных семинарий и Священного Писания и греческого языка МДС (21.10.1852–10.10.1855). Священник

домовой Никольской церкви МДС (08.12.1853) и московской церкви Николы в Толмачах (12.10.1855). Основатель и редактор Душеполезного чтения (М., 1860–1889). Протоиерей (27.03.1874). После вдовства – постриженник (08.06.1889) и архимандрит (11.06.1889) московского Богоявленского монастыря. Епископ Дмитровский, викарий Московский (30.06.1889). Епископ Костромской и Галичский (14.12.1891). Кавалер орденов Святой Анны I–III и Святого Владимира II–IV степеней и др. Почетный член Общества любителей духовного просвещения (1885), МДА (1885), КГУАК (14.03.1892), которой пожертвовал 17 старинных монет (1894), КДА (08.11.1894), СДА (13.02.1896), ИППО (01.05.1898), Киевской духовной академии (27.01.1899), Общества вспомоществования недостаточным учащимся КДС (1899) и др. Корреспондент «Домашней беседы», «Духовного собеседника», «КЕВ», «Православного обозрения», «Странника», «Церковного вестника», «Церковных ведомостей» и др. Похоронен в Сергиевском приделе. Свою келейную библиотеку завещал КДС. Жертвовал свои книги также КЕЖУ (1901), Хреновской церковно-учительской семинарии Кинешемского у. (1902), библиотеке и читальне при чайной Костромского попечительства о доме трудолюбия (1904), Кинешемскому реальному училищу им. И.А. Коновалова (1904) и др.

Пс.: Д.Б. [Доктор богословия] *Епископ Виссарион* (Поучения, говоренные в Костроме в 1895 году. М., 1897), *Епископ Виссарион*. Уроки покаяния из великого канона Андрея Критского, заимствованные из библейских сказаний. М., 1891; Душеполезное чтение. М., 1892. Ч. III. Ноябрь; Православное обозрение. М., 1891. Май / Июнь; КЕВ, 1892–1905; Церковные ведомости. СПб., 1901. № 11; Церковный вестник, 1895. № 47)

Соч.: Святитель Димитрий, митрополит Ростовский. М., 1849; Время иконоборства. М., 1861; Обзорение употребительнейших церковных молитв. М., 1865 (рец.: Систематический обзор русской народно-учебной литературы. СПб., 1878. С. 116); Изд. 2–3. М., 1880–1892; Изд. 4-е. СПб., 1904; Толкование на божественную литургию по чину св. Иоанна Златоуста и св. Василия Великого. М., 1870 (рец.: Вятские епархиальные ведомости. Вятка, 1871. № 15; Минские епархиальные ведомости. Минск, 1871. № 38; Н.Е. // Листок духовной библиографии. СПб., 1873. № 3. С. 35–36; И. Э-ский // Руководство для сельских пастырей. Киев, 1870. № 20); Изд. 2-е. М., 1878 (рец.: Систематический обзор русской народно-учебной литературы. СПб., 1878. С. 106); Изд. 3-е. М., 1884; Изд. 4-е. СПб., 1895 (рец.: Н.П. // Христианское чтение. СПб., 1895. Ч. I. С. 221); Толкование на паремии. М., 1871–1895. Т. 1–7 (рец.: Душеполезное чтение. М., 1872. Ч. II. Июль. С. 335–349; № 8. С. 446–469; Руководство для сельских пастырей. Киев,

1870. № 29. С. 437–444); Пиетизм и его историческое значение. М., 1873; О вечерне. М., 1875; Изд. 2-е. М., 1891; Христианские уроки. М., 1875; Изд. 2-е. М., 1891; Очерки христианской жизни. М., 1879; Изд. 2-е. М., 1885; Изд. 3-е. СПб., 1904; Духовный свет: Собрание духовно-назидательных статей. М., 1882; Изд. 2-е. М., 1891; Уроки покаяния в Великом каноне св. Андрея Критского, заимствованные из библейских сказаний. М., 1882; Изд. 2-е. М., 1891; Изд. 3-е. М., 1892; Изд. 4-е. М., 1897; Духовная пища. Сборник для религиозного чтения. М., 1884; Изд. 2-е. М., 1891; Сборник для любителей духовного чтения. М., 1884 (рец.: Библиограф. СПб., 1886. № 3; Церковно-общественный вестник. СПб., 1886. № 3; Чтения в Обществе любителей духовного просвещения. М., 1885. Март-Апрель); Изд. 2-е. СПб., 1897 (рец.: Литературное приложение к Ниве. СПб., 1897. № 3. С. 653–654); Черты христианского учения. Сборник для назидательного чтения. М., 1887; Изд. 2-е. СПб., 1897; Изд. 3-е. СПб., 1898; Грехи чувств: зрение, слух, осязание, вкус и обоняние, внутренне чувство. М., 1888; О расколе и по поводу раскола. М., 1890; Изд. 2-е. СПб., 1901; Изъяснение молитвы Господней. М., 1892; Изд. 2-е. М., 1902; Обзорение употребительнейших церковных молитв. М., 1892; Голос пастыря. М., 1893; Поучения, говоренные в Костроме в 1895 году. М., 1897; Поучения, говоренные в Костроме в 1896 году. М., 1898; Несколько практических наставлений, готовящимся к принятию священства. Кострома, 1899; Поучения, говоренные в Костроме в 1897 году. М., 1899; К земским деятелям. Кострома, 1900; Поучения, говоренные в Костроме в 1898 году. М., 1900 (рец.: П.С. // Церковные ведомости. СПб., 1900. № 32); Поучения, говоренные в Костроме в 1899 году. М., 1901; Поучения, говоренные в Костроме в 1900 году. М., 1902 (рец.: КЕВ. 1902. № 1. Часть неофициальная. С. 15–16); Поучения, говоренные в Костроме в 1901 году. М., 1903 (рец.: Церковные ведомости. СПб., 1903. № 14/15); Поучения, говоренные в Костроме в 1902 году. М., 1904; Поучения, говоренные в Костроме в 1903 году. М., 1905; Зимние увеселения светских людей // Душеполезное чтение. М., 1863. Ч. III. Ноябрь. С. 238–253; Меры для противодействия расколу // Там же. 1867. Ч. I. Январь; Толки о клятвах Московского собора 1667 г. // Там же; О святых местах и о народном театре // Там же. 1873. Ч. III. Октябрь. С. 189–197; Толки ревнителей полнейшей свободы раскола // Там же. 1874. Ч. I. Январь; Церковь и раскол // Там же. 1875.- Ч. I. Январь; Театральные увеселения и Великий пост // Там же. 1876. Ч. I. Март. С. 398–412; Церковь и сектанство // Там же. 1882. Ч. III. Ноябрь; Столетие со дня рождения митрополита Филарета // Там же. 1883. Ч. I. Февраль. С. 167–175; Три вселенских святителя и один из Московских // Там же. Март. С. 377–384; Суд и присяга // Там же. 1886. Ч. I. Январь. С. 3–24; Стих в честь Богородицы // Там же. 1892. Ч. III. Ноябрь; Тавифа и дела благотворения // Там же. 1897. Ч. II. Май. С. 63–65; Значение в деле нашего спасения немощей человеческих, принятых Христом // Там же. С. 66–68; Отношение к усопшим // Там же. С. 72–74; Добродетель страннопримства // Там же. С. 75–77; Исповедание Петрову // Там же. Июль. С. 338–343; Приветственное послание к бывшим прихожанам // Там же. С. 465–477; Отд. отт. М., 1897; Вера бесовская, злоба и радость бесовская // Там же. С. 478–482; О почтительности друг к другу // Там же. С. 483–486; О хлебных неурожаях 1897 г.

// Там же. С. 487–490; Прославление пророка Илии в церковном песнопении // Там же. С. 491–494; Участие жен в духовном учительстве // Там же. С. 495–500; Смысл познания церкви Христовой и души христианской Божиим строением // Там же. Август. С. 590–593; В деле спасения души небезопасно обходиться без помощи духовных руководителей // Там же. С. 594–597; Ревность о спасении близких посредством обличения и вразумления // Там же. С. 598–602; Домашняя церковь // Там же. С. 603–606; Ложные мнения о просвещении и воспитании народа // Там же. 1899. Ч. III. Декабрь. С. 628–635; О непротиивлении злу // Там же. 1904. Ч. II. Август. С. 515–521; Увещание 80-летнего старца святителя чадам православной церкви // Там же. 1905. Ч. I. – Январь; Речь в 9-й день по кончине Ю.Ф. Самарина // Православное обозрение. М., 1876. Т. I. Апрель. С. 691–693; Речь при открытии французской выставки в Москве 29 апреля 1891 г. // Там же. 1891. Май / Июнь. С. 316; Слово в Успенском соборе // Сборник, изданный Обществом Любителей Духовного Просвещения, по случаю празднования столетнего юбилея со дня рождения (1782–1882) Филарета, митрополита Московского. М., 1883. Т. 1. С. 25–34; Священник В.И. Лебедев // Странник. СПб., 1864. Ч. I. Январь; Слово в день церковного торжества в Москве 11 октября // Там же. Ч. IV. Ноябрь. Отд. II. С. 66–69; Театральные увеселения и Великий пост // Церковные ведомости. СПб., 1901. № 11; Злоупотребление словами Священного Писания // Церковный вестник. СПб., 1895. № 47; Отд. отд. СПб., 1895.

Лит.: Новый энциклопедический словарь / под общ. ред. К.К. Арсеньева. СПб., б.г. Т. 10. Стб. 793; Полный православный богословский энциклопедический словарь: в 2 т. / изд. П.П. Сойкина. СПб., б.г. Т. 1. Стб. 513; Т. 2. Стб. 1479, 1632; Православная богословская энциклопедия, или Богословский энциклопедический словарь, содержащий в себе необходимые для каждого сведения по всем важнейшим предметам богословского знания в алфавитном порядке с иллюстрациями и картами: в 12 т. / под ред. А.П. Лопухина и Н.Н. Глубоковского. СПб., 1902. Т. III. Стб. 513–516; Православная энциклопедия / под ред. Патриарха Московского и всея Руси Алексия М., 2004. Т. VIII. С. 548; Русский провинциальный некрополь. М., 1914. Т. I. С. 152; Состав Святейшего Правительствующего Всероссийского Синода и Российской Церковной Иерархии на 1894 год. СПб., 1894. С. 76; Состав Святейшего Правительствующего Всероссийского Синода и Российской Церковной Иерархии на 1903 год. СПб., 1903. С. 108; Состав Святейшего Правительствующего Всероссийского Синода и Российской Церковной Иерархии на 1904 год. СПб., 1904. С. 106; Состав Святейшего Правительствующего Всероссийского Синода и Российской Церковной Иерархии на 1905 год. СПб., 1905. С. 98; Списки архиереев иерархии Всероссийской и архиерейских кафедр со времени учреждения Святейшего Правительствующего Синода (1721–1895 гг.). СПб., 1896. С. 78. № 516; Списки студентов, окончивших полный курс Императорской Московской духовной академии за первое столетие ее существования. 1814–1914. Сергиев Посад, 1914. С. 32, 176; У Троицы в Академии. 1814–1914. Юбилейный сборник исторических материалов. М., 1914. С. 167, 169, 293, 294, 327, 484; Энциклопедический словарь / под ред. И.Е. Андреевского, К.К. Арсеньева и Ф.Ф. Петрушевского. СПб., 1905. Т. I доп. С. 428; Кончина и погребение преосвященного

Виссариона, епископа Костромского и Галичского. Кострома, 1905; Сборник статей, посвященных памяти Виссариона, епископа Костромского и Галичского. М., 1905; Амвросий [Орнатский А.А.], архиеп. История Российской иерархии, собранная Новгородской семинарии преемством, философии учителем, соборным иеромонахом Амвросием: в 6 ч. М., 1810. Ч. II. С. 632; Венгеров С.А. Источники словаря русских писателей. СПб., 1900. Т. 1. С. 587–588; Венгеров С.А. Критико-биографический словарь русских писателей и ученых (от начала образования до наших дней). Изд. 2-е, совершенно перераб., илл. Предварительный список русских писателей и ученых и первые о них справки. Пг., 1915. Т. I. С. 134; Денисов Л.И. Православные монастыри Российской империи: полный список всех 1105 ныне действующих в семидесяти пяти губерниях и областях России (и в дух иностранных государств) мужских и женских монастырей, архиерейских домов и женских общин. С кратким топографическим, историко-статистическим и археологическим описанием, библиографическими примечаниями, статистической таблицей и четырьмя алфавитными указателями. С указанием ближайших к монастырям почтовых и железнодорожных станций. Со стадесятью рисунками в тексте и картой монастырей (в две краски) на вкладном листе. М., 1908. С. 319–321. № 336; Зверинский В.В. Материал для историко-топографического исследования о православных монастырях в Российской империи, с библиографическим указателем: в 3 ч. СПб., 1892. Ч. 2: Монастыри по штатам 1764, 1786 и 1795 годов. С. 148–150. № 834; Мануил [Лемешевский В.В.], митр. Русские православные иерархи периода с 1893 по 1965 годы (включительно): в 6 т. Эрланген, 1981. Т. II. С. 181–187; Ратшин А. Полное собрание исторических сведений о всех бывших в древности и ныне существующих монастырях и примечательных церквях в России. М., 1852. С. 151; Ромашков Д.И. Преосвященный Виссарион, бывший епископ Костромской и Галичской, как церковный проповедник и духовный писатель. М., 1906; Смирнов С.К., прот. История Московской Духовной Академии до ее преобразования. 1814–1870 гг. М., 1879. С. 241, 476–477, 556; Сырцов И.Я., прот. Архипастыри Костромской епархии за 150 лет ее существования (1745–1898). Кострома, 1898. С. 44–46; Сырцов И.Я., прот. Молитвенное воспоминание о преосвященном Виссарионе в Костроме 30 мая в день первой годовщины по кончине его. М., 1906; [Сырцов И.Я., прот.] 150-летие Костромской духовной семинарии (1747–1897 гг.). Кострома, 1897. С. 44; Служение преосвященного Виссариона, епископа Костромского и Галичского (в миру прот. В.П. Нечаев) в московском Никола-Толмачевском приходе: Из воспоминаний сослужителя // Душеполезное чтение. М., 1903. № 12. С. 548–555; Памяти преосвященного Виссариона, епископа Костромского и Галичского // КЕВ. 1907. № 11/12. Часть неофициальная. С. 396–399; I. Ч[ижов], свящ. Памяти преосвященного Виссариона // Там же. 1905. № 14. Часть неофициальная. С. 441–443; Корсунский И.Н. Преосвященный Виссарион, епископ Костромской. По случаю 50-летнего юбилея церковно-общественной деятельности // Душеполезное чтение. М., 1898. № 10–11; Отд. отд. М., 1898; [Поспелов И.Г., прот.] 50-летие служения преосвященного Виссариона, епископа Костромского и Галичского // КЕВ. 1898. № 22. Часть неофициальная. С. 704–717; Отд. отд. Кострома, 1899; [Поспелов И.Г.,

прот.] 50-летний юбилей священнослужительства его преосвященства преосвященнейшего Виссариона // Там же. 1904. № 1. Часть неофициальная. С. 20–57; Отд. отд. 50-летний юбилей священнослужительства преосвященнейшего Виссариона, епископа Костромского и Галичского (08.12.1853–08.12.1903). Кострома, 1904; *Поспелов И.Г., прот.* Воспоминание о Костромском Преосвященном Виссарионе // Там же. 1905. № 22. Часть неофициальная. С. 702–705; № 23. Часть неофициальная. С. 748–752; № 24. Часть неофициальная. С. 777–781; 1906. № 3. Часть неофициальная. С. 124–129; *П.И.П. [Поспелов И.Г., прот.]* 50-летний юбилей преосвященного Виссариона // КЛ. 1898. № 7; *Резепин П.П.* К 125-летию Костромской губернской ученой архивной комиссии (06.07.1885–13.11.1917). Почетные члены КГУАК: Виссарион (Нечаев Василий Петрович) // Энтелехия: научно-публицистический журнал / гл. ред. И.А. Едошина. Кострома, 2010. № 22. С. 58; *Руднев М.* Воспитанники Московской духовной академии в сане епископа за 100 лет существования Академии // Церковные ведомости. СПб., 1915. № 40. Прибавления. С. 2157, 2163; *Студитский И.М.* Юбилейное торжество преосвященного Виссариона, епископа Костромского и Галичского (1848 – 5 ноября – 1898) // Пастырский собеседник. Воронеж, 1898. № 46; *Студитский И.М.* Преосвященный Виссарион, епископ Костромской и Галичский // Там же. 1905. № 22; Некролог // Душеполезный собеседник. М., 1905. Декабрь. С. 364–365; КЕВ. 1905. № 12. Часть неофициальная. С. 349–371; КС. 1905. Вып. VI. С. 89; Пастырский собеседник. Воронеж, 1905. № 22; Странник. СПб., 1905. № 6. С. 946–955; Церковные ведомости. СПб., 1905. № 23. Прибавления. С. 962–965.

Арх.: ГАКО. Ф. 130. Оп. 7. Д. 595. Л. 9-23; Д. 670. Л. 1-7; Ф. 179. Оп. 2. Д. 2. Л. 3; Оп. 3. Д. 7. Л. 8; КГОИ-АХМЗ. КОК 35391.

ГОРСКИЙ ВАСИЛИЙ СЕРГЕЕВИЧ (март 1786–28.07.1857). Сын псаломщика КУКС Сергея Петрова (1763–?) и Ксении Ивановой (1760–?). Выпускник КДС (1803) и Троицкой лаврской духовной семинарии (1807). Учитель информатории, риторики, Закона Божия и еврейского языка КДС (04.09.1807). Смотритель ГДУ (17.01.1813–01.08.1815). Секретарь Костромского комитета Российского Библейского общества (1814–1826). Священник (01.08.1815), ключарь (09.07.1847), библиотекарь (1848–1857) и протоиерей (05.07.1848) КУКС. Протоиерей (03.04.1827). Член КДК (30.04.1830). Смотритель (18.02.1833) и ректор (10.10.1846) КДУ. Действительный член КГСК (1836) и др. Кавалер ордена Святой Анны II (07.06.1850), II с короной (16.04.1855) и III (03.02.1847) степеней, золотого наперсного креста (29.04.1839) и палицы (19.05.1846) от СПВС и др. Похоронен в Сергиевском приделе. Свояк БЕЛЯЕВА И.С. и КРАСОВСКОГО И.В.

Лит.: *Венгеров С.А.* Источники словаря русских писателей. СПб., 1910. Т. 2. С. 68; *Венгеров С.А.* Критико-

биографический словарь русских писателей и ученых (от начала образованности до наших дней). Изд. 2-е, совершенно перераб., илл. Предварительный список русских писателей и ученых и первые о них справки. Пг., 1918. Т. II. С. 200; *Островский П.Ф., прот.* Историческое описание Костромского Успенского кафедрального собора. М., 1855. С. 185–186; *Титов А.А.* Материалы для био-библиографического словаря. Словарь писателей духовного и светского чина Костромской губернии. (по рукописи костромского ученого протоиерея М.Я. Диева «Ученые делатели Костромского Вертограда»). М., 1892. С. 16; *Горохова О.В.* Библиотека костромского Успенского собора // Губернский дом: историко-краеведческий культурно-просветительский научно-популярный журнал. Кострома, 2008. № 4/5 (85/86). С. 112–115; *Резепин П.П.* Замечательные выпускники Костромской духовной семинарии // Светочъ: альманах. Кострома, 2007. № 2. С. 121; Некролог // КГВ. 1857. № 15.

Арх.: ГАКО. Ф. 200. Оп. 3. Д. 385. Л. 17 об.-18; Б/ш. Д. 116. Л. 25 об.; Ф. 432. Оп. 1. Д. 1365. Л. 1-3; Д. 1869. Л. 32-37.

ГРУЗДЕВ ДАНИИЛ МАТВЕЕВИЧ (06.12.1767–1840). Сын священника Троицкой церкви с. Олеша Галичского у. Выпускник КДС (1789). Священник (01.10.1789) и ключарь (19.03.1797) кафедрального Троицкого собора Ипатьевского Троицкого монастыря. Член КДК (1791–1839). Протоиерей (29.07.1806). Протоиерей КУКС (01.12.1835). Кавалер ордена Святой Анны III степени (15.01.1827), золотого наперсного креста (29.04.1818) и палицы (08.09.1825) от СПВС, золотого перстня с бриллиантом из Кабинета Его Императорского Величества (10.09.1833) и др. Похоронен в Сергиевском приделе.

Соч.: Слова поучительные, сказанные Костромского кафедрального Троицкого собора протоиереем Даниилом Груздевым: в 4 ч. М., 1808–1832; Речь Его Императорскому Высочеству Великому Князю Михаилу Павловичу [19.08.1817 – при его посещении Ипатьевского монастыря] // [Павел (Подлипский П.И.), еп.] Описание Костромского Ипатьевского монастыря, в коем юный Михаил Федорович Романов умолен знаменитым посольством московским на царство Русское. Сост. с подлинных монастырских бумаг. М., 1832. С. 95–96.

Лит.: *Арсеньев И.А.* Описание Костромского Успенского собора, учрежденного по высочайшему повелению в 1835 году кафедральным, составленное в 1829 году протоиереем оного собора и кавалером Иаковом Арсеньевым, а ныне вновь исправленное. М., 1837. С. 57; *Бочков В.Н.* Коллекция рукописей Государственного архива Костромской области. Кострома, 1964. С. 93. № 509 (741); *Венгеров С.А.* Источники словаря русских писателей. СПб., 1910. Т. 2. С. 146; *Венгеров С.А.* Критико-биографический словарь русских писателей и ученых (от начала образованности до наших дней). Изд. 2-е, совершенно перераб., илл. Предварительный список русских писателей и ученых и первые о них справки. Пг., 1918. Т. II. С. 216; *Геннади Г.Н.* Справочный словарь о русских писателях и ученых, умерших в XVIII и XIX

столетиях, и список русских книг с 1725 по 1825 год. Берлин, 1876. Т. 1. С. 266; *Козловский А.Д., кн.* Взгляд на историю Костромы. М., 1840. С. 198–200; *Островский П.Ф., прот.* Историческое описание Костромского Успенского кафедрального собора. М., 1855. С. 170–172, 252–253; *Титов А.А.* Материалы для био-библиографического словаря. Словарь писателей духовного и светского чина Костромской губернии. (по рукописи костромского ученого протоиерея М.Я. Диева «Ученые делатели Костромского Вертограда»). М., 1892. С. 8, 18–19; *Филарет [Гумилевский Д.Г.], архиеп.* Обзор русской духовной литературы с 862 по 1720 год. СПб., 1861. Кн. II. С. 223; *Барыков В.И.* Из прошлого // Родной край. Ярославль, 1909. № 22; *Резепин П.П.* Замечательные выпускники Костромской духовной семинарии // Светоч: альманах. Кострома, 2007. № 2. С. 121.

Арх.: ГАКО. Ф. 200. Оп. 3. Д. 385. Л. 5 об.-6; Б/ш. Д. 116. Л. 2 об.-3.

ЕВГЕНИЙ (Бережков Иван Николаевич) (15.03.1864–1918). Уроженец с. Мосты Владимирского у. Владимирской губ. Из духовного сословия. Выпускник Владимирской духовной семинарии (1884) и МДА (1897). Учитель Афанасьевского (1884) и законоучитель Карабановского (01.07.1887) начальных народных училищ и дьякон с. Карабанова (30.08.1887) Александровского у. Владимирской губ. После вдовства – постриженник (01.11.1897) и иеромонах (09.11.1897) Троице-Сергиевой лавры. Кандидат богословия (1897). Инспектор (28.11.1897) и ректор (02.03.1899) Владимирской духовной семинарии, член Владимирской духовной консистории и архимандрит владимирского Цареконстантиновского монастыря. Епископ Сумской, викарий Харьковский (31.10.1905). Епископ Приамурский и Благовещенский (22.05.1909), основавший тунгусский Феодоровский мужской и благовещенский Албазинский женский монастыри (1910) и около 20 храмов и 50 церковно-приходских школ Приамурской епархии. Епископ Костромской и Галичский (11.07.1914–1918). Кавалер орденов Святой Анны I (1912) и II (1902) и Святого Владимира III (1909) и IV (1905) степеней и др. Корреспондент Владимирских, Костромских и Харьковских епархиальных и Церковных ведомостей. Почетный член КЦИО (30.07.1914) и др. Участник Священного Собора Архиереев Православной Российской Церкви (1917–1918), арестованный и расстрелянный.

Пс.: Архимандрит Евгений (Владимирские епархиальные ведомости. Владимир, 1899. № 22), Е. Евгений [Епископ Евгений] (КЕВ. 1914. № 21), Епископ Евгений (КЕВ. 1916, № 9)

Соч.: Житие св. праведной Иулиании Лазаревской (в двух редакциях) и служба ей. СПб., 1910; О церковном прославлении и почитании св. праведной Иулиании Ла-

заревской. Исторический очерк. Муром, 1910; Нравственные уроки богослужения св. Четырехдесятницы и Пятидесятницы // Владимирские епархиальные ведомости. Владимир, 1899. № 3–8; Речь при погребении П.А. Белоярова // Там же. № 22; Речь на юбилейных торжествах // Там же. 1900. № 4, 19; Духовенству епархии // КЕВ. 1916. № 9. Часть неофициальная. С. 127–135; Отд. отт. Кострома, 1916; Речь, сказанная Преосвященным Евгением, Епископом Костромским и Галичским, пред молебном 10 марта // Там же. 1917. № 7. Часть неофициальная. С. 119–120.

Лит.: Владимирская энциклопедия. Биобиблиографический словарь. Владимир, 2002. С. 158; 250 лет Костромской епархии. Юбилейная брошюра по случаю 250-летия Костромской епархии. Кострома; Мюнхен, 1994. С. 30; Деяния Священного Собора Православной Церкви 1917–1918 гг. М., 1994. Т. I. С. 69; Именной список ректорам и инспекторам духовных академий и семинарий, преподавателям духовных училищ и их помощникам, монашествующим преподавателям духовных семинарий и училищ и священно-служителям при наших заграничных церквях 1904 года. СПб., 1904. С. 36; Отчет о состоянии и деятельности Костромского церковно-исторического общества за 1914 год. Кострома, 1915. С. 20; Полный православный богословский энциклопедический словарь: в 2 т. / изд. П.П. Сойкина. СПб., бг. Т. I. Стб. 817; Православная энциклопедия / под ред. Патриарха Московского и всея Руси Алексия. М., 2008. Т. XVII. С. 62–63; Священный Собор Православной Российской Церкви 1917–1918 гг. Обзор деяний. Первая сессия / сост. Кравецкий А.Г., Плетнева А.А., Шредер Г.А., Шульц Г.М., 2002. С. 282; Состав Святейшего Правительствующего Всероссийского Синода и Российской Церковной Иерархии на 1913 год. СПб., 1913. С. 238–239; Состав Святейшего Правительствующего Всероссийского Синода и Российской Церковной Иерархии на 1914 год. Пг., 1914. С. 234–235; Состав Святейшего Правительствующего Всероссийского Синода и Российской Церковной Иерархии на 1915 год. Пг., 1915. С. 224–225; Состав Святейшего Правительствующего Всероссийского Синода и Российской Церковной Иерархии на 1916 год. Пг., 1916. С. 214–215; Списки студентов, окончивших полный курс Императорской Московской духовной академии за первое столетие ее существования. 1814–1914. Сергиев Посад, 1914. С. 112; *Амвросий [Орнатский А.А.], архиеп.* История Российской иерархии, собранная Новгородской семинарии префектом, философии учителем, соборным иеромонахом Амвросием: в 6 ч. М., 1810. Ч. II. С. 632; *Венгеров С.А.* Критико-биографический словарь русских писателей и ученых (от начала образованности до наших дней). Изд. 2-е, совершенно перераб., илл. Предварительный список русских писателей и ученых и первые о них справки. Пг., 1918. Т. II. С. 266; *Денисов Л.И.* Православные монастыри Российской империи: полный список всех 1105 ныне действующих в семидесяти пяти губерниях и областях России (и в двух иностранных государствах) мужских и женских монастырей, архиерейских домов и женских общин. С кратким топографическим, историко-статистическим и археологическим описанием, библиографическими примечаниями, статистической таблицей и четырьмя алфавитными указателями. С указанием ближайших к монастырям почтовых и железнодорожных станций. Со ста десятью рисунками в тексте и картой мона-

стырей (в две краски) на вкладном листе. М., 1908. С. 319–321. № 336; *Зверинский В.В.* Материал для историко-топографического исследования о православных монастырях в Российской империи, с библиографическим указателем: в 3 ч. СПб., 1892. Ч. 2: Монастыри по штатам 1764, 1786 и 1795 годов. С. 148–150. № 834; С. 356–358. № 1234; *Малицкий Н.В.* История Владимирской духовной семинарии (1750–1869). М., 1902. Вып. 2. С. 382; Вып. 3. С. 37; *Мануил [Лемешевский В.В.]*, митр. Русские православные иерархи периода с 1893 по 1965 годы (включительно). Эрланген, 1984. Т. III. С. 100; *Ратишин А.* Полное собрание исторических сведений о всех бывших в древности и ныне существующих монастырях и примечательных церквях в России. М., 1852. С. 151; *Цыпин В.А., прот.* История Русской Церкви, 1917–1997. М., 1997. С. 736; Прощание духовенства и пастыря Благовещенской епархии с Преосвященным Евгением, назначенным епископом Костромским и Галичским // Благовещенские епархиальные ведомости. Благовещенск, 1914. № 16/17. Часть неофициальная. С. 208–210; Новый костромской архипастырь, преосвященный епископ Евгений // КЕВ. Кострома, 1914. № 17. Часть неофициальная. С. 395–396; Прибытие Преосвященного епископа Евгения // Там же. № 20. Часть неофициальная. С. 455–456; К прибытию преосвященного Евгения // Поволжский вестник. Кострома, 1914. № 2409; Прибытие преосвященного Евгения // Там же. № 2410; *Резепин П.П.* Почетные члены КЦИО // Губернский дом: историко-краеведческий культурно-просветительский научно-популярный журнал. Кострома, 2007. № 6. С. 15; *Резепин П.П.* О псевдонимах в «Костромских епархиальных ведомостях» (1885–1917 гг.) // Светоч: альманах. Кострома, 2010. № 6. С. 274–277.

ИГНАТИЙ (Рождественский Иван Дмитриевич) (13.04.1827–07.06.1883). Сын священника Георгиевской церкви г. Москвы. Выпускник МДС (1846) и МДА (1850). Кандидат (1850) и магистр (13.06.1851) богословия. Постриженник (21.05.1850), иеродиакон (28.06.1850) и иеромонах (29.06.1850) Троице-Сергиевой лавры. Инспектор и учитель словесности и латинского языка (13.12.1850), Священного Писания, греческого языка и библейской истории (09.01.1851), церковной истории (06.11.1852) и ректор и профессор богословских наук (10.01.1861) МДС. Соборный иеромонах московского Донского монастыря (1853). Архимандрит (01.01.1855). Ректор и профессор богословских наук Вифанской духовной семинарии и архимандрит Спасо-Вифанского монастыря Московской епархии (08.10.1857). Член Московской духовной консистории (25.10.1857), Конференции МДА и Московского духовно-цензурного комитета (29.01.1858) и архимандрит московских Знаменского (07.08.1859) и Богоявленского (25.10.1863) монастырей. Епископ Можайский, 2-й викарий Московский и архимандрит московских Высокопетровского (07.08.1866) и Богоявленско-

го (06.06.1873) и епископ Дмитровский, 1-й викарий Московский и архимандрит Саввина-Сторожевского Богородицерождественского монастыря Московской епархии (17.12.1877). Епископ Костромской и Галичский (11.02.1878–07.06.1883). Кавалер орденов Святой Анны I (16.04.1872), II (14.04.1858) и II с короной (29.10.1864), Святого Владимира II (20.04.1880) и III (20.04.1869) и сербского Такова II (10.08.1878) степеней, знака Красного Креста (07.11.1879), высочайшей благодарности (18.07.1866, 28.02.1880) и адресат благоволения СПВС (18.07.1866), благодарности начальника Главного штаба по военно-учебным заведениям (11.07.1862) и др. Почетный член Общества любителей духовного просвещения (10.09.1869), московских братств Святой равноапостольной Марии (22.07.1870) и Святого Петра митрополита (21.12.1872), Общества попечения о детях лиц, сосланных в Сибирь (02.12.1877), Костромского общества попечения о больных и раненых воинах (13.06.1878) и др. Корреспондент «Странника» и др. Завещал 1000 рублей Костромскому попечительству о бедных духовного звания, а келейную библиотеку – библиотеке Костромского архиерейского дома. Похоронен в Сергиевском приделе.

Пс.: Архимандрит Игнатий (Странник. СПб., 1866. Ч. III. Сентябрь. Отд. IV. С. 87), Епископ Игнатий (Иустин [Полянский М.], архим. Венок на могилу преосвященного Игнатия, епископа Костромского и Галичского. Кострома, 1883)

Соч.: 3 проповеди, 2 беседы и поучение // Иустин [Полянский М.], архим. Венок на могилу преосвященного Игнатия, епископа Костромского и Галичского. Кострома, 1883. С. 25–30; Духовное завещание // Там же. С. 45–47; Речь по наречении во епископа Можайского // Странник. СПб., 1866. Ч. III. Сентябрь. Отд. IV. С. 87.

Лит.: Календарь для духовенства на 1878 год. СПб., 1878. Разд. II. С. 32; Полный православный богословский энциклопедический словарь: в 2 т. / изд. П.П. Сойкина. СПб., б.г. Т. 2. Стб. 1479; Православная энциклопедия / под ред. Патриарха Московского и всея Руси Кирилла. М., 2009. Т. XXI. С. 127–128; Русский биографический словарь: в 25 т. СПб., 1897. Т. 8. С. 48–49; Русский провинциальный некрополь. М., 1914. Т. I. С. 330; Списки студентов, окончивших полный курс Императорской Московской духовной академии за первое столетие ее существования. 1814–1914. Сергиев Посад, 1914. С. 34; У Троицы в Академии. 1814–1914. Юбилейный сборник исторических материалов. М., 1914. С. 143, 478, 707; Энциклопедический словарь / под ред. И.Е. Андреевского, К.К. Арсеньева и Ф.Ф. Петрушевского. СПб., 1894. Т. XII а. С. 783; *Булгаков С.В.* Настольная книга для священно-церковнослужителей. Киев, 1913. С. 1403, 1405; *Венгеров С.А.* Источники словаря русских писателей. СПб., 1910. Т. 2. С. 473; *Венгеров С.А.* Критико-биографический словарь русских писателей и

ученых (от начала образованности до наших дней). Изд. 2-е, совершенно перераб., илл. Предварительный список русских писателей и ученых и первые о них справки. Пг., 1915. Т. I. С. 317; *Денисов Л.И.* Православные монастыри Российской империи: полный список всех 1105 ныне действующих в семидесяти пяти губерниях и областях России (и в двух иностранных государствах) мужских и женских монастырей, архиерейских домов и женских общин. С кратким топографическим, историко-статистическим и археологическим описанием, библиографическими примечаниями, статистической таблицей и четырьмя алфавитными указателями. С указанием ближайших к монастырям почтовых и железнодорожных станций. Со ста десятью рисунками в тексте и картой монастырей (в две краски) на вкладном листе. М., 1908. С. 319–321. № 336; С. 417. № 457; *Зверинский В.В.* Материал для историко-топографического исследования о православных монастырях в Российской империи, с библиографическим указателем: в 3 ч. СПб., 1890. Ч. 1: Преобразование старых и учреждение новых монастырей в 1764–1890 годах. С. 113–114. № 112; СПб., 1892. Ч. 2: Монастыри по штатам 1764, 1786 и 1795 годов. С. 111–112. № 752; С. 126–128. № 785; С. 148–150. № 834; С. 303–305. № 1140; С. 356–358. № 1234; *Иустин [Полянский М.]*, архим. Венюк на могилу преосвящавшего Игнатия, епископа Костромского и Галичского. Кострома, 1883; *Н. Д[урново]*. Девятисотлетие русской иерархии 988–1888. Епархии и архиереи. М., 1888. С. 15, 65; *Ратшин А.* Полное собрание исторических сведений о всех бывших в древности и ныне существующих монастырях и примечательных церквях в России. М., 1852. С. 151, 211, 218, 225, 230; *Смирнов С.К.*, прот. История Московской Духовной Академии до ее преобразования. 1814–1870 гг. М., 1879. С. 444, 558; *Строев П.М.* Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской Церкви. СПб., 1877. Стб. 134, 175, 178, 194; *Сырцов И.Я.*, прот. Архипастыри Костромской епархии за 150 лет ее существования (1745–1898). Кострома, 1898. С. 38–40; [*Сырцов И.Я.*, прот.] 150-летие Костромской духовной семинарии (1747–1897 гг.). Кострома, 1897. С. 44; *Толстой Ю.В.* Списки архиереев и архиерейских кафедр иерархии Всероссийской со времени учреждения Святейшего Правительствующего Синода (1721–1871 гг.). М., 1872. С. 54. № 390; *Языков Д.Д.* Обзор жизни и трудов покойных русских писателей: в 13 вып. СПб., 1886. Вып. III. С. 35–36; Рукоположение во епископа архимандрита Игнатия // Православное обозрение. М., 1866. Т. XX. № 8. С. 153–157; *Евгения [Озерова Е.С.]*, иг. Памятные записки игуменни Евгении Озеровой // Русский архив. М., 1898. Кн. 3. С. 81; *Зосимович Я.Л.* Воспоминания о преосвященном Игнатии // Исторический вестник. СПб., 1886. Сентябрь. С. 553–562; [*Иустин (Полянский М.)*, архим.] Проводы в Москве и встреча в Костроме преосвященнейшего Игнатия, епископа Костромского и Галичского // КГВ. 1878. № 15; Отд. отт. [Кострома], 1878; Некролог // Восток. М., 1883. № 255. С. 290–292; Исторический вестник. СПб., 1884. Январь. С. 140; КГВ. 1883. № 27; Московские ведомости. М., 1883. № 160, 166, 171; Московские церковные ведомости. М., 1883. № 26–27; Православное обозрение. М., 1883. Т. II. Кн. 7. С. 552–560.

КРАСОВСКИЙ ИОАНН ВАСИЛЬЕВИЧ (†20.06.1847–72). Сын священника Покровской

церкви в Полянской слободе г. Костромы Гогина Василия Матвеевича (1748–1812) и Татьяны Васильевой (1749–?). Выпускник (1793) и библиотекарь фундаментальной библиотеки (27.09.1794–28.07.1798) КДС. Учитель латинского языка (13.09.1793) и риторики (20.04.1796), префект (01.09.1809) и ректор (17.11.1814) КДУ. Священник (08.11.1800) и ключарь (15.03.1804–15.11.1835, 06.11.1840–20.06.1847) КУКС. Член КДК (25.01.1815–23.07.1833). Протоиерей (30.08.1825). Кавалер орденов Святой Анны III (28.01.1828) и Святого Владимира IV (1839) степеней, золотого наперного креста (1820) и палицы (03.02.1842) от СПВС и адресат благословения (1846) СПВС. Похоронен в Сергиевском приделе. Свояк БЕЛЯЕВА И.С. и ГОРСКОГО В.С.

Лит.: *Андроников Н.О.* Исторические записки о Костромской духовной семинарии и Костромской губернской гимназии / сост. бывшим учителем семинарии и временным преподавателем гимназии Н. Андрониковым. Кострома, 1874. С. 49; *Афанасий [Дроздов А.В.]*, архим. Исторические известия о костромском второклассном Богоявленском монастыре с XV по XIX век. СПб., 1837. С. 54; *Островский П.Ф.*, прот. Историческое описание Костромского Успенского кафедрального собора. М., 1855. С. 182–185; [*Сырцов И.Я.*, прот.] 150-летие Костромской духовной семинарии (1747–1897 гг.). Кострома, 1897. С. 46; *Резепин П.П.* Замечательные выпускники Костромской духовной семинарии // Светоч: альманах. Кострома, 2007. № 2. С. 121; Некролог // КГВ. 1847. № 25.

Арх.: ГАКО. Ф. 200. Оп. 3. Д. 385. Л. 17 об.-18, 35 об.-36; Б/ш. Д. 116. Л. 24 об.-25; Ф. 406. Оп. 1. Д. 264. Л. 3 об.-4; Д. 631. Л. 2 об.-3; Д. 2414. Л. 3 об.-4; Ф. 432. Оп. 1. Д. 928. Л. 42 об.; Д. 1146. Л. 2 об.-4.

МЕТЕЛКИН ИОАНН АЛЕКСЕЕВИЧ (†09.03.1804–51). Сын священника Спасо-Преображенской церкви с. Выродкова Костромского у. Костромской пров. Алексея Михайлова и Марфы Степановны, урожденной Евгеновой. Выпускник (1771), учитель пиитики и латинского языка (1771), пиитики, риторики и еврейского языка (1773), философии (1775–1781) и богословия (1777–1779) и префект и член правления (август 1775 – август 1782) КДС. Священник (28.07.1781), протоиерей (01.08.1782–09.03.1804) и жертвователь книг библиотеке КУКС. Член КДК (1793). Похоронен в Сергиевском приделе.

Соч.: Речь, говоренная Костромской Семинарской школы Риторикой Учителем Иваном Метелкиным в покаях Преосвященства, в третий и последний торжественного празднования день, пред привезшим манифесты и указ о торжественном праздновании, Лейбгвардии Преображенского полку Порутчиком Господином Евреиновым // [Симон (Лагов С.М.), еп.] Описание порядка

при торжественном праздновании о заключенном вечном, славнейшем, и полезнейшем, между Российской Империей и Оттоманскою Портою мире в провинциальном городе Костроме 1774 августа 15 и 31 и 1775 года июля 10, 12 и 14 происходившего. М., 1776. С. 61–64.

Лит.: *Андроников Н.О.* Исторические записки о Костромской духовной семинарии и Костромской губернской гимназии / сост. бывшим учителем семинарии и временным преподавателем гимназии Н. Андрониковым. Кострома, 1874. С. 49; *Арсеньев И.А.* Описание Костромского Успенского собора, учрежденного по высочайшему повелению в 1835 году кафедральным, составленное в 1829 году протоиереем оного собора и кавалером Иаковом Арсеньевым, а ныне вновь исправленное. М., 1837. С. 27; *Афанасий [Дроздов А.В.], архим.* Исторические известия о костромском второклассном Богоявленском монастыре с XV по XIX век. СПб., 1837. С. 53; *Венгеров С.А.* Критико-биографический словарь русских писателей и ученых (от начала образованности до наших дней). Изд. 2-е, совершенно перераб., илл. Предварительный список русских писателей и ученых и первые о них справки. Пг., 1918. Т. II. С. 104; *Островский П.Ф., прот.* Историческое описание Костромского Успенского кафедрального собора. М., 1855. С. 167–170; [*Сырцов И.Я., прот.*] 150-летие Костромской духовной семинарии (1747–1897 гг.). Кострома, 1897. С. 46; *Титов А.А.* Материалы для био-библиографического словаря. Словарь писателей духовного и светского чина Костромской губернии. (по рукописи костромского ученого протоиерея М.Я. Диева «Ученые делатели Костромского Вертограда»). М., 1892. С. 28; *Горохова О.В.* Библиотека костромского Успенского собора // Губернский дом: историко-краеведческий культурно-просветительский научно-популярный журнал. Кострома, 2008. № 4/5 (85/86). С. 112–115; *Островский П.Ф., прот.* Историческое описание библиотеки Костромского Успенского кафедрального собора // КЕВ. 1858. № 26. Часть неофициальная. С. 256–258; *Резепин П.П.* Замечательные выпускники Костромской духовной семинарии // Светочъ: альманах. Кострома, 2007. № 2. С. 121.

Арх.: ГАКО. Ф. 200. Оп. 3. Д. 385. Л. 17 об.

ОСТРОВСКИЙ ПАВЕЛ ФЕДОРОВИЧ (10.06.1807–01.04.1876). Сын священника костромской Благовещенской церкви (1790–1823) за штатом (1823) и в отставке (1828) Островского Федора Ивановича (ок. 1770–05.12.1843) и Ольги Александровны (177?–1810). Выпускник КДУ (1820) и КДС (1826). Певчий Костромского архиерейского хора (16.07.1826). Дьякон (05.12.1828), исправляющий должность ключаря (08.12.1837–06.11.1840, 31.12.1852–05.10.1855), протодьякон (08.11.1838), священник (11.07.1848) и ключарь (05.10.1855–01.04.1876) КУКС. Член КДК (18.08.1855). Корреспондент КГВ (1855–1866) и др. Кавалер темно-бронзового креста в память Восточной войны 1853–1856 годов (1857), золотого наперсного креста (1862) и адресат благословения (29.06.1861) СПВС. Действительный член и член правления

КГСК (1861). Член правления КДУ (1867). Пожизненный член Костромского отделения ИПМО (1871). Похоронен в Сергиевском приделе.

Пс.: П.О. (Протоиерей Иаков Арсеньев: Некролог // КГВ, 1855, № 13–14)

Соч.: Историческое описание Костромского Успенского кафедрального собора. М., 1855; Исторические записки о Костроме и ее святыне, благочестно-чтимой в императорском доме Романовых. Кострома, 1864; Историко-статистическое описание Костромского перво-классного кафедрального Ипатьевского монастыря. Кострома, 1870; Алфавитный список священников и диаконов Костромской епархии с показанием церквей, при которых каждый из них состоит на службе. Кострома, 1871 (соавтор); Жития шести преподобных отец Печерских, части св. мощей которых находятся в костромском Успенском кафедральном соборе. Кострома, 1876; Протоиерей Иаков Арсеньев // КГВ. 1855. № 13. Часть неофициальная. С. 103–106; № 14. Часть неофициальная. С. 109–112; Историческое описание библиотеки Костромского Успенского кафедрального собора // Там же. 1858. № 19. Часть неофициальная. С. 183–186; № 20. Часть неофициальная. С. 191–195; № 22. Часть неофициальная. С. 211–213; № 24. Часть неофициальная. С. 233–235; № 25. Часть неофициальная. С. 245–247; № 26. Часть неофициальная. С. 256–258; № 27. Часть неофициальная. С. 263–265; [рец. на кн.:] [Боголюбов Н.П.] «Волга от Твери до Астрахани. СПб., 1862» // Там же. 1863. № 29. Часть неофициальная. С. 203–205; № 30. С. 208–210; Разные известия // Там же. 1866. № 25. Часть неофициальная. С. 272; В четвертый день сентября // Там же. № 37. Часть неофициальная. С. 395–396; Крестные ходы в Костроме // Памятная книжка Костромской губернии на 1862 год / сост. КГСК. Кострома, 1861. Отдел IV. С. 280–286; Ведомость о погибших неестественной смертью в Костромской епархии в 1866 г. // Памятная книжка для Костромской епархии / сост. В.А. Самаряновым. Кострома, 1868. Отдел II. С. 108.

Лит.: Русский провинциальный некрополь. М., 1914. Т. I. С. 647; *Венгеров С.А.* Критико-биографический словарь русских писателей и ученых (от начала образованности до наших дней). Изд. 2-е, совершенно перераб., илл. Предварительный список русских писателей и ученых и первые о них справки. Пг., 1918. Т. II. С. 216; *Масанов И.Ф.* Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей: в 4 т. М., 1960. Т. IV. С. 353; *Островский А.Н.* Полное собрание сочинений: в 12 т. М., 1979. Т. XI. С. 99, 408, 432, 435, 436, 438, 440, 466; А.Н. Островский. Новые материалы и исследования. М., 1974. Кн. 1. С. 108; Кн. 2. С. 515; Писемский-А.Ф. Письма / подгот. текста и комм. М.К. Клемана и А.П. Могилянского. М.; Л., 1936. С. 44; *Ревякин А.И.* А.Н. Островский в Щелькове. Издание второе, исправленное и дополненное. М., 1978. С. 104, 187–189, 287; *Самарянов В.А.* Памятная книжка для Костромской епархии / сост. В.А. Самаряновым. Кострома, 1868. Отдел II. С. 56; [*Сырцов И.Я., прот.*] 150-летие Костромской духовной семинарии (1747–1797 гг.) Кострома, 1897. С. 52; *Титов А.А.* Материалы для био-библиографического словаря. Словарь писателей духовного и светского чина Костромской губернии. (по рукописи костромского ученого протоиерея М.Я. Диева «Ученые делатели

Костромского Вертограда»). М., 1892. С. 30; *Горохова О.В.* Библиотека костромского Успенского собора // Губернский дом: историко-краеведческий культурно-просветительский научно-популярный журнал. Кострома, 2008. № 4/5 (85/86). С. 112–115; *Резепин П.П.* Островский Павел Федорович // А.Н. Островский и его костромское окружение. Материалы для библиографического словаря. Литеры Н–О // Щельковские чтения 2010. А.Н. Островский в контексте культуры: сборник статей / науч. ред., сост. И.А. Едошина. Кострома, 2011. С. 231–233; *Резепин П.П.* Замечательные выпускники Костромской духовной семинарии // Светоч: альманах. Кострома, 2007. № 2. С. 122; *Резепин П.П.* Костромское романоведение: темы и проблемы // Там же. 2008. № 4. С. 78–82.

Арх.: ГАКО. Ф. 56. Оп. 3. Д. 85. Л. 37 об.-38; Д. 105. Л. 203 об.-204; Ф. 131. Оп. 1. Д. 128. Л. 5-11; Ф. 200. Б/ш. Д. 116. Л. 25 об.

ПЛАТОН ФИВЕЙСКИЙ (Лосев Павел Си-монович) (18.06.1809–12.05.1877). Сын священника с. Чанки Коломенского у. Московской губ. Выпускник Вифанской духовной семинарии (1830) и МДА (1834). Магистр богословия (1834). Бакалавр по классу церковного красноречия и пастьерского богословия (14.08.1834), член конференций и библиотекар (15.10.1838) и инспектор (16.09.1841) МДА. Постриженник (08.09.1834), иеродиакон (14.09.1834) и иеромонах (16.09.1834) Троице-Сергиевой лавры. Соборный иеромонах московского Донского монастыря (06.04.1836). Архимандрит (09.11.1841). Ректор и профессор богословских наук Казанской духовной семинарии, член Казанской духовной консистории и архимандрит казанского Спасо-Преображенского монастыря (20.01.1842) и ректор и профессор богословских наук Орловской духовной семинарии, член Орловской духовной консистории и архимандрит орловского Петропавловского монастыря (03.05.1843). Уволен на покой в виленинский Свято-Духов монастырь (30.04.1844). Ректор и профессор богословских наук Тамбовской духовной семинарии, член Тамбовской духовной консистории и архимандрит козловского Троицкого монастыря Тамбовской епархии (13.02.1847) и ректор и профессор богословских наук Владимирской духовной семинарии, член Владимирской духовной консистории и архимандрит переяславского Троицкого Данилова монастыря Владимирской епархии (03.12.1852). Епископ Старорусский, викарий Новгородский (30.04.1856) и епископ Ревельский, викарий Санкт-Петербургский (24.05.1856). Епископ (15.02.1857) и архиепископ (31.03.1868) Костромской и Галичский, при котором был построен загородный архиерейский дом (1858),

приобретены здания для КДК (1859) и КДС (1866), перестроен костромской Ипатьевский Троицкий монастырь (1859–1864), восстановлен после пожара (06.09.1847) костромской Богоявленский монастырь (1864), расширен костромской Богоявленский кафедральный собор (1866–1868), установлены правила о порядке хранения и расходования церковных сумм, построении, исправлении и возобновлении церквей, охране церковного имущества, единообразном составлении клировых ведомостей, отлучках монашествующих и белого духовенства, надзоре за преподаванием Закона Божия в народных училищах, надзоре за воспитанниками духовно-учебных заведений по выходе их из училищ, составлена программа обучения в церковно-приходских школах и пр. Кавалер орденов Святой Анны I–III и Святого Владимира II степеней, темно-бронзового креста в память Восточной войны 1853–1856 годов (1856) и др. Общник Королевского общества северных антиквариетов в Копенгагене (01.04.1843). Почетный член КГСК (1870) и Костромского отделения Попечительства о больных и раненых воинах (1877), пожизненный член Костромского отделения ИПМО (1870) и др. Учредитель именной стипендии в КДС (1874). Корреспондент КГВ и др. Жертвователю книг библиотеке МДУ и завещатель своей келейной библиотеки КДС. Похоронен в Сергиевском приделе.

Поч.: Архиепископ Платон (Собрание нескольких слов, поучений и речей. Кострома, 1869; КГВ. 1877. № 19. Приложение. [С. 1–2]), Архимандрит Платон (Православное нравственное богословие. М., 1854), Епископ Платон (Слово при освящении придельного храма в честь Введения в храм Пресвятой Богородицы при Сретенской кладбищенской церкви г. Кинешмы, произнесенное в 1858 г. сентября 16 дня преосвященным Платоном, епископом Костромским и Галичским. М., 1858; КГВ, 1863–1868), Иеродиакон Платон (Взгляд на историю Российской церкви. М., 1834), *Платон А.К.* [Платон, Архиепископ Костромской] (КЕВ, 1890, № 23)

Соч.: Взгляд на историю Российской церкви. М., 1834; Историческое описание Троицкого Козловского монастыря. М., 1849; Основание Переяславского Троицкого Данилова монастыря преподобным Даниилом, переяславским чудотворцем. М., 1853; Православное нравственное богословие. М., 1854; Изд. 2-е. М., 1855; Изд. 3-е. М., 1856; Изд. 4-е. Кострома, 1859; Изд. 5-е. СПб., 1867; Некоторые соображения о расколе и способе действия на оный. М., 1858; О мерах к предупреждению и ограничению раскола и к обращению в недра св. Церкви заблуждающихся. М., 1858; Слово при освящении придельного храма в честь Введения в храм Пресвятой Богородицы при Сретенской кладбищенской церкви г. Кинешмы, произнесенное в 1858 г. сентября 16 дня преосвященным Платоном, епископом Костромским и Галич-

ским. М., 1858; Памятная книжка для священника, или Размышления о священнических обязанностях. М., 1860 (рец.: *Матвеевский П.А., прот.* // Странник. СПб., 1861. Ч. I. Март. Отд. III. С. 47); Напоминание священнику об обязанностях его при совершении таинства покаяния. Кострома: М., 1859–1861. Ч. I–II (рец.: *Архангельский М.Ф.* // Странник. СПб., 1861. Ч. II. Апрель. Отд. III. С. 67–68); Изд. 2-е. М., 1871; Изд. 3-е. М., 1896; Дополнение к замечаниям на проект устава общеобразовательных учебных заведений. О мерах к улучшению религиозно-нравственного образования и воспитания в гимназиях. СПб., 1863; Речь новопостриженному в монашество иеромонаху Иннокентию, сказанная в Крестовой церкви. СПб., 1863; Речь пред совершением благодарственного молебного пения Господу Богу и акафиста Пресвятой Богородице, по случаю восстановления Богоявленского костромского монастыря 7 января 1864 года. Кострома, 1864; Речь, произнесенная в костромском Богоявленском Анастасиевском девичьем монастыре января 7 дня 1865 года. Кострома, 1865; Собрание нескольких слов, поучений и речей. Кострома, 1869; Изд. 2-е. М., 1870; Сокращенное изложение догматов веры по учению православной церкви. Кострома, 1869; Изд. 2-е. М., 1870; Изд. 3-е. М., 1871; Беседа по освящении храма, устроенного на кладбище Богоявленского Анастасиина девичьего монастыря, произнесенная 11 октября 1875 года. М., 1876; Поучение при вручении жезла новопоставленному архимандриту первоклассного Макариева Унженского монастыря Иову. М., 1876; Слово в день праздника Божией Матери в честь Ея иконы Феодоровския, произнесенное 14 марта 1876 года. М., 1877; Письма духовного отца к духовным детям. Дополнение ко второму изданию писем. Казань, 1883; Краткое православное учение о вере и нравственности христианской. М., 1892. Ч. 1–2 (рец.: Церковные ведомости. СПб., 1892. № 35. Прибавления. С. 1227); О будущем прославлении по телу. Слово архиепископа Костромского Платона // Душеполезное чтение. М., 1876. Ч. III. Ноябрь. С. 328–334; О чтении духовных книг // Там же. Декабрь. С. 437–444; О грехах словом // Там же. 1877. Ч. I. Январь. С. 66–69; Величие Богоматери // Там же. Март. С. 353–359; Из записок преосвященного Платона, архиепископа Костромского // Там же. 1882. Ч. I. Январь. С. 62–76; Февраль. С. 176–193; Письмо А.В. Горскому // Там же. 1896. Ч. I. Март; Речь Его Императорскому Высочеству, благоверному государю цесаревичу, наследнику и великому князю Николаю Александровичу. При вступлении Его Высочества в Ипатьевский монастырь, сказанная Платоном, Епископом Костромским и Галичским // КГВ. 1863. № 26. Часть неофициальная. С. 191; Беседа, при продолжении молитвы об избавлении от губительной болезни и по случаю заложения придельного храма при Богоявленском соборе, во имя Божией Матери в честь ея иконы Феодоровския и во имя преподобного Иосифа Песнописца и св. благоверного князя Александра Невского, сказанная Преосвященным Платоном Епископом Костромским и Галичским в кафедральном Успенском соборе сентября 4 дня // Там же. 1866. № 38. Часть неофициальная. С. 405–406; Слово по освящении придельного храма при Костромском Богоявленском соборе, сказанное 10-го ноября 1868 года Преосвященным Платоном Архиепископом Костромским и Галичским // Там же. 1868. № 45. Часть неофициальная. С. 402–403; «Во имя Отца и Сына и Святаго Духа Божией Ми-

лостью смиренный Платон Архиепископ Костромской и Галичский Отцам, братьям и чадам Богоспасаемые костромския паствы» // Там же. 1877. № 19. Приложение. [С. 1–2]; Письмо покойного Преосвященного Костромского Платона к сельскому священнику // КЕВ. Кострома, 1890. № 23. Часть неофициальная. С. 641–642; Письмо // У Троицы в Академии. 1814–1914. Юбилейный сборник исторических материалов. М., 1914. С. 17–18; Речь // *Островский П.Ф., прот.* Историко-статистическое описание Костромского первоклассного кафедрального Ипатьевского монастыря. Кострома, 1870. С. 243–245; Слово по освящении храма во имя Св. мучеников Хрисанфа и Дарии, устроенного над Святыми воротами в первоклассном Ипатьевском монастыре, 1859 года мая 10 дня // Там же. С. 274–280; Речь преосвященного епископа Платона при сретении Государя Наследника Цесаревича Николая Александровича при вратах Ипатьевского монастыря // Там же. С. 280–281; Речь при освящении покоев в Ипатьевском монастыре, в которых жил царь Михаил Федорович, 1863 года сентября 28 дня // Там же. С. 281–284; Поучение // Там же. С. 284–285; Речь Их Императорским Высочествам, при встрече в Ипатьевском монастыре, сказанная Преосвященным Платоном // Там же. С. 285–287; Окружное послание // Там же. С. 292–294; Пастырское слово к проповедникам слова Божия в Костромской епархии // Там же. С. 294–304; Послание // Там же. С. 304–305; Поучения игумену Железоборовского монастыря Иннокентию // *Румянцев П.М., свящ.* Описание Железоборовского монастыря, Костромской губернии, Буйского уезда. Составлено священником Георгиевской церкви, что на реке Костроме, Буйского уезда, Петром Румянцевым. Кострома, 1873. С. 38–44; Завещание // *Самарянов В.А.* Кончина и погребение Высокопреосвященнейшего Платона, архиепископа Костромского и Галичского. Кострома, 1877. С. 11–13.

Лит.: Большая энциклопедия. Словарь общедоступных сведений по всем отраслям знаний: в 20 т. / под редакцией С.Н. Южакова и П.Н. Милокова. Лейпциг; Вена; СПб., б.г. Т. 15. С. 250; Календарь для духовенства на 1878 год. СПб., 1878. Разд. II. С. 26, 38, 51; Полный православный богословский энциклопедический словарь: в 2 т. / изд. П.П. Сойкина. СПб., б.г. Т. 2. Стб. 1479, 1815; Русский биографический словарь: в 25 т. СПб., 1905. Т. 14. С. 58–60; Русский провинциальный некрополь. М., 1914. Т. I. С. 683; Русский энциклопедический словарь, издаваемый профессором Санкт-Петербургского университета И.Н. Березиным. СПб., 1876. Отд. III. Т. IV. С. 134; Списки архиереев иерархии Всероссийской и архиерейских кафедр со времени учреждения Святейшего Правительствующего Синода (1721–1895 гг.) СПб., 1896. С. 43–44. № 341; Списки студентов, окончивших полный курс Императорской Московской духовной академии за первое столетие ее существования. (1814–1914). Сергиев Посад, 1914. С. 18; У Троицы в Академии. 1814–1914. Юбилейный сборник исторических материалов. М., 1914. С. 10, 12–13, 17–18, 90, 133, 252, 266, 294, 297, 524, 527, 549, 550, 556, 563, 567, 580, 581, 712; Энциклопедический словарь / под ред. И.Е. Андреевского, К.К. Арсеньева и Ф.Ф. Петрушевского. СПб., 1898. Т. XXIII а. С. 853; *Амвросий [Орнатский А.А.], архиеп.* История Российской иерархии, собранная Новгородской семинарии префектом, философии учителем, соборным иеромонахом Амвросием: в 6 ч. М., 1810. Ч. II. С. 632; *Андриков Н.О.* Исторические записки о Кост-

ромской духовной семинарии и Костромской губернской гимназии / сост. бывшим учителем семинарии и временным преподавателем гимназии Н. Андрониковым. Кострома, 1874. С. 48; *Баженов И.В.* Костромской Богоявленско-Анастасинский монастырь. Исторический очерк. Кострома, 1895. С. 72–78, 100–135; *Благовещенский А.А.* История Казанской духовной семинарии с восемью низшими училищами за XVIII–XIX столетия. Казань, 1881. С. 311; *Булгаков С.В.* Настольная книга для священно-церковнослужителей. Киев, 1913. С. 1403; *Геннади Г.Н.* Справочный словарь о русских писателях и ученых, умерших в XVIII и XIX столетиях, и список русских книг с 1725 по 1825 год. М., 1908. Т. 3. С. 145; *Денисов Л.И.* Православные монастыри Российской империи: полный список всех 1105 ныне действующих в семидесяти пяти губерниях и областях России (и в двух иностранных государствах) мужских и женских монастырей, архиерейских домов и женских общин. С кратким топографическим, историко-статистическим и археологическим описанием, библиографическими примечаниями, статистической таблицей и четырьмя алфавитными указателями. С указанием ближайших к монастырям почтовых и железнодорожных станций. Со стадесятью рисунками в тексте и картой монастырей (в две краски) на вкладном листе. М., 1908. С. 319–321. № 336; С. 330–333. № 348; *Диев М.Я., прот.* Историческое описание Костромского Ипатьевского монастыря. М., 1858. С. 60–61; *Зверинский В.В.* Материал для историко-топографического исследования о православных монастырях в Российской империи, с библиографическим указателем: в 3 ч. СПб., 1890. Ч. 1: Преобразование старых и учреждение новых монастырей в 1764–1890 годах. С. 73–74. № 12; С. 202. № 354; СПб., 1892. Ч. 2: Монастыри по штатам 1764, 1786 и 1795 годов. С. 126–128. № 785; С. 148–150. № 834; С. 356–358. № 1234; С. 366–368. № 1264; *Здравомыслов К.Я.* Иерархи Новгородской епархии от древнейших времен до настоящего времени: Краткие биографические очерки. Новгород, 1897. С. 203–205; *Малицкий Н.В.* История Владимирской духовной семинарии (1750–1869). М., 1902. Вып. 2. С. 235–238; *Н. Д[урново]*. Девятисотлетие русской иерархии 988–1888. Епархии и архиереи. М., 1888. С. 20, 65, 78; *Островский П.Ф., прот.* Исторические записки о Костроме и ее святыне, благочестно-чтимой в императорском доме Романовых. Кострома, 1864. С. 189–210; *Островский П.Ф., прот.* Историко-статистическое описание Костромского первоклассного кафедрального Ипатьевского монастыря. Кострома, 1870. С. 136–163; *Ратишин А.* Полное собрание исторических сведений о всех бывших в древности и ныне существующих монастырях и примечательных церквах в России. М., 1852. С. 25, 151, 211, 426; [*Самарянов В.А.*] Памятная книга для Костромской епархии. Кострома, 1868. Отд. II. С. 25–26; *Самарянов В.А.* Кончина и погребение Высокопреосвященного Платона, архиепископа Костромского и Галичского. Кострома, 1877; *Свирелин А.И.* Историко-статистическое описание Переяславского Троицкого Данилова монастыря. М., 1860. С. 98–99; *Смирнов С.К., прот.* История Московской Духовной Академии до ее преобразования. 1814–1870 гг. М., 1879. С. 33–34, 72, 238, 358, 362, 383, 387, 399, 408, 428–429, 542; *Строев П.М.* Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской Церкви. СПб., 1877. Стб. 41, 267, 669, 851, 895; *Сырцов И.Я., прот.* Архипастыри Костромской епархии за

150 лет ее существования (1745–1898). Кострома, 1898. С. 36–38; [*Сырцов И.Я., прот.*] 150-летие Костромской духовной семинарии (1747–1897 гг.). Кострома, 1897. С. 44; *Титов А.А.* Материалы для био-библиографического словаря. Словарь писателей духовного и светского чина Костромской губернии (по рукописи костромского ученого протоиерея М.Я. Диева «Ученые делатели Костромского Вертограда»). М., 1892. С. 34–35; *Толстой Ю.В.* Списки архиереев и архиерейских кафедр иерархии Всероссийской со времени учреждения Святейшего Правительствующего Синода (1721–1871 гг.) М., 1872. С. 43. № 341; Десятилетняя деятельность архипастыря Костромской епархии // Странник. СПб., 1866. Ч. II. Май; Собрание Костромской областной библиотеки им. Н.К. Крупской. Ф. 138. // Рукописные собрания Государственной библиотеки СССР им. В.И. Ленина / РГБ. Отд. рукописей. М., 1996. Т. 1. Вып. 3. С. 60; *Беляев А.А.* Профессор Московской духовной академии П.С. Казанский и его переписка с архиепископом Костромским Платоном // Богословский вестник. Сергиев Посад, 1910. Февраль. С. 274; *Беляев А.А.* Из рассказов современника о митрополите Иннокентии (по письмам Казанского П.С. Платону Фивейскому) // Душеполезное чтение. М., 1889. Ч. II. Август. С. 428–439; *Миловский Н.М., свящ.* Московская духовная академия в 1838–1842 гг. // Русский архив. М., 1893. Кн. 3. С. 48, 51; П.Б. Письма митрополита Леонтия к Костромскому архиепископу Платону. 1860–1873 // Русский архив. М., 1893. № 9. С. 87–92; *Резепин П.П.* К 175-летию Костромского губернского статистического комитета (20.04.1835–17.09.1918). Почетные члены КГСК // Энтелехия: научно-публицистический журнал / гл. ред. И.А. Едошина. Кострома, 2010. № 22. С. 57; *Руднев М.* Воспитанники Московской духовной академии в сане епископа за 100 лет существования Академии // Церковные ведомости. СПб., 1915. № 40. Прибавления. С. 2156; *Флоринский Н.И., прот.* Воспоминания о преосвященнейшем Платоне, Костромском архиепископе // Душеполезное чтение. М., 1877. Ч. III. Ноябрь. С. 335–350; Декабрь. С. 421–442; Отд. отд. М., 1877; Некролог // Голос. СПб., 1877. № 80; Душеполезное чтение. М., 1877. Ч. II. Июнь. С. 251–254; КГВ. 1877. № 19. Часть неофициальная. С. 143; Московские епархиальные ведомости. М., 1877. № 21, 27; Ярославские епархиальные ведомости. Ярославль, 1877. Часть неофициальная. Стб. 172–175.

Арх.: ГАКО. Ф. 130. Оп. 11. Д. 2394. Л. 1–26 об.; Д. 2395. Л. 1–9 об.; Д. 2400. Л. 15–25 об.; Ф. 712. Оп. 3. Д. 189. Л. 29–37; РГИА. Ф. 802. Оп. 16. Д. 74. Л. 5.

ПОСПЕЛОВ ИОАНН ГРИГОРЬЕВИЧ (19.09.1821–20.03.1910). Сын священника Никольской церкви с. Космина Костромского у. Костромской губ. Григория Иванова (1781–1832) и Глафиры Петровой (1781–1833). Выпускник КДУ (1838), КДС (1844) и МДА (1848). Кандидат (1848) и магистр (11.11.1850) богословия. Священник Сергиевской г. Вольмара (31.10.1848) и Спасо-Преображенской г. Виндавы (11.09.1859) церковей и законоучитель вольмарских городского, уездного и женского (31.03.1849) и виндавских уездного и женского (1859) училищ Лифляндской губ. Протоие-

рей (06.08.1858). Член вольмарских комитета общественного здравия и попечительства о бедных духовного звания (1852) и председатель Виндавского комитета по переводу богослужебных книг на латинский язык (28.09.1861). Протоиерей КУКС (26.06.1867–16.08.1902). Учитель гомиластики и литургики (03.10.1867–08.10.1876) и немецкого языка (01.09.1870–01.09.1885) КДС. Непременный член КГСК (1867). Член Костромского попечительства о бедных духовного звания (27.10.1867–28.02.1875), КДК (1889–1902) и др. Казначей Костромского комитета ИПМО (1876–1890). Член Костромского правления ИЧО (1879). Председатель правления Костромского попечительного об учащих общества (1882). Цензор КЕВ (29.10.1883–29.10.1885). Товарищ председателя (18.10.1887) и председатель (06.02.–03.07.1890, 31.12.1890–21.02.1908) совета КПФСБ. Действительный член КГУАК (11.06.1891) и др. Почетный член КАПБ (1893). Кавалер орденов Святой Анны I (03.05.1899), II (31.03.1874) и III (03.02.1866) и Святого Владимира III (05.04.1887) и IV (01.04.1879) степеней, золотого наперсного креста (14.04.1869) и палицы (01.04.1883) от СПВС, золотого наперсного креста из Кабинета Его Императорского Величества (1893), знака Красного Креста (1879), медалей и др. Корреспондент Богословского вестника, Веры и разума, Душеполезного чтения, КГВ, КЕВ, КЛ, Кормчего, Православного обозрения, Странника, Церковного вестника и др. Похоронен в ограде собора.

Пс.: П.И.П. [Протоиерей Иоанн Поспелов] (Поучение // КЕВ, 1888, № 7; 50-летний юбилей Преосвященного Виссариона // КЛ, 1898, № 7), П.И. П-в [Протоиерей Иоанн Поспелов] (Слово в день рождения Благочестивейшего Государя Императора // КГВ, 1879, № 21), П.П. [Протоиерей Поспелов] (О предстоящем чествовании Его Преосвященства // КЕВ, 1887, № 20), ** (Обозрение церквей... Виссарионом, епископом Костромским и Галичским, посещенных // КЕВ, 1892, № 12)

Соч.: Краткие поучения. СПб., 1853; Наставление в православной вере, или Беседы пастыря с простыми людьми. Кострома, 1875; Как веровать православному и как жить по православной вере. Кострома, 1876–1877. Ч. 1–3; Изд. 2-е. Кострома, 1878; Блаженный Симон, Христа ради юродивый, Юрьевецкий чудотворец. Кострома, 1879; Святые равноапостольные Матфей и Кирилл, просветители славян. Кострома, 1885; Утвержденные Святейшим Правительствующим Синодом штаты приходских церквей Костромской епархии, с указанием положенного при них состава причтов и приложением руководственных правил по введению сих штатов в действие. Кострома, 1890 (соавтор); Православие и лютеранство. СПб., 1893; Слово при погребении Платона, епископа Костромского и Галичского // Самарянов В.А. Кончина и погребение Высокопреосвященнейшего Платона, архиепископа Костромского и Галичского. Кострома, 1877. С. 14–15; Речь

// Иустин [Полянский М.], архим. Венок на могилу просвященнейшего Игнатия, епископа Костромского и Галичского. Кострома, 1883. С. 34–35; Восемнадцатилетнее служение в Лифляндии // Богословский вестник. Сергиев Посад, 1892. Март, Август; 1893. Март, Октябрь; 1894. Июль, Сентябрь; 1895. Июль, Ноябрь; Воспоминания о светлейшем князе А.А. Суворове, бывшем рижском генерал-губернаторе, и о некоторых других деятелях в пользу православия в Остзейском крае // Там же. 1898. Сентябрь; Воспоминания о Высокопреосвященнейшем архиепископе Платоне Рижском // Там же; Ответ пастору Дальтону // Вера и разум. Харьков, 1890. № 24; Обращение в православие из беспоповского толка // Душеполезное чтение. М., 1861. Ч. II. Май; Обращение из раскола в православие // Там же. 1867. Ч. I. Январь; Наставление простолюдинам о том, как обращаться с иноверцами и раскольниками // Там же. 1876. Ч. II. Август; Симон Блаженный Юрьевецкий // Кормчий. М., 1897. № 44; Слово в день рождения Благочестивейшего Государя Императора // КГВ. 1879. № 21; Поучение // Там же. № 12–14; Теплый Богоявленский собор // КЕВ. 1885. № 2. Часть неофициальная. С. 25–31; № 3. Часть неофициальная. С. 45–53; № 4. Часть неофициальная. С. 73–83; Отзыв на статью по адресу редакции // Там же. № 26. Часть неофициальная. С. 829–837; О предстоящем чествовании Его Преосвященства // Там же. 1887. № 20. Часть неофициальная. С. 756–758; Приветственная речь, сказанная Кафедральным Протоиереем Иоанном Поспеловым от лица духовенства г. Костромы // Там же. № 24. Часть неофициальная. С. 977–978; Поучение в день празднования в честь Феодоровской иконы Божией Матери // Там же. 1888. № 7. Часть неофициальная. С. 207–209; Поучение в день празднования девятисотлетия крещения России // Там же. № 15. Часть неофициальная. С. 401–404; О Божественной литургии // Там же. 1889. № 2. Часть неофициальная. С. 35–39; Слово на новый 1889 год // Там же. С. 40–42; Евреи, ищущие крещения // Там же. С. 43–45; Слово в празднество святителю и чудотворцу Николаю и тезоименитство Наследника Цесаревича Николая Александровича. 6 декабря 1890 года // Там же. 1891. № 1. Часть неофициальная. С. 1–3; Слово в Новый год // Там же. № 2. Часть неофициальная. С. 17–19; Обозрение церквей... Виссарионом, епископом Костромским и Галичским, посещенных // Там же. 1892. № 11–12, 14, 21–22; 1893. № 12–13, 16–17, 20–21, 23; 1894. № 18–19, 21, 24; 1895. № 19, 22–24; От Совета Костромского Феодоровско-Сергиевского Братства // Там же. № 18. Часть официальная. С. 393–395; 11 января 1893 года // Там же. 1893. № 3. Часть неофициальная. С. 46–51; Поучение, сказанное на вечерне 22 августа в Костромском кафедральном соборе, о том, что делать православному при появлении холеры // Там же. № 17. Часть неофициальная. С. 351–354; Беседы в обличение раскольников, произнесенные в Костромском кафедральном соборе за вечерами в воскресные дни Великого поста в 1895 году // Там же. 1896. № 3. Часть неофициальная. С. 55–66; № 4. Часть неофициальная. С. 91–97; № 5. Часть неофициальная. С. 122–127; № 6. Часть неофициальная. С. 158–166; Отд. отд. Кострома, 1896; Слово в день венчания на царство Их Императорских Величеств Государя Императора Николая Александровича и Августейшей Его Супруги Императрицы Александры Феодоровны 14 мая 1896 года // Там же. 1896. № 10. Часть неофициальная. С. 240–243; Ошибки молодого

пастыря и немолодого пасомого // Там же. № 18. Часть неофициальная. С. 458–466; Очерк десятилетней деятельности православного Федоровско-Сергиевского братства // Там же. 1898. № 4–6, 8–9; Разбор учения графа Л.Н. Толстого о вере и правилах жизни человека // Там же. № 4–6, 8–10; Отд. отд. Кострома, 1898; Слово, произнесенное 25 августа 1902 г. в кафедральном Успенском соборе кафедральным протоиереем Иоанном Поспеловым, уволенным за штат // Там же. 1902. № 18. Часть неофициальная. С. 488–491; Пастырские собеседования в Костроме // Там же. 1903. № 16. Часть неофициальная. С. 490–491; Добрый пастырь Христовой церкви // Там же. № 17. Часть неофициальная. С. 506–510; Письма пастыря православной церкви к уклоняющемуся от неа образованному мужу // Там же. 1904. № 20, 23; 1905. № 1; Воспоминание о Костромском Преосвященном Виссарионе // Там же. 1905. № 22. Часть неофициальная. С. 702–705; № 23. Часть неофициальная. С. 748–752; № 24. Часть неофициальная. С. 777–781; 1906. № 3. Часть неофициальная. С. 124–129; Добрый благочинный // Там же. № 16, 18, 20; О времени построения каменного храма в г. Юрьевце и о причислении к лику святых блаженного Симона Юрьевецкого // Там же. 1907. № 1. Часть неофициальная. С. 29–31; Неправда старообрядцев (Беседа пастыря с простыми людьми) // Там же. № 3. Часть неофициальная. С. 87–98; Заботы духовных пастырей о просвещении православных истинами святой веры // Там же. 1908. № 11. Часть неофициальная. С. 297–300; № 12. Часть неофициальная. С. 328–332; № 13. Часть неофициальная. С. 347–355; 50-летний юбилей Преосвященного Виссариона // КЛ. 1898. № 7; О выборах благочинных причтами // Православное обозрение. М., 1862. Т. IX. № 9; Пособие бедным духовного звания. Письмо из Лифляндии // Там же. № 11; Венденская православная церковь Рижской епархии // Там же. 1863. Т. XI. № 7; Письма об улучшении быта православного духовенства в Рижской епархии // Там же. № 7; Т. XII. № 9; 1868. Т. XVII. № 9; 1870. Т. I. № 4; О настоящем положении православия в Лифляндии // Там же. 1865. Т. XVI. № 3–4, 6; Из современной практики православного священника в Лифляндии // Там же. Т. XVII. № 8; Православие в Лифляндии // Там же. Т. XVIII. № 9; 1866. Т. XIX. № 2; О движении вспомогательного капитала для пособия вдовам и сиротам духовного звания в Рижской епархии за первое пятилетие // Там же. Т. XXI. № 9; Положение в Лифляндии православных латышей // Там же. № 12; Нужды православной церкви в Лифляндии // Там же. 1867. Т. XXII. № 2; Отд. отд. М., 1867; Переводы богослужебных книг на латышский и эстонский язык // Там же. 1868. Т. XXV. № 1; О настоящем положении православия в Лифляндии // Странник. СПб., 1865. № 6–7; Из современной практики православного священника в Лифляндии // Там же. № 10.

Лит.: Алфавитный список священников и диаконов Костромской епархии, с показанием церквей, при которых каждый из них состоит на службе. Кострома, 1871. С. 75; Алфавитный список церквей Костромской епархии, с показанием имен, отчеств и фамилий священников и диаконов, состоящих при оных на лицо. Кострома, 1879. С. 102; Полный православный богословский энциклопедический словарь: в 2 т. / изд. П.П. Сойкина. СПб., б.г. Т. 2. Стб. 1863; Русские писатели. 1800–1917. Биографический словарь. М., 2007. Т. 5. С. 102–104; Русский провинциальный некрополь. М., 1914. Т. I. С. 705; Списки студентов, окончивших полный курс Императорской Московской духовной академии за первое столетие ее существования. (1814–1914). Сергиев Посад, 1914. С. 32; Энциклопедический словарь / под ред. И.Е. Андреевского, К.К. Арсеньева и Ф.Ф. Петрушевского. СПб., 1898. Т. XXIV а. С. 695; *Смирнов С.К., прот.* История Московской Духовной Академии до ее преобразования. 1814–1870 гг. М., 1879. С. 477–478, 557; [*Сырцов И.Я., прот.*] 150-летие Костромской духовной семинарии (1747–1897 гг.). Кострома, 1897. С. 60; Двадцатипятилетний юбилей кафедрального протоиерея Иоанна Григорьевича Поспелова. 2 августа 1867–2 августа 1892 г. // КЕВ. 1892. № 16. Часть неофициальная. С. 400–408; Юбилей 50-летнего служения в священном сане кафедрального протоиерея И.Г. Поспелова // Там же. 1899. № 12–13, 16; Отд. отд. Кострома, 1899; *Резепин П.П.* Замечательные выпускники Костромской духовной семинарии // Светоч: альманах. Кострома, 2007. № 2. С. 123; *Резепин П.П.* О псевдонимах в «Костромских епархиальных ведомостях» (1885–1917 гг.) // Там же. 2010. № 6. С. 274–277; Некролог // КЕВ. 1910. № 10. Часть неофициальная. С. 322–330; № 11/12. Часть неофициальная. С. 362–378.

Арх.: ГАКО. Ф. 56. Оп. 3. Д. 169. Л. 442 об.-443; Ф. 122. Оп. 2. Д. 6. Л. 14; Ф. 130. Оп. 9. Д. 3485. Л. 1 об.-5 об.; Д. 3539. Л. 33 об.-41 об.; Ф. 200. Б/ш. Д. 4. Л. 207 об.-208; Ф. 406. Оп. 1. Д. 570. Л. 22; Ф. 432. Оп. 1. Д. 2613. Л. 53 об.-57; Д. 2628. Л. 114-119; Д. 2682. Л. 7-12; Д. 2806. Л. 1-7; Д. 3748. Л. 5 об.-13 об.

ПОСПЕЛОВА ЕЛЕНА СЕРГЕЕВНА, урожденная Шапошникова (10.09.1832–04.03.1893). Жена (с 04.02.1849) ПОСПЕЛОВА И.Г. Похоронена в ограде собора.

Лит.: Русский провинциальный некрополь. М., 1914. Т. I. С. 705.

Арх.: ГАКО. Ф. 122. Оп. 2. Д. 6. Л. 14; Ф. 432. Оп. 1. Д. 2613. Л. 53 об.-57; Д. 2628. Л. 114-119; Д. 2682. Л. 7-12; Д. 2806. Л. 1-7; Д. 3748. Л. 5 об.-13 об.

СОБЫТИЯ И ФАКТЫ

УДК 1 (470)

И.А. Едошина

Костромской государственный
университет им. Н.А. Некрасова
entelehia@ksu.edu.ru

СЕМИНАР В СЕРГИЕВОМ ПОСАДЕ

Аннотация. Представляются программа и краткий отчет о научном семинаре, прошедшем 5–6 мая 2014 года и посвященном творчеству священника П.А. Флоренского в области иконописи.

Ключевые слова: Флоренский, семинар, икона.

С 5 по 7 мая в Сергиевом Посаде прошел научный семинар, посвященный 700-летию со дня рождения Преподобного Сергия Радонежского. Семинар проходил под патронажем Фонда науки и православной культуры священника Павла Флоренского, Межрегионального научного центра по изучению и сохранению творческого наследия В.В. Розанова и П.А. Флоренского. Межрегиональный научный центр основан в 2000 году в городе Костроме. Возглавляет Центр доктор культурологии, профессор Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова И.А. Едошина. Центром основан журнал «Энтелехия», который выходит два раза в год. В журнале публикуются материалы ежегодных конференций, посвященных творческому наследию свящ. П.А. Флоренского (четные номера) и В.В. Розанова (нечетные номера). Результатом плодотворной совместной деятельности Фонда свящ. П.А. Флоренского и Межрегионального научного центра по изучению и сохранению творческого наследия В.В. Розанова и П.А. Флоренского явился данный научный семинар в Сергиевом Посаде. Изначально предполагалось проведение обширного научного семинара, вот его программа.

**Фонд науки и православной культуры
священника Павла Флоренского
Межрегиональный научный центр по изучению
и сохранению творческого наследия
В.В. Розанова и П.А. Флоренского (Кострома)
проводят в Сергиевом Посаде научный семинар
посвященный 700-летию рождения
Преподобного Сергия
6–7 мая 2014 г. (Сергиев Посад).**

Программа

5 мая

Вечер. Заезд участников из Костромы. Расположение в гостинице.

Экскурсия «Священник Павел Флоренский в Сергиевом Посаде»
(экскурсовод М.А. Люкшина).

6 мая

Ведущий – игумен Андроник (Трубачев).

1. Священник Павел Флоренский в Троице-Сергиевой Лавре на рубеже эпох.

*Игумен Андроник (Трубачев),
кандидат богословия, доцент МДА*

2. Образ преподобного Сергия в трудах священника Павла Флоренского.

*Н.Н. Лисовой, доктор исторических наук,
заместитель председателя Имп. Палестинского общества*

3. Работа «Троице-Сергиева Лавра и Россия» и ее значение в творчестве священника Павла Флоренского.

*Н.Н. Павлюченков,
кандидат математических наук,
кандидат богословия,
доцент Свято-Тихоновского
православного университета*

4. Из истории изучения византийского и древнерусского искусства: Н.Д. Протасов (1886–1940).

*И.Л. Кызласова,
доктор искусствоведения*

Круглый стол для искусствоведов, преподавателей, экскурсоводов, музейных работников и деятелей культуры.

1. История возникновения термина «Живой музей».

2. Основа устройства «Живого музея» по материалам священника Павла Флоренского.

3. Создание в Сергиевом Посаде «Музея – культурного центра священника Павла Флоренского».

17.00. Открытие памятной доски преподобномученице Елисавете Феодоровне на здании б. Убежища сестер милосердия Красного Креста (ул. Митькина, д. 37).

7 мая

Ведущий – И.А. Едошина (Кострома)

1. Икона как феномен культа и культуры.

*И.А. Едошина,
доктор культурологии, профессор,
гл. ред. журнала «Энтелехия»*

2. «Храмовое действо как синтез искусств» и проблемы синтеза искусств в современной культуре.

*О.И. Генисаретский, доктор
искусствоведения, профессор,
директор Центра синергийной*

*антропологии человека
Высшей школы экономики*

3. Портрет Ю.А. Олсуфьева, написанный Вл.А. Комаровским.

Т.В. Смирнова, краевед

4. Житийные циклы прп. Сергия Радонежского в изобразительном искусстве: проблемы изучения.

*А.С. Жукова, аспирантка кафедры
мировой художественной культуры
Московского педагогического
государственного университета*

5. Проблема персонализма и троичные идеи в книге «Столп и утверждение Истины».

*С.М. Половинкин, кандидат
математических наук,
доцент Российского государственного
гуманитарного университета*

В перерывах заседаний – показ фильмов «Спаси и сохрани», «Павел Александрович и Анна Михайловна Флоренские».

В реальности семинар уложился ровно в один день, вел семинар игумен Андроник (А.С. Трубачев), хотя приехала наша костромская группа 5 мая. Поздно вечером М.А. Люкшина провела интересную экскурсию по Сергиеву Посаду, в

Игумен Андроник (А.С. Трубачев)

И.А.Едошина демонстрирует участникам конференции медаль «Лаурата премии им. отца Павла Флоренского»

основном по местам, связанным с именем отца Павла. Мы ездили на легковой машине, которой управлял отец Андроник.

Торжественное открытие научного семинара состоялось 6 мая в стенах корпуса Московской Духовной Академии, располагающейся в Троице-Сергиевой Лавре. Открыл семинар игумен Андроник (Трубачев), кандидат богословия, доцент МДА, которому была вручена медаль «Лауреат премии имени отца Павла Флоренского», основанная Ассамблеей Народов России. Медаль торжественно вручил председатель костромского отделения Ассамблеи Бабаев Камран Насруллаевич.

Общей тематикой семинара были работы отца Павла Флоренского, посвященные Троице-Сергиевой Лавре, иконе как явлению Церковного искусства. Путеводной нитью стали слова отца Павла: «Чтобы понять Россию, надо понять Лавру, а чтобы вникнуть в Лавру, должно внимательным взором всмотреться в основателя её, признанного святым при жизни, преподобного Сергия».

В научном семинаре приняли участие в основном московские исследователи, из приезжих были только костромичи. Из заявленных докладчиков не было только О.И. Генисаретского. Семинар прошел очень живо, все слушали заинтересованно, возникали дискуссии.

В завершение научного семинара было проведено торжественное открытие памятной доски преподобномученице Елисавете Феодоровне на здании б. Убежища сестер милосердия Красного Креста (ул. Митькина, д. 37). Автор доски – Ма-

рия Тихонова. Несмотря на дождливую погоду, народ на открытие пришел. Было много выступавших.

Уезжали мы с хорошими чувствами, напитанные Лаврой и мыслями отца Павла Флоренского.

Памятная доска преподобномученице Елисавете Феодоровне на здании б. Убежища сестер милосердия Красного Креста. Автор – М.Тихонова.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ И ПУБЛИКАТОРАХ

Андроник (А.С. Трубачев), игумен – кандидат богословия (Сергиев Посад)

Гришин Алексей Алексеевич – кандидат философских наук (Москва)

Громова Анастасия Евгеньевна – кандидат культурологии, доцент (Кострома)

Едошина Ирина Анатольевна – доктор культурологии, профессор (Кострома)

Зенкин Константин Владимирович – доктор искусствоведения, профессор (Москва)

Казначеева Татьяна Александровна – кандидат культурологии, доцент (Кострома)

Крикунов Александр Евгеньевич – доктор педагогических наук, профессор (Елец)

Мойсюк Татьяна Витальевна – кандидат философских наук, доцент (Кострома)

Павлюченков Николай Николаевич – кандидат богословия, доцент (Москва)

Резепин Павел Петрович – краевед (Кострома)

Смирнова Татьяна Васильевна – краевед (Сергиев Посад)

Summary

FROM THE LIFE OFA PRIEST P.A. FLORENSKY

Andronicus (A.S. Trubachov), priest
Moscow Theological Academy
andronik-pavel@bk.ru

Chapter 18.

The developments of Sergiev Posad and its consequences (1928–1933)

In this chapter presents events 1928–1933's, when the Soviet government actively pursued the so-called «have-beens»: priests, nobles, intellectuals. The fate of the priest Pavel Florensky was determined by these events, receiving tragic resonance.

Key words: Soviet power, «former people», arrests, interrogations.

RELIGIOUS PHILOSOPHY AND PROBLEMS OF THE ART

Konstantin V. Zenkin
Moscow P. I. Tchaikovsky Conservatory
kzenkin@list.ru

The Notion of Pre-image for the Form of a Piece of Art in the Twentieth-century Greek Orthodox Philosophy and the Specificity of the Art of Music

The article presents philosophical and aesthetical theories by Father Pavel Florensky (1882–1937), Vyacheslav Ivanov (1866–1949) and Brother Andronicus, whose secular name was Alexey Losev (1893–1988). These theories explain the notion of pre-image for the form of a piece of art in a new way, i. e. in its correspondence with the image embodied. Special attention is drawn to the ideas of Losev, who synthesized the ideas of Plato and Henri Bergson (1859–1941) about the pre-image being in the process of its development, as well as about the pre-image as a symbolical identity of the idea and the material. The article reveals the specificity of comprehending the image on the one hand and that of the semiotics as applied to music on the other hand. Some phenomena of avant-garde in the music of the second half of the 20th century are viewed in the light of some features of music specially marked.

Key words: Christianity, Greek Orthodoxy, image, pre-image, name, eidos, holy face, icon, form,

music, Florensky, Losev, Vyach. Ivanov.

Aleksandr E. Krikunov
Bunin Yelets State University
akr1975@mail.ru

The problem of hierarchy in P.A. Florensky's philosophy: «hierarchy of heaven» and «hierarchy of earth»

The article considers the idea of hierarchy in the philosophy of P.A. Florensky. Using a wide range of sources, the author makes an effort to reveal the foundations of the notion of hierarchical structure of the world, asserting the necessary correlation of Florensky's ontology and gnosiology with his model of social hierarchy.

Key words: ontology, hierarchy, identity, state.

THE ICON AS A PHENOMENON OF THE CHRISTIAN CULTURE

Irena A. Yedoshina
Kostroma Nekrasov State University
entelehia@ksu.edu.ru

Potential in the iconography

The article gives an insight into the essence of the «potential» as a generative force exerted considerable influence on the formation of iconography in Russia. Justified cause of the loss of spiritual content in iconography, its impact on the Russian consciousness. Describes two approaches to the icon: the spiritual and the secular (art history).

Key words: icon, potential, art, image, lick.

Anastasiya E. Gromowa
Kostroma state technological university
Gromowa130176@yandex.ru

The problem of realism and naturalism definition in the iconography space (P.A. Florensky)

The author is solving a correlation problem of realism and naturalism in the art in the article «The Problem of realism and naturalism definition in the iconography space (P. A. Florensky)». This problem is analyzing in a mode of philosophical ideas of P. A. Florensky. The author of the article identifies naturalism with illusionism, and realism with symbolism. The iconography of the XIV–XV centuries is highest manifestation of realism in the similar context. The author of the article analyzed the works of thinkers close to the Florensky's: N.M. Tarabukin, V.A. Favorsky, L.F. Zhegin,

L.A. Uspensky, V.I. Lossky using them as the proof of the point of view. The author of the article do emphasize the symbolical approach to the image of reality in art. The iconography an example of symbolical art. The icon is a part of the cult in the context of philosophical ideas of P. A. Florensky. The iconography space is the highest reality in the context of idea of cult.

Key words: realism, naturalism, time, space, cult, illusionism, symbol.

BY THE 700th ANNIVERSARY OF THE BIRTH OF VEN. SERGIUS OF RADONEZH

Tatiana V. Smirnova

The independent researcher
(Chotkovo, Moscow region)
smirnowatw@mail.ru

Fairy tale about the bear

In artistic form, following the traditions of folk culture, the author recounts the history of Ven. Sergius of Radonezh meeting with the bear. Ven. Sergius shared with the beasts of the forest bread.

Key words: forest, cabin, bear, Sergius of Radonezh.

Nikolai N. Pavliuchenkov

St. Tikhon's Orthodox university
npavl905@mail.ru

The paper «The Trinity-St. Sergius Lavra and Russia» among other works of priest Pavel Florensky

The work «The Trinity-St. Sergius Lavra and Russia» was an expression of the attitude of priest Pavel Florensky to revolutionary events of 1917. It shows first of all an active desire of Pr. Pavel to encourage Russia and Russian Church to go through purification trials with minimal losses. However, this work contains a very important philosophical, theological and historical aspect reflecting ideological opinions and new developments of the Russian thinker.

Key words: The Trinity-St. Sergius Lavra, Russia, urphanomen, noumenal center.

Tatiana A. Kaznacheeva

Kostroma Nekrasov State University
taleksta@mail.ru

Sergius of Radonezh – the Good Angel of Russia, the Trinity-Sergius Lavra – Genius loci of Sergiev Posad

The author considers in the article the

functions of the concept «Genius loci» by examples of Sergius of Radonezh and Sergiev Posad. Cult activities in the Trinity-Sergius Lavra with their essential characteristics attach the sense of the historic-genetic development of the artistic culture, the laws of the life of the mankind to the locality. Pavel Florenskiy is presented as the personified genius of locality.

Key words: locality, cult, city, image, personality, Pavel Florenskiy, Sergiev Posad, the Trinity-Sergius Lavra, concept «Genius loci», sense, creation, culture

ANTINOMY OF THE CULTURE

Nikolai N. Pavliuchenkov

St. Tikhon's Orthodox university
npavl905@mail.ru

«Hellenism» and «antiquity» in the works of P.A. Florensky

The paper presents evidence that concepts of «Hellenism» and «antiquity» in the works and notes of priest Pavel Florensky primarily express fundamental for him Christian idea of by grace transformation of man. In this new state of being a personal contact with God becomes necessary, without which implementation of the very essence of religion is impossible. The author concludes that Florensky did not “returned” from Christianity to antiquity but on the contrary regarded Christianity as a religion in which best expectations of antiquity have been performed.

Key words: Hellenism, antiquity, Christianity, deification (theosis), transformation by grace

Tatiana V. Moysyuk

Military Academy of radiation,
chemical and biological protection
TMoysyuk@yandex.ru

The antinomy of human existence in philosophy of P.A. Florensky

In the article it is considered the problem of duality of human existence in philosophy of P.A. Florensky. It is shown, that this problem is analyzed by P.A. Florensky with religious-ethical and mystical-ontological positions. P.A. Florensky defines the task of philosophic anthropology as the necessity of disclosing of the person as a wholeness. Overcoming antinomy of human existence is feasible on the religious path, which gives to the personality the possibility to spiritual self-knowledge and self-development.

Key words: P.A. Florensky, philosophic

anthropology, antinomy, spirituality, personality.

Alexey A. Grishin

St. Tikhon's Orthodox university
wickeddar@yandex.ru

**«Love to the root»: Sex, Family and Religion
in correspondence between V.V. Rozanov and Priest
Pavel Florensky**

The author analyzes the correspondence between Rozanov and Florensky from the point of view of matters pertaining to sex, the family and their connection with religion. V.V. Rozanov is one of the first thinkers, who regarded sex as a basic category of human being. Priest Pavel Florensky is a thinker, who tried to comprehend the discoveries of Rozanov from the point of view of Orthodox Christian tradition and correlate sex and Christianity in his thought, as well as in his personal life. According to the opinion of the author the thought and life of Priest Pavel Florensky may be one of the best introductions to the thought of V.V. Rozanov for contemporary Orthodox Christian consciousness. Also the article broaches the problem of sodomy and its correlation with Christianity in correspondence between Rozanov and Florensky.

Key words: V.V. Rozanov, Priest Pavel Florensky, Love, Sex, Family, Religion, Christianity,

Antiquity, Phallus, Blood, Semen, Male, Female, Eros, Sodomy.

OUR PUBLICATIONS

Pavel P. Rezepin

Ethnographer
prezepin@gmail.com

The necropolis of Kostroma. Second Kremlin

A list of those buried in the second Kostroma Kremlin, its monasteries and cathedrals.

Key words: necropolis, the Kremlin, Kostroma, the Assumption Cathedral, Cathedral of the Epiphany, Holy Cross Monastery, Anastasiinsky Rizpolozhenskii monaster

FACTS AND EVENTS

Irena A. Yedoshina

Kostroma Nekrasov State University
entelehia@ksu.edu.ru

The Workshop in Sergiev Posad

Presents the program and a summary of the scientific seminar held on 5–6 May, 2014 and dedicated to the work of the priest P.A. Florensky in iconography.

Key words: Florensky, seminar icon.

ОБРАЩЕНИЕ К АВТОРАМ

Присылаемые для публикации материалы должны соответствовать основному содержанию журнала: русская культура (культурология, философия, литература, история, краеведение, музееведение, искусствоведение), ее связи с европейской и мировой культурами. В первую очередь принимаются материалы, связанные с жизнью и творчеством В.В. Розанова и свящ. П.А. Флоренского.

Требования к оформлению рукописей в журнале «Энтелехия»

Статьи принимаются в электронном (диск) и бумажном вариантах. Представляемые материалы редактируются в соответствии с существующими нормативами, предъявляемыми к научным публикациям. Статьи назад не возвращаются, редакция оставляет за собой право принять материалы к публикации или нет. Объем публикации – 0,5 п.л. В отдельных случаях по согласованию с редакцией объем может быть увеличен или уменьшен.

В соответствии с требованиями ВАК РФ необходимо указать УДК, составить аннотацию и ключевые слова. Фамилия автора, название статьи, резюме (abstract) и ключевые слова даются на русском и английском языках.

Обращаем внимание авторов на порядок оформления английского варианта, который дается в начале статьи отдельным текстом (выравнивание «по правому краю»): первая строка – имя (полностью), отчество (начальной буквой), фамилия автора; вторая строка – место работы или учебы (полное название); третья строка – адрес электронной почты. Далее указывается название статьи, (заголовок выделяется жирным шрифтом, регистр «как в предложении»); *Abstract* (аннотация) и *Key words* (курсивом и с новой строки).

Построение основного текста. Тексту статьи предшествуют индекс УДК (первая строка в верхней левой стороне поля). Далее название статьи располагается по центру, пишется прописными буквами, выделяется жирным шрифтом, точка в конце заголовка не ставится.

Требования к форматированию текста:

Шрифт – «Times New Roman»

Кегль – 14

Интервал – 1,5

Поля – все 2,5 см

Абзацный отступ – 1,25 см;

Выравнивание – «по ширине».

Не допускаются переносы, подчеркивание и использование клавиши «Tab».

Сноски оформляются в виде библиографического списка с нумерацией источников по алфавиту. Библиографический список помещается в конце статьи, авторы указываются в алфавитном порядке. ФИО авторов даются в курсиве, начальные буквы имени, отчества с фамилией соединяются через неразрывный пробел. Многотомные, периодические издания указываются отдельными томами или номерами, каждому дается собственный номер. Ссылка на литературу в тексте оформляется в квадратных скобках, с указанием номера источника в библиографическом списке и номера страницы.

Библиографическое описание должно быть полным и включать в обязательном порядке город, издательство, год издания. Если описывается сборник трудов или любое неавторское издание, то указываются ФИО тех, кто подготовил, редактировал, составлял это издание. В обязательном порядке указываются общий объем страниц для авторских изданий, страницы статьи в сборнике. Исключение составляют газетные материалы. Общее описание источника, помещенного в библиографический список, должно соответствовать современным требованиям библиографического описания.

Текстовые Примечания даются как концевые, автоматические, с постраничной нумерацией. Ссылки внутри сноски оформляются по тем же правилам, что и в статье.

Автор статьи в обязательном порядке **отдельным файлом** сообщает полные сведения о себе: ФИО полностью, ученые звания и степени, если таковые имеются, полное название места работы и должность, электронный адрес, домашний адрес с почтовым индексом, домашний или мобильный телефоны.

Материалы следует направлять по адресу: 156601, г. Кострома, ул. 1 Мая, д. 16^А,

Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова, корпус «В», кабинет 23,

Межрегиональный научный центр.

Электронный адрес: entelehia@ksu.edu.ru, Едошина Ирина Анатольевна.

ЭНТЕЛЕХИЯ

Научно-публицистический журнал

Главный редактор
Едошина Ирина Анатольевна

Художественный редактор
Компьютерная верстка

С.В. Джерин
Т.А. Смолвик

ИД №03618 от 25.12.2000

Подписано в печать 10.12.14. Формат 60х90/8.
Уч.- изд. л. 11,2. Тираж 500. Изд. № 106
Костромской государственной университет им. Н.А. Некрасова
Адрес редакции: **156001, г. Кострома, ул. 1 Мая, д. 14. (корп. В)**
E-mail: entelehia@ksu.edu.ru

ПРИ ПЕРЕПЕЧАТКЕ ССЫЛКА ОБЯЗАТЕЛЬНА